

18+

НАДИН БАГО

МЕНЯЮЩАЯ МИРЫ

СПУТАННЫЕ НИТИ

ХЕБАРОВ

Надин Баго

Меняющая миры.

Спутанные нити

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48896254
ISBN 9785005094117*

Аннотация

Вселенная процветает, но противоречия всё сильнее терзают Объединённые Миры. Кристаллы Эрму обеспечивают перемещения по космосу, но договорённости с их обладателями трещат по швам. Что станет с федерацией, если соглашения разорвутся? Мятежники наращивают военную мощь и влияние. Удержит ли правитель свою власть над Мирами? А на далёкой Земле из забвения возвращается сила, не знающая себе равных. Кем обернётся она: мстительной стихией, спасителем или ключом к вратам Тени? Только Бездна знает...

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	65
Глава 6	93
Глава 7	104
Глава 8	123
Глава 9	148
Глава 10	168
Глава 11	198
Глава 12	219
Глава 13	263
Конец ознакомительного фрагмента.	292

Меняющая миры Спутанные нити

Надин Баго

Бездна повсюду, всегда и в каждом.

*Совету Семи отдана вся власть.
Но, помни, тангорл, лишь до той поры,
Когда непризнанный древний князь
Сольётся с меняющей миры...*

*Трижды девять сводится к девяти —
Вместе они могут менять миры.
Сами решают – разрушить или спасти,
Не соблюдая правил ничьей игры...
Всё изменилось в водовороте дней:
Их призвавший ушёл в туманное небытиё,
Сшив лучистой сетью прорыв в мир Теней...
Но край Тени задел творенье Её:
Трое ушли по воле Семи и Одной —
Равновесие лишь осталось за ними.
Полагали – вселенная станет иной.
Оказалось – лишь сами стали иными.
...Однажды трое соединятся вновь,
Власть Семи падёт.
В воссоединении прольётся кровь.
Новый рассвет придёт...*

*...Однажды снова будет прорыв,
И в борьбе со вселенной Теней
Иной жизни разгорятся костры
В начале новых дней...*

Иллюстратор Егор Хабаров

© Надин Баго, 2025

© Егор Хабаров, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0050-9411-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Он оказался на этой небольшой далёкой планете, по большому счёту, случайно. Коспáрху требовался отдых. Гном всё чаще стал ощущать, что действительно очень стар. Внутренние дела Совета утратили новизну, политика и интриги за последнюю тысячу лет, что он был помощником вот уже у третьего тангóрла, в сущности, шли по кругу: борьба за кристаллы, попытки подчинить моренантов или договориться с ними, столкновения с мятежниками, флот, торговля, деньги – обычные заботы руководства Объединённых миров.

Коспарх выбрал среди планет с кристопортами ту, которая была подальше от Равновесия и Каменного сердца: судя по описанию в справочнике, Земля располагала немалым количеством приятных и интересных мест, где можно было бы отвлечься от дел. Тангорл не возражал. Так гном и попал сюда. За пару земных месяцев он посетил все интересующие его достопримечательности – от Килиманджаро до Байкала, от амазонских джунглей до снежных вершин Тибета, от Сахары до Антарктиды.

Он уже собирался возвращаться, но какое-то странное чувство незавершённости никак не отпускало его. На самом деле, это началось практически сразу с его прибытием на Землю: все ощущения говорили о чём-то странном, нети-

пичном для этого места. Сначала Коспарх был склонен считать, что это просто из-за незнания планеты, ее удалённости от всего того, к чему он привык за долгую жизнь, но позже, хоть и с трудом, он принял нашептывания внутреннего голоса. Все признаки указывали на зов «проявления».

Коспарх уже так давно не использовал эти знания. Проявление хоть и было внешне простым, но, в действительности, требовало большого опыта и немалых сил. А использовать его требовалось крайне редко: не часто попадаются существа, к которым Совет Семи желал бы применить «проявление» для выявления их истинной сущности.

Но теперь... он понимал, что не всё на этой планете для него закончено. Он просто обязан был найти того, к кому звало его чутье, хотя предполагал, что добром это не кончится.

Её домик на окраине университетского кампуса ничем не отличался от десятков остальных: такие же стены из красного кирпича, тёмная крыша, несколько деревьев и клумб вокруг, подъездная дорожка с небрежно брошенным на ней велосипедом.

Он, наконец, выяснил, где она живет, и, кажется, сумел застать её одну.

Коспарху повезло: занавеска в окне спальни была задёрнута не до конца. Он огляделся вокруг, убедившись, что ни-

какой случайный прохожий не разгуливает здесь посреди ночи, и осторожно, стараясь не быть замеченным, заглянул в окно.

Она спала, свернувшись калачиком на правом боку, сложив руки перед собой. Волосы разметались по подушке огненными сполохами. Блики от уличного фонаря, лившего свет сквозь стекло, играли на белых простынях. В атмосфере совсем не чувствовалось сильной ийкэ, хотя у неё, очевидно, имелись способности. Все было... обычно. Уже это показалось Коспарху странным. Но он всё-таки решил использовать этот шанс, тем более что лучшего вряд ли скоро дождётся.

Гном постепенно выстроил сложную ментальную схему, которой обучился почти три тысячелетия назад, сконцентрировался и, собрав окружающие энергетические потоки, направил их через центр схемы точно на девушку... Ничего не произошло. Совсем ничего. Ни дымки истинной сущности, ни даже её слабых очертаний не угадывалось в полутёмной комнате. Ничего. Она даже не шевельнулась! Но ведь всё было сделано верно: любому из известных ему существ с лихвой хватило бы этого воздействия, чтобы «проявиться».

Коспарх сплёл зыбкую структуру ещё раз, перепроверил все точки и связи, полностью собрался, соединил всю доступную ему природную энергию в плотный узел и снова послал его к ней.

И остался стоять совершенно потрясённым и оглушённым.

Нет, она не проснулась. Истинная сущность так и осталась недоступна в обычном виде. Но он всё же успел... успел увидеть и различить между её сложенных ладоней лёгкий отблеск того переливчатого, ни на что не похожего огня, который вмещал всю Бездну.

Девушка вздохнула во сне и перевернулась на другой бок.

Может быть, ему просто показалось, может, так причудливо сплёлся свет, может, глаза у него уже были не те. Но нет, он знал, чувствовал всем нутром, что увиденное им реально.

– Она вернулась, – прошептал Коспарх, – она вернулась...

Глава 1

Каменное сердце, 2169 год по земному исчислению

Человек оказался в небольшой комнате, сплошь покрытой розами. Пол, потолок, стены – абсолютно всё было усеяно их тёмно-бордовыми, с почти черной сердцевиной, бутонами. Бархатистые лепестки ловили на себя неизвестно откуда льющийся свет и прятали его в своих складках. Комната казалась живой, медленно плывущей куда-то – так плавно раскрывались и снова сворачивались лепестки захвативших её цветов. Они так и манили прикоснуться к ним, прижаться, чтобы полнее ощутить их нежность и волнующий аромат. Он поддался этому желанию, разулся и ступил на нежный алый ковёр босыми ногами, с наслаждением сделал несколько шагов вперёд и медленно протянул руку прямо к середине стены перед собой, но не дотронулся сразу. Ему вдруг почудилось, что поверхность справа как-то неуловимо изменилась, будто... будто зашевелилась. Но нет, на ней по-прежнему были тысячи бутонов роз глубокого красного цвета. – Как кровь, – подумалось ему, – да нет, глупости, просто тени... Он снова посмотрел вперёд и, наконец, коснулся цветов...

Крик невероятной боли и ужаса, казалось, огласил почти всё левое крыло Дворца Совета. Нечленораздельные звуки длились и длились, нарастая и вновь затихая... но уже вскоре

слышалось только тихие стоны, а потом всё смолкло.

Советник опустил рубильник управления трансформацией и устало склонил голову.

– Что я вижу? Неужели уважаемый Акелод грустит? По повстанцу? Да нет, не может быть. Вы, видно, просто устали, друг мой, не правда ли? – из тени в открывшемся проходе вышел Грейл в своей переливающейся синей накидке, перекатывая в ладонях Малый шар Совета.

– Мудрый тангбрл, как всегда, прав. Да, пресветлый, пожалуй, мне нужно немного отдыха. Подозреваемых становится слишком много, ниузы мало двигаются, жиреют. Это снижает управляемость и беспокоит меня. Да, нужен отдых, чтоб всё наладить... конечно, – Акелод почти поверил себе и сам. – Отдых, да просто, видимо... отдохнуть...

– Подозреваемых много, а толку почти нет. С другой стороны, мы славно потрудились сегодня. Эта трансформация изумительна. Ты отлично знаешь свою работу. Пожалуй, до утра ему хватит, так что можешь быть свободен. Восстанови силы и возвращайся, продолжим...

Дождавшись, пока советник по переговорам уйдёт, тангорл взглянул на большой экран, отображавший всё происходящее в Ментальной комнате: мятежник лежал на земляном полу и его постепенно обвивали зелёные нити тонких лиан, тянувшиеся с разных сторон, и чем больше их становилось, тем быстрее пропадали с его тела множественные рваные раны, похожие на укусы каких-то маленьких, но явно

ужасно злобных существ. Только то место на правой руке, где недавно были указательный и средний пальцы, не затрагивалось лианами, текущая кровь образовала небольшую лужицу, но потихоньку впитывалась в пол. Пленник был без сознания и иногда лишь слегка вздрагивал.

А стены и потолок комнатухи по-прежнему заполняли тысячи бутонов, такие же багрово-красные как хорошее вино, притягательные. Посередине стены, противоположной от двери, той, что коснулся пленник, часть роз казалась теперь покрытой росой. Лепестки влажно поблёскивали, словно напившись воды. Но тягучие капли, изредка срывавшиеся с них и падавшие на пол, в действительности были свежей кровью.

Тангорл ещё раз погладил шар, отвернулся от монитора и неспешно направился в свои покои. На лице его играла улыбка.

Всякий, хоть раз увидевший долину Грома не смог бы её забыть.

Глубочайшее ущелье лежало в северной части Каменного Сердца, среди пустынных плато, высоких гор, нагроможденных скал и утесов, покрывавших всю планету.

Невероятно жаркий каменистый шар, не освежаемый даже постоянными ветрами, с ничтожным количеством растительности и животных, был, как ни странно, сердцем Обь-

единённых миров.

И в единственном месте, где воды сотен подземных рек, опутывающих планету, как сеть, всё-таки выходили на поверхность через многочисленные источники в Страж-горах, стоял дворец Совета Семи.

Нетронутое озеро разделялось у одинокой плоской скалы на два широких потока, которые вскоре срывались вниз с огромного обрыва, падали несколько миль, разбиваясь по пути на сотни мелких струй и брызг. Образующееся облако водяного пара мерцало радужными бликами, окутывая всё вокруг непреходящей туманной дымкой.

Да, на неприступной Срединной скале, над пропастью долины Грома, в чудовищном грохоте водопадов тангорлы и обустроили своё жилище и центр управления государством.

Весь дворец окружала невидимая пелена защитного поля, приглушавшая шум воды и снижавшая влажность, а главное, не позволявшая проникнуть в него посторонним. Попастъ сюда можно было лишь по приглашению одного из членов Совета и только по воздуху или с помощью преобразователей. Сухопутного пути не существовало.

Дворец выстроили с высочайшим искусством, сочетающим несравненную красоту с удобством для его обитателей: тангорла, членов Совета, помощников, слуг. Для всех, кроме пленников.

Всю площадь скалы, не занятую грандиозным сооруже-

ем, покрывала буйная растительность, зеленью были наполнены и все террасы, и часть крыши дворца, в противоположность остальной – голой и пустынной – поверхности планеты, потому и названной Каменным Сердцем.

На противоположной стороне долины Грома, на другом таком же гигантском обрыве, только в ущелье, расположенном точно напротив Срединной скалы, жил город. Он поражал своим блистающим великолепием, серебристыми фонтанами, зелёными рощами, питаемыми водами из подземных источников, разноцветными платьями жителей и толпами паломников, одетых в снежно-голубые хламы. Последние привозили с собой самые потрясающие дары и подношения для столицы и Совета, какие видел свет: драгоценности и ткани, книги и технику, экзотические растения, редких животных, и, конечно, невероятные артефакты – всё то, что составляло потом казну Совета в полумифических Хранилищах.

Их влекла сюда, на эту жаркую, как печка, планету главная достопримечательность города: каньон, в котором он располагался, со стороны обрыва в долину Грома был закрыто высокой и широкой стеной, защищавшей город от брызг Великих Каскадов. Посередине этой стены, на уровне чуть выше человеческого роста располагалось маленькое окошко, чтобы посмотреть в него, нужно встать на ступеньку. В это окошко восторженный паломник мог увидеть другой берег, Срединную скалу и, главное, золотые и синие башни дворца

Совета Семи, в зеленой короне садов, как будто парящие над долиной на облаке.

Для большинства это была единственная возможность взглянуть на центр Объединённых миров.

Из-за этого окошка город в ущелье так и назывался – Око Каменного Сердца. Он был одним из самых закрытых, но и самым желанным для посещения местом Федерации.

Выбор Совета Семи пал на эту, казалось бы, неблагоприятную для жизни планету по одной причине: та обладала уникальной чувствительной атмосферой, способной подстраиваться под нужды каждого живого существа на ней, как бы создавая вокруг него защитный кокон. Таких условий больше не было нигде в Объединённых Мирах ни в начале их создания, ни теперь. Это было важно для всегда разнородного Совета, для приёма посланников и дипломатов, торговцев, ну и заключения важных пленников.

Кроме того, Каменное Сердце было второй планетой Равновесия.

Маленькая, неприметная среди вычурной вязи стеновых барельефов дверца бесшумно раскрылась перед ним. Несмотря на совсем недавнее начало службы помощником советника Акелода, Цімфу успел изучить дворец лучше многих живших в нём годами.

Часто он недоумевал, почему другие почти не интересу-

ются окружающим. Ну, по сравнению с ним самим, конечно. Закрываются в скорлупках своих должностей и дел и ни на что больше не обращают внимания.

Глупо, разве нет?

С другой стороны, это ему только на руку.

Никто и так никогда его особо не замечал, даже на родине – благо внешность не выдающаяся – но здесь это, наконец, обрело смысл.

Цимфу быстро приспособился проникать в любые закоулки резиденции Совета Семи, вливаться, не вызывая подозрений, в любую компанию, в любой разговор.

Подслушанные беседы, подсмотренные сценки, прочитанные документы, не убранные вовремя каким-нибудь разиней – его осведомлённость о делах Совета и Объединённых миров росла день ото дня. Не сказать, чтобы он этим уже как-то воспользовался, но Цимфу всегда был убеждён, что информация лишней не бывает. Однажды что-то да пригодится.

Дверку эту церитинессец заприметил довольно давно, но любопытствовать всё не выходило: вечно в коридоре кто-нибудь торчал. Да и к тому же часто внутрь заходили Мирриэнаэл и Ги́лия, а с ними столкнуться хотелось меньше всего.

Бр-р... Цимфу покрутил плечами, сгоняя появившиеся мурашки. Ну Ги́лия ещё куда ни шло, хотя просто так бы она ему разнюхивания не спустила, а вот эльф... Приятный,

в общем-то, старикан. Но что-то такое в нём было, что одновременно и притягивало, и отталкивало от себя. Бесспорно, из всего Совета он вызывал наибольший интерес, даже больше, чем сам тангорл. Однако подходить к нему лишний раз оказывалось невероятно тревожно.

Вот и сейчас сердце так и колотилось в груди: Цимфу знал, что советник по ийкэ там, внутри – видел, как он прошёл минут пять назад. И надо ж так совпасть, чтоб коридор оказался пуст именно в этот момент.

Это был шанс. Юного соглядатая так и потряхивало от неудовлетворённого любопытства.

Рискнуть ли погостить на глаза Мирриэнаэлу? Стоит ли оно того? Или подождать: дверь-то никуда не убежит?

Желание сунуть во всё свой острый нос взяло вверх. Юноша с опаской скользнул внутрь слабо освещённого прохода. Он не боялся быть услышанным: шаги его были не громче мышиных. Но вот наткнуться на кого-нибудь по пути ох как не хотелось. Попробуй потом объяснись. Ещё выкинут из дворца насовсем.

Однако он не остановился.

Двигаясь медленно и осторожно, Цимфу достиг конца коридорчика и заглянул за угол. Перед ним открылось большое многоугольное помещение высотой в несколько этажей, опоясанное открытыми и закрытыми галереями на разных уровнях.

Большая часть пространства оставалась в темноте, но где-

то снизу виднелся ореол яркого света.

Он шмыгнул дальше, за одну из несущих колонн, прикрыл лицо темной полкой своего одеяния и протиснулся в угол, к перилам.

Двумя этажами ниже ему открылась округлая площадка, заполненная кучей какого-то оборудования. Вокруг сновали люди.

Цимфу присмотрелся, по обыкновению прищуривая серые глаза: обстановка напоминала медицинскую лабораторию и операционную вместе взятые. В центре, у одного из столов – если так можно было назвать эту колоссальную конструкцию с кучей датчиков, экранов и манипуляторов – стояли трое: высокий худой мужчина в тонком зеленоватом комбинезоне и такой же полумаске, закрывающей нижнюю часть лица, но не могущей скрыть огромный нос; коротко стриженная темноволосая девушка в похожем одеянии, напряжённо вглядывающаяся в развёрнутые перед ней голографические проекции человеческого тела; и Советник по ийкэ собственной персоной, расположившийся чуть поодаль, но внимательно наблюдающий за всем происходящим.

Высокий длинноносый блондин сдвинулся, открывая взгляду лежащую на столе фигурку маленькой девочки лет шести, полуприкрытую простынёй. Верхняя часть её тела была чуть приподнята, словно на большой подушке, черты лица расслаблены, глаза закрыты. Могло бы показаться, что

она просто спит, если бы не фиксирующие ленты, обвивающие её поясницу, колени, щиколотки, запястья, локти и лоб.

Мужчина повернулся к эльфу и что-то сказал. К сожалению, слов отсюда было не разобрать, даже по губам, да и говорили они тихо. Мирриэнаэл коротко кивнул.

Носач, в свою очередь, кивнул девушке – видимо, помощнице – и коснулся одного из экранов обеими ладонями. Включился один из манипуляторов. Повинуясь плавным движениям человека, электронная рука поднялась вверх и зависла над девочкой. Слева от стола зажглась лента огоньков, осветившая длинный ряд разнообразных размеров колб и сосудов, наполненных разноцветными жидкостями: в глаза бросались ядовито-жёлтый и ультрамариновый.

Из манипулятора протянулись вниз два десятка тонких гибких трубочек и внезапно впились в маленькое тельце со всех сторон. Девочка не проснулась.

Растворы, смешиваясь, потекли из колб в ребёнка. Тело задёргалось, выгибаясь и корчась, однако она по-прежнему спала.

Процедура длилась не дольше минуты. Всё отключилось так же быстро и чётко, как и стартовало.

Блондин отнял руки от проекции, натянул перчатки, осторожно раскрыл пальцами веки маленькой пациентки и осмотрел глаза, потом ощупал ручки и ножки, оглядывая их со всех сторон, периодически отвлекаясь на изучение каких-то данных на маленьком экранчике, подсовывае-

мом ему ассистенткой. Вроде бы удовлетворённый увиденным, он снова обратился к Мирриэнаэлу. Тот неожиданно расплылся в улыбке и хлопнул собеседника по плечу, довольно громко выражая благодарность за проделанную тем работу, так, что даже до Цимфу долетели обрывки фраз:

— «...для Гвардии...», «... новый состав...», «... модификация идёт лучше...», «... испытать и на нуугах...», «...тангорл будет извещён...».

Они кивнули друг другу, прощаясь.

Церитинессец не стал дольше задерживаться, нарываясь на столкновение с заспешившим навстречу эльфом, и поторопился побыстрее убраться со своего наблюдательного пункта. Ему опять повезло, что никто не заметил, как он вышел из открывшейся стены в общий коридор. По крайней мере, направляясь на своё рабочее место, к советнику Акелоду, он шёл в полном убеждении, что удачно провернул это дельце. Хотя нельзя сказать, что его любопытство было удовлетворено. Скорее даже наоборот... Но ещё представится случай...

Прошедший мимо него секретарь какой-то из служб Дворца, достигнув конца галереи, вдруг удивлённо завертел головой, оглядываясь вокруг. Пожал плечами, никого не увидев, и поспешил дальше.

Кем-то тронутый занавес на одной из ниш перестал колыхаться и повис ровными складками.

Глава 2

Эрму, 2169 год по земному исчислению

Она так много слышала об Обряде за свою совсем не долгую жизнь, что он, в какой-то мере, стал для неё чем-то родственным. Большинство её близких давно уже слились с Полем душ. И вот теперь ей предстояло пройти посвящение самой, так же, как и остальным. И всё же её путь будет особенным.

Оя и остальные сейчас находились неподалёку от берега, на Южном мысе Острова. Её родной островок остался с противоположной стороны и был полностью скрыт за Горой. Кажется, здесь собрались все живущие на Острове – солнечные блики дробились и играли на сотнях тысяч граней кристаллов, усыпавших тела жрецов. Воздух гудел от сливавшихся друг с другом напевов и криков.

Гора поднималась почти отвесной стеной прямо перед ними. В темневшем устье небольшой пещеры поблёскивали синие огоньки, отражаясь от тела и переливчатых одежд ожидавшей у входа Высшей жрицы. Грёда – высокая и непередаваемо величественная – казалась совершенно спокойной и сосредоточенной на предстоящем Обряде. Она была готова к предстоящему уходу в пещеру кристаллов. Слишком много лет ей довелось служить символом власти на этой планете.

Она действительно устала, несмотря на кажущуюся невозможность этого для моренанта, тем более такого уровня. Ей хотелось туда, в сердце Горы, туда, где сплошной кристалл стен сливается с телами и душами ушедших. Время пришло давно, но Грида никак не могла все оставить. Но вот, наконец, преемница была найдена. Оставалось совсем немного до того, как на Эрму начнётся эпоха двадцать седьмой жрицы.

Она подала всем знак рукой, и на Острове наступила тишина.

– Пойдём, девочка, твоё время пришло, – Грида поманила Ою за собой в пещеру.

Несколько шагов по входному коридору, и вот они в центре небольшого округлого зала. Входная шахта уже была вырыта и, представлялось, глядела своим чёрным глазом в свод пещеры, будто высматривая кого-то. Трое высших жрецов – единственные помощники Гриды в этом Обряде – замерли в ожидании.

Жрица, не торопясь, подошла к Ое, коснулась тонкой рукой её плеча.

– Всё изменится для тебя и никогда не станет прежним. Это трудный путь, но ты выдержишь его, я знаю. И Обряд, и всё, что будет после. Ради Эрму и твоего народа, ты выдержишь. Ты станешь новой, и мы станем едиными. Только помни, девочка, твоя сила будет велика, невероятно велика, но она – ничто без твоего народа и без Эрму. Помни...

– Да, Высшая, я буду помнить. Всегда.

– Хорошо, тогда начнем. Да, пора.

Высшая жестом подозвала одного из помощников.

– Принеси чашу.

Он с поклоном удалился.

Двое других жрецов в тот же момент сняли с Ои её мягкую серебристую накидку, оставив девушку обнажённой, расплели её длинные тёмные волосы, дав им свободно струиться по плечам и спине. Потом её руки завели за спину и связали тростниковыми ремнями в запястьях и локтях. Такими же ремнями плотно примотали руки к телу, опутали ноги в бёдрах, коленях и щиколотках.

Вернулся первый жрец, неся в руках большой округлый сосуд с широким горлышком. В чаше плескалась чёрная жижа.

Другой из жрецов по знаку Гриды вытащил из-за пояса богато украшенный нож и подал жрице. Та обмакнула нож в чашу, собрала другой рукой волосы Ои в кулак и отрезала их одним движением. Внезапный порыв ветра тут же унёс их с её открытой ладони из пещеры в сторону моря. Жрица взяла чашу двумя руками и поднесла к губам Ои:

– Пей!

Оя с трудом наклонилась и сделала несколько глотков прохладной солоноватой жидкости. Вся пещера как-будто наполнилась негромким монотонным гулом, похожим то ли на далекое пение тысяч голосов, то ли на столь же отдален-

ный рокот волн, бьющихся о берег.

– Хорошо, девочка, – промолвила жрица и вылила остаток жидкости во входную шахту.

Чаша исчезла из её рук. Кристаллы, покрывающие тело Гриды, блеснули особенно ярко, несмотря на полумрак в пещере. Она подняла руку к голове и с усилием отломила часть центрального кристалла своей короны. Крупный, размером с кулачок младенца, камень налился светом в её ладони, став похожим на маленькую голубую звезду.

– Сейчас, Оя, я прощаюсь и приветствую тебя, – жрица смотрела прямо в глаза девушке. На её лице читались одновременно сожаление и облегчение. Губы дрогнули в улыбке.

– Сейчас.

Именно в этот момент Оя в полной мере осознала, какой шаг ей предстоит. Это пугало и восхищало. Но, в любом случае, пути назад уже не было. Девушка ещё раз взглянула в глаза Высшей и открыла рот. Жрица осторожно вложила в него кристалл. Оя почувствовала, словно свет заполняет её изнутри.

– Опускайте!

Трое жрецов бросились выполнять приказание Высшей, пока ещё Высшей. Ою бережно опустили в шахту. Её ноги по щиколотку погрузились в мокрый песок. Жрецы исчезли.

Грида склонилась над узким отверстием:

– Будь сильной, девочка. Помни. А я уйду туда, в сердце Горы. Мы будем ждать.

Она выпрямилась, развернулась и тихо ушла вглубь переплетающихся коридоров, похожая на синий туманный призрак.

Ою охватывало сияние. Она чувствовала тепло и свет, любовь тысяч её сородичей вливалась ей в сердце. Радость пронизывала её всю, с головы до пят.

И тут пришла вода.

Шахта внезапно и практически мгновенно заполнилась морской водой. Она заливалась девушке в глаза и уши, накрыла её с головой. Дышать стало невозможно. Оя забилась, пытаясь вырваться туда, наверх, к пещере, сделать хоть один вдох. Но пути практически обездвижили её. Песок на дне как кандалы сковал ноги. Кристалл будто бы врос в небо и язык и не давал открыть рот. Вода была кругом, она бурлила и пенилась. Лёгкие Ои жгло огнем. Радость испарилась. Остались только всеобъемлющий страх и осознание смерти. Она умирала и знала это и, хуже всего, знала, что так и должно быть, но все равно не могла сопротивляться охватывающему её ужасу.

Вдруг дно ушло из-под ног. Оя стала опускаться глубже. Песок и вода смешались и бурным потоком, вбирая соль и кристаллы со стен, понесли её по извилистым ходам – червоточинам, которыми было изъедено всё основание Горы и Острова.

Кристалл во рту девушки ярко вспыхнул. В мозг словно вонзились тысячи раскаленных добела и одновременно ле-

дяных игл. Её сознание разделилось, одной частью чувствуя боль, крупинки соли и песка, впивающиеся в плоть, погружающиеся в каждую его клеточку, словно пытающиеся выдавить её, Ою, из собственного тела. Другая же часть сознания отделилась и наблюдала со стороны, как это тело проносится по узким каменным коридорам, открыв уже ничего не видящие глаза, следила за текучим голубым сиянием, озарявшим его. В какой-то момент эта часть словно встрепенулась, увидев вдали серебристое облако, и рванулась в его сторону, как будто все силы мира тянули её туда. Облако постепенно стало ближе, и вот уже её сознание погрузилось внутрь и тут потеряло все ориентиры в мерцающем мареве. Она пыталась сосредоточиться. Холод и жар накатывали волнами, отзвуки омывающей тело воды заглушали далёкую тонкую мелодию. Та, другая часть её всё ещё хотела выжить, никак не могла отпустить оставшиеся крохи надежды. Но жизнь мешала ей, мешала услышать. Оя поняла, она больше не должна, не может жить. И она умерла.

В тот же момент она почувствовала, как сознание снова становится целым, и слилась с облаком. Это было вовсе не облако. Она, наконец, попала в Поле душ. Все они собрались здесь, все тысячи живших до неё. Каждый из них служил частью той самой мелодии, мелодии радости, любви и покоя. Музыка оплела и пронзила её, и Оя ощутила вливающуюся внутрь силу, увидела мир чётко и ясно, словно через волшебное стекло, каждую крошку и черточку Эрму. Эта си-

ла была невероятна, ошеломляюща, но совершенно не сравнима с общей силой, силой соткавших эту мелодию.

Кристалл вспыхнул снова и растворился.

Оя улыбнулась и словно выпала из облака назад в своё собственное тело, которое тоже не осталось прежним. Она надела его как платье и всплыла вновь целой в Песчаном озере, у входа в пещеру кристаллов.

Весь подземный зал, занятый священным водоёмом, сиял огнями. Синий с серебром свод уходил вверх ярдов на двадцать. Берег заполняли жрецы. Сейчас их было сорок девять. Они стояли в два ряда, образуя проход ко входу в пещеру кристаллов, обратив свои взоры на озеро. Вскоре белёсая поверхность пошла мелкими волнами и в его центре поднялась она, двадцать седьмая Высшая жрица Эрму. Она огляделась и направилась к берегу. Густая илистая масса озера мягко расступалась перед ней. Оя ступила на сухую землю, и жрецы поклонились, приветствуя её.

Она стояла перед ними, высокая, стройная, с переливающимся как россыпи алмазов телом. Волосы исчезли, вместо них её голову покрывали невероятные наросты и скопления крупных кристаллов, образующие прекрасную и неповторимую корону.

Высшая жрица также склонила голову в приветствии, выпрямилась и устремила взор на вход в пещеру:

– Свершилось. Я иду к вам.

Полуг, 2169 год по земному исчислению

Ушастая мальчишечья мордочка высунулась из входа в пещеру. Серые щёки растянулись в подобии улыбки, когда парнишка разглядел с высоты третьего яруса собравшуюся внизу группку друзей. Махнув им рукой в знак того, что он их заметил, юный ббург обернулся и уставился обеими парами глаз во внутреннюю темноту своего жилища.

– Ма-а-ам! Я выйду, а?

Гладкие своды усилили ещё слабый голос, превратив его в почти взрослый.

Сверкнули и приблизились четыре красных огонька: мать, как обычно, смотрела чуть подозрительно.

– Просто выйдешь? Зачем?

– Да просто поболтать. Ну... там все, ты ж знаешь, – он лишь капельку запнулся, но мать, конечно же, этого не упустила.

– Поболтать, говоришь? – она тоже выглянула наружу, покачала головой и снова обратила внимание на сына. – Знаю... ещё бы мне ваши затеи не знать. Наверняка ведь побежите на станцию. Новый отряд же сегодня забирают, или я ошибаюсь?!

Её пристальный взгляд, казалось, проникал в каждый закоулочек его мыслей.

Букс покаянно вздохнул: отрицать было бессмысленно.

– Ну, ма-ам... – протянул он, – мы издалека, только взглянем. И недолго, да.

– Только взглянем... как же. Ладно уж, бегите, только держитесь подальше от платформ: ещё задавят вас ненароком в суматохе.

– Какая ж там суматоха?! – возмутился мальчишка. – Там такой порядок – ого-го! В нууги суматошных не берут, я знаю. Я всё-всё уже знаю про набор. Вот вырасту и тоже пойду в добровольцы. Войско Совета, представляешь?

Була только прикрыла глаза: не первый раз уже слышит она от него такие речи. И откуда это взялось?!

– Сынок, что ж хорошего в войне?

– В войне? В какой войне? Мам, ты ничего не понимаешь. Нууги не для войны: они помогают в открытии и присоединении новых миров. Новых миров, совсем других – больших, просторных. Не то что наша теснотища. Путешествия, полёты среди звёзд..., – он мечтательно зажмурился, – другие планеты, другие города. Может, даже Око увижу, а?!

– Может... оно так-то, конечно... но зачем в нууги? Твой отец...

– Отец... – фыркнул, перебив её, Букс. – А что отец? Вечно на этих своих вахтах пропадает. И себя гробит и зарабатывает... ну, не так чтоб много. Сколько уж живём в этой старой пещере? Нет, это не по мне. Я – ббург, мы рождаемся воинами! – он подбоченился, гордо выпятив грудь и распра-

вив плечи, только-только начавшие покрываться типичными взрослыми буграми и шишками. – Да! Я пойду в нууги, так и знай.

– Куда б попали твои нууги без топлива, которое делает твой отец?! Но ладно... ладно, – она не стала спорить, – пусть пойдёшь, но надо подождать, согласен?

– Конечно. Но вот лет через десять...

– Через десять или пятнадцать – там видно будет. Ладно, беги уж, воин.

Парня не надо было упрашивать: за секунду он сорвался с места, почти скатился по вырубленным в скале ступеням и вприпрыжку вместе с другой ребятнёй помчался вон, мелькая между деревьями. За кромкой леса их ждало такое желанное зрелище отправки новых добровольцев со всего Полуга, желавших посвятить свои жизни служению в Войске Совета Семи.

Да уж, тут Совет своего не упустит: пользуется тем, что им давно тесно жить на родной планете, вот и бежит молодёжь кто куда. А куда податься юноше-ббургу? Хотя, если поразмыслить, то зачем тангорлу столько? Хорошо хоть берут только взрослых, ну не считая сирот, естественно, но сирот тут мало.

Правда, Букс так редко видит своего отца. Вон, уже в открытую критикует, но ей-то ясно, что скучает.

Каково там Лодасу сейчас, в этой их душегубке?

А может, дожидаться его с этой вахты, да и переехать всем

вместе куда-нибудь? Не здесь, не на Полуге, а совсем... куда-нибудь? Денег... ну, денег должно хватить, а если и пещеру продать...

Может, где-то в другом краю Объединённых миров Букс забудет эту свою затею с нуугами?

Глава 3

Язоритос, 2169 год по земному исчислению

Предзакатные лучи бледным светом ложились на изрезанные горные склоны, золотили верхушки редких деревьев на своем пути и отражались от беспокойных вод небольшой безымянной речушки. Гора полого поднималась ввысь от зелёного, покрытого высокой травой подножия к серо-чёрной, словно обожжённой середине, и дальше терялась в облаках. Её вершину можно было разглядеть только в редкие совершенно безоблачные дни – казалось, она упирается в самый край неба – но и тогда у верхушки клубилось туманное марево, как зарождающаяся туча. Но тучей оно не являлось – то сонно дышала сама гора, изредка всхрапывая пепельными выбросами и обвалами.

Однако здесь, внизу ничего особенного не ощущалось. Ровная долина, окружавшая гору, была почти лишена серьёзной растительности, за исключением разве что шаровидных колючек и невысоких жёлтых кактусов, да и те все же встречались ближе к тем тоненьким ручейкам, текущими изпод горы, да у реки.

На горизонте виднелись очертания других гор, подобных здешней. Иногда они встречались парами, но чаще были одиночными. Над частью из них так же курился лёгкий дымок.

Высокий человек, стоящий на склоне недалеко от подножия, окинул взглядом окрестности. Воздух сегодня был особенно прозрачен, позволяя убедиться в отсутствии движения вокруг, за исключением, конечно, гомонящих птиц, как раз сейчас направлявшихся на очередную охоту за вечерними жуками и букашками.

Длинные каштановые волосы мужчины тремя косами лежали на оливковой куртке, покрывавшей широкие плечи. Его грубо вырезанное лицо в обрамлении пышных усов и бороды было серьёзным, но расслабленным, когда он рассматривал склоны. Даже зоркий тренированный взгляд почти не замечал ничего, что выглядело бы чужеродным этому месту. А ведь здесь были сотни людей, десятки хижин и ангаров, оружие и даже космолёты, но одна из крупнейших их баз оставалась сокрытой от любого, кто не знал о её существовании и расположении.

Он, казалось, остался удовлетворён увиденным и начал спускаться по узкой, едва заметной тропинке, уводившей налево к небольшой, но широкой расщелине. Там под закрытым с трёх сторон навесом, издалика неотличимым от окружавшей его природы, ждали несколько его соратников. Один, как ему доложили, только что прибыл с важным донесением.

Рамис шагнул внутрь. Сегодня было довольно тепло, поэтому ни костёр, ни тепловые излучатели пока не понадобились. Света от заходящего солнца, проникающего через от-

сутствующую стену, тоже оказалось достаточно.

Иле вскочила с подушки, на которой ещё секунду назад она так расслабленно сидела, слушая шутки Отора. Буйные короткие кудряшки затанцевали вокруг её лица.

– Командующий, все в сборе, как вы просили.

– Да, вижу. Спасибо, – Рамис оглядел собравшихся.

Отор и Лимм расположились на длинной скамье, установленной вдоль одной из стен. На узком, с тонкими чертами лице Лимма сквозь усталость явственно угадывались горечь и беспокойство. Он всё ещё дышал довольно тяжело, как после продолжительного бега, несмотря на то что прошло уже полчаса с его прибытия. Этого не могло скрыть даже громкое свистящее дыхание огромной туши Гуруздбока, стоявшего у противоположной стены, подпирая её своей серой бугристой спиной.

Да и Отор, пытающийся шутить как обычно, тоже был взволнован.

– Как мы все уже знаем, Лимм только что прибыл с Церитинеса, – начала Иле. – Он услышал об этом совершенно случайно в... – девушка запнулась и бросила взгляд на Лимма, – толпе. Возможно, это только досужие сплетни, но боюсь, это не так, поскольку они объясняют кое-что из последних событий и...

Рамис жестом остановил свою помощницу.

– Вступления достаточно, – произнёс он, усмехнувшись. – Лимм, давай ближе к делу.

– Да, конечно. Ты знаешь, я был на Церитинесе с совсем простой целью, еда да одежда, ничего особенного. Ну, так я уж, считай, обо всё договорился там, ну и решил... пройтись ещё по рынку, приглядеть чего-нибудь полезного, – Лимм смущённо посмотрел на Рамиса и Иле. – О, ладно, кого я обманываю... Я заглянул в трактир, ну, ты ж понимаешь, церитинесский эль и... ладно. В общем, сидел я там с кружечкой, ну а разговоры там такие, не хочешь да услышишь. Да и не таились они, открыто говорили. Троица за соседним столом. Болтали, что Совет-то как ошибся – подорвал торговый космолёт, с зерном, вроде. Космолёт маленький, частный, не приписанный ни к одной гильдии. Ну и что извиняться теперь, наверное, тангорлу публично, ну это они думают. Я там не придал этому значения, уж мы-то знаем, на что способен Совет, но по пути сюда кое-что вспомнил о наших... А тут уже мы сопоставили... Короче, спланировано это все было, я думаю.

– Понятно. Да, с нашими сведениями – это тревожные вести. Отор, что скажешь?

Темнокожий молодой человек поднялся и взглянул на командующего:

– Мы потеряли связь с «Биром». И с кораблем, и с командой, со всеми тремя. «Бир» как раз обозначал себя как торговца вне гильдий. И вылетел он на миссию с Каритоса, загрузившись дополнительно зерном. То есть, с учетом информации Лимма, мы их потеряли. Судя по всему, по мо-

им техническим данным, корабль уничтожен. Вероятно, целенаправленным нападением. Мы не знаем, что с экипажем, возможно, они захвачены нуугами. Или... погибли. Хотя не знаю, что хуже.

– Тень их поберери! Нууги! – воскликнул Рамис зло и обеспокоенно. – Мы должны выяснить, что с нашими людьми. Живы ли они?

– Есть и хорошие новости. Относительно, – из дальнего угла выступил человек, до этого скрывавшийся в тени и не вмешивавшийся в разговор. Он был высок и черноволос, его голос был достаточно мягок, в нём слышались успокаивающие нотки, однако на аристократически красивом, но жестоко разорванном несколькими шрамами лице не угадывалось никаких эмоций.

– Отор проверил, наши части передатчиков свободны, значит, что бы там ни случилось, они успели уничтожить свои половины. А значит, Язоритосу пока не грозит нападение. Плюс, если подумать, то коль скоро им хватило времени на уничтожение преобразователей, то, возможно, и наш груз они так же уничтожили. Тогда, повторяю, возможно, если они выжили, их приняли за простых торговцев, проверят и отпустят. Про извинения я, конечно же, забыл бы. Но, к сожалению, все мы понимаем, что это маловероятно. Нууги не интересуются мелкими перекупщиками. А уничтожение гражданского корабля – большая ошибка для них. Так что я склонен согласиться с Лиммом, это было спланирова-

но. Экипаж погиб или пленён. Скорее всего, они уже потеряны для нас, – мужчина окинул тяжелым взглядом собравшихся, янтарные глаза сверкнули в отблесках закатных лучей. – Всё это означает ещё кое-что...

– Зор прав, – наконец вмешался Гуруздók, – кое-что, хм. Кое-кто, я сказал бы. Кто-то сдал наших людей на Кáрито-се. А я давно говорю, что эта планета кишит тангорловскими шпионами, не зря он сам на ней родился. Тьфу, – Гуруздók смачно сплюнул на землю, его маленькие ушки налились кровью, четыре глаза смотрели на остальных совещающихся с вызовом, он явно был в ярости. – Мы должны показать им... у нас достаточно сил... я давно говорю, нужно открытое сражение.

– Ты снова торопишься, друг мой, – Рамис успокаивающе похлопал ладонью по огромному плечу ббурга. – Да, сейчас наши силы действительно велики, но открытое противоборство с нуугами – это большие потери при непредсказуемом результате. У нас достаточно людей, но мало техники и, главное, информации. Но твоё время придёт, и скоро, я полагаю. Не так ли, Зор?

Черноволосый взглянул командующему в глаза, кивнул и обернулся к ббургу.

– Без этого не обойдётся, рано или поздно. Твоя сила нужна нам, Гуруздók, но пока направь её на тренировки состава, не все из них готовы к настоящему бою. Согласен?

Тот потрянул головой, громко фыркнул, перевел взгляд

на Рамиса, кивнул и снова прислонился к стене в ожидании.

– Боюсь, что Зор не ошибается, – продолжил Рамис, – мы их действительно потеряли. Но мы всё же не можем всё так оставить. Стоит попытаться хотя бы выяснить, что с ними. Если они живы, то тогда... – он замолчал, – тогда и обсудим, что делать дальше. Да, займитесь сбором информации. Отор, Иле, на вас обработка данных, как обычно. И да, постарайтесь привлекать к этому меньше народу, дополнительная осторожность не повредит. Ладно, все свободны сейчас. Следующий сбор завтра, как обычно.

Командующий коротко склонил голову, прощаясь, развернулся, прошёл к большому столу в дальнем углу навеса и уселся на стоящий за ним широкий стул с высоченной изогнутой спинкой. Он ещё раз взглянул наружу, на край прячущегося за горизонт оранжевого диска, на разбредающих в разные стороны своих людей, тяжело вздохнул и потянул небольшой рычаг рядом со столом. Пространство отсутствующей четвёртой стены с шуршанием закрылось плотной тяжёлой тканью. Одновременно с этим вокруг зажглись несколько небольших ламп, мягким желтоватым светом окутавших получившуюся комнату.

– Да, друг мой, наши шансы в этом деле невелики, – снова тихо заговорил он, обращаясь к Зору, оставшемуся стоять у только что закрывшейся стены. – Возможно, это будет тратой ресурсов, но мы должны сделать всё от нас зависящее, ты же понимаешь. Этот корабль был очень важен для нас,

его груз... ладно, что толку жаловаться. Теперь с Эрму потребуются новые переговоры. Мы не исполнили обязательство, и они вряд ли захотят слушать о причинах. Они понимают, насколько нам нужны новые кристаллы. Столько было сделано для этого и вот, – он со злостью стукнул огромным кулаком по столу. – Проклятый тангорл и его приспешники, как? Как они сумели узнать?

– Гуруздок тут, думаю, близок к ответу. Вероятно, кто-то передал им информацию. Но не стоит переживать раньше времени, возможно – если это всё не было ужасной случайностью – Совету стало известно только о нашем грузе, но не о сделке с моренантами, тогда у нас есть время договориться ещё раз. Это шаг назад, но всё же, – Зор задумался на несколько секунд, – да, и ещё есть то дело, в Оке. Оно может дать нам шанс исправить... может, не всё...

– Да, действительно. Что-то слышно от Кúргу?

– Нет. Пока нет, ничего. Но и плохих вестей тоже нет, так что нам остаётся ждать.

– Хорошо, подождём. Но времени уже прошло достаточно. Если он не вернётся в ближайшие три дня, думаю, стоит отправить кого-то ещё, проверить.

– Согласен, три дня. Я прослежу. До утра, – Зор хлопнул Рамиса по плечу, прощаясь, на выходе приоткрыл угол тканевой завесы, обернулся, ещё раз взглянул на командующего и тихо выскользнул наружу.

Церитинес... Он вернулся в своих воспоминаниях в то время, когда впервые попал туда. Тогда, сотню лет назад, это было прекраснейшее место, одно из лучших, что он видел в Объединённых Мирах.

Зелёная холмистая местность с сотнями рек, тысячами ручьёв и озёр, с шумящими широколиственными рощами и подпирающими небо сосновыми лесами – идеально для жизни. Десятки городов и несчётное множество деревушек, хуторов были рассеяны по ней. Планета процветала. Лучшая пища, лучшие ткани, невероятные изделия разнообразных местных ремесленников и, конечно, специалисты по работе с преобразователями – всё это приносило огромные доходы. Курнн – её столица – мог посоперничать роскошью с самим Оком, а уж размерами значительно превосходил его.

Туда стекались люди со всех концов вселенной, иногда появлялись даже обитатели Неприсоединённых земель.

Он помнил, как бродил по широким аллеям, затенённым огромными бочкообразными деревьями, и узеньким старинным улочкам, пропахшим специями, духами и средством от рыжих муравьёв, поднимался на каждую из четырёх главных башен столичного центра, с любой из которых открывался вид на весь город и мили лесов и полей за ним. На северо-востоке тогда под лучами солнца, слепя глаза, сверкали серебром воды огромного озера Яру.

Именно на его песчаном берегу он встретил её. Высокая

и хрупкая, как все эльфы, своей зелёной кожей и золотистыми волосами она напоминала цветы, что росли на его родной планете. Он почувствовал её сразу, стоило лишь взглянуть в эти глаза цвета травы. Она томилаь внутри этого тела, недоступная для прямого контакта, но не сокрытая полностью, по крайней мере от него. Она, как и он сам, не была в полной мере собой, но явно не по её собственной воле.

Да, он встретил её именно там, и, казалось, обрёл что-то действительно важное.

А потом пришли нууги.

И он потерял её. Церитинес тоже стал другим.

И этого не исправить.

Глава 4

Земля, 2169 год по земному исчислению

Берег Северного Ледовитого океана не был местом, приятным для жизни. Постоянный холод, минимум растительности, полярные дни и ночи – обычные люди приезжали сюда редко и с неохотой. Однако, именно отсутствие посторонних, а также то, что здешняя ледяная прозрачная атмосфера наилучшим образом подходила для ментальной концентрации, и послужило причиной основания тут Университета управления природными энергиями.

Университет был создан шестьдесят шесть лет назад – через три года после вхождения Земли в состав Объединённых миров. Конечно, это произошло по инициативе представителей Совета Семи, стремившегося не упускать из виду ни одно существо, в достаточной мере обладающее ийкэ – способностью чувствовать энергии вселенной и пользоваться ими. На Земле подобные способности раньше считали ничем иным как магией.

Именно посланцы Совета передали общие знания об ийкэ, о науке управления энергетическими потоками, знания об использовании специальных техник, методики обучения и тому подобное. Постепенно люди перестали воспринимать это как чистое волшебство, поняли её внутренние законы

и правила, и стало возможным изучать ийкэ как отдельную дисциплину.

Управление энергиями, безусловно, относилось к разряду сложных наук – вроде астрофизики или биоинженерии – и потому требовало больших усилий в изучении. Да и способности у всех были разные.

Тем не менее, обучиться первичной бытовой ийкэ вспомогательного характера при желании мог почти каждый. Землянам повезло: задатки их расы в этой области оказались выше средних.

По-настоящему одарённых или просто упорных и усидчивых, добивавшихся результатов за счёт большего времени, потраченного на учёбу, инспекторы могли пригласить в УУ-ПЭ. Но, хотя таких отбирали по всей планете вне зависимости от возраста, образования и происхождения, в действительности, их было не так уж много – одновременно в университете обучалось не больше пятисот человек.

Так в него попала и Пейдж.

Нельзя сказать, что переезд в это неприветливое место из родной Калифорнии ей особенно понравился, но она с детства мечтала об УУПЭ, и, хотя и не блистала природными способностями, благодаря прекрасной учебе и высокой трудоспособности сумела привлечь внимание инспекторов и была рекомендована к зачислению в университет. В общем, ей повезло.

Она была заключена в этой девушке последние двадцать три года, с самого её рождения. Хотя, что значат двадцать три года по сравнению с прошлыми тысячелетиями, проведёнными в сотнях других душ.

Однако в этот раз всё ощущалось как-то более остро: как осознание самой себя – Аррилии, так и связь с носителем – Пейдж. Она проживала вместе с Пейдж каждую минуту её жизни, радовалась детским открытиям, расстраивалась из-за подростковых обид, взрослела, выбирала путь... Связь крепла так, как ещё не бывало прежде. Аррилия знала, что поступление в УУПЭ – её выбор, её, не Пейдж, ту она только направила, мягко, исподволь влияя на сознание. Раньше, с другими душами, воздействие не было столь эффективным.

Едва услышав об УУПЭ, заключённая поняла, что просто обязана там оказаться любым способом. Какое-то предчувствие словно звало её туда. И тогда Аррилия стала давить на Пейдж сильнее. Та была ещё совсем девочкой, когда начала интересоваться ийкэ. Никто в её семье не показывал каких-то серьезных успехов в этом направлении, да и личные способности малышки представлялись более чем обычными, рядовыми. Поэтому многие удивлялись тому упорству, с которым она изучала интересные ей области наук, буквально вгрызаясь в знания. Прогресс радовал: Аррилия прилагала все свои ограниченные силы, вызывая в Пейдж стрем-

ление к большему, желание вырваться из привычного мира, наводя сны, которые простой девушке казались невероятными фантазиями, а в действительности когда-то были реальностью для самой Аррилии, а что может быть невероятнее, чем жизнь эризингии.

А ещё Аррилии впервые казалось, что душа-носитель буд-то бы тоже осознаёт их связь. Такого не случалось никогда: да, раньше эризингия тоже влияла на носителей, в небольшой степени направляя их действия, подталкивала к выбору решений в разных ситуациях, хотя и не всегда; да, она сама получала новые знания и силы (которые, к сожалению, никак не могла применить), но не как часть кого-то, а скорее как сторонний наблюдатель. В этот раз связь ощущалась гораздо интенсивнее. Чужая душа теперь не была просто окном, через которое Аррилия смотрела на мир, эта душа как-то влияла и на неё саму, меняя что-то глубоко внутри, заставляя считаться и с её стремлениями. Заключённой повезло, что эти стремления, в основном, совпадали.

Пейдж всегда знала, что внутри неё есть кто-то ещё, не только она сама. Смутный, неопределённый, совершенно необъяснимый, но неопровержимый для неё факт. Нет, она не чувствовала себя другой, не такой, как её представляют окружающие. Она была полностью в ладах со своей душой и сознанием. Но чувствовался кто-то ещё. Кто-то, кто не был

ею, Пейдж.

Поначалу такие мысли пугали, казались ненормальными, может, даже требующими помощи, лечения, но постепенно, с течением лет это стало естественным, этот кто-то стал родным, кем-то вроде советницы, внутреннего голоса, который ощущался отдельной личностью. Пейдж почему-то стала определять голос как женщину, возможно, мудрую старушку.

Существо ей помогало, девушка чувствовала это с самого детства. Вот и в УУПЭ она оказалась, думалось, не без помощи этого неизвестного, который словно мягко направлял её по пути ийкэ, будто показывал окружающие её потоки энергий.

И правда, Пейдж начала серьёзно интересоваться ийкэ именно из-за этого существа. Когда она стала чувствовать чужака, то взялась за книги, пытаясь найти в них объяснение, понять, что же с ней не так, и как от этого избавиться. Позже осталось только желание узнать, кто прячется внутри, и действительно ли в ней вообще есть кто-то. Но ничего подобного ни в бесчисленных томах и свитках, ни в прослушанных лекциях она до сих пор не отыскала. Объяснения не было. Надежда что-то выяснить таяла как свеча. А беспокойство почему-то в последнее время росло. Не хотелось общаться с друзьями по университету, не хотелось слушать посторонние лекции, просто не хотелось тратить время ни на что, что не делало её ближе к тому ответу, за которым она

во многом и пришла в УУПЭ.

Вот и сегодня Пейдж с неохотой начинала новый учебный день. Как обычно, она привела себя в порядок, наскоро перехватила завтрак, схватила сумку, ещё раз обвела взглядом свою комнатку в кампусе, убедившись, что ничего не забыла, закрыла за собой дверь, подхватила велосипед, стоявший у дорожки, и направилась к основному университетскому корпусу. Спешащие студенты стекались со всех сторон к главным зданиям комплекса, и большинство из них двигалось с нею в одном направлении – к большому залу – сегодня там для старших курсов состоится лекция одного видного профессора, специалиста по ментальным энергиям и гипнозу. Пейдж это направление не особенно интересовало, но посещение было по указанию руководства университета обязательным.

Подъехав ко входу и припарковав своего двухколёсного помощника среди сотни подобных, Пейдж оглядела площадку у зала и подошла к своим сокурсникам. В последнее время она мало с кем общалась, даже Тереза и Мёрф как-то отделились, но сегодня вели себя вполне доброжелательно.

– Эй, Пейдж, привет! Как ты?

– А что, по мне незаметно? – разномастные глаза прищурились.

– Ну, ты сегодня снова бука, – Мёрф ухмыльнулся.

– А ты, как всегда, веселишься, как посмотрю.

– Да ладно тебе! Просто тебе надо ненадолго оторваться от своих книжек. Не расстаёшься с ними до ночи. А теперь вот не выспалась и злишься, что лекция рано.

Пейдж поморщилась.

– Я вообще не хочу на эту лекцию, рано она или поздно. Потеря времени.

– А Ли с выпускного курса сказал мне, что этот мужик неплохо рассказывает, и опыты у него интересные. Ли был на его лекции два года назад, говорит, интересно, – встала Тереза, поправляя соломенные кудри, и улыбнулась.

– О, у твоего Ли всё интересно, прыгает по специализациям как коза по горам.

– Ну и что?! Тебе-то какое дело?! Он просто любит всё новое. Уж не хуже, чем ты – вообще непонятно, что тебя интересует в последнее время.

– Ничего... – буркнула Пейдж.

– Вот именно! Мёрф прав, ты заучилась. Надо больше отдыхать. Не злись. Давай, плюнь сегодня вечером на занятия, сходим куда-нибудь.

– Точно, – заметил Мёрф. – Сегодня, кстати, Джеки вечеринку у себя устраивает. Какая-то очередная годовщина чего-то там.

– Ага, видимо «я вытерпела год, не изменяя своему парню»?!

– Ой, ну даже если и так. Ты не любишь Джеки, но у неё действительно классные вечеринки, и собирает она всех под-

ряд. Вы с ней вообще можете там не встретиться.

— Ладно, — девушка тряхнула головой, рыжеватые волосы рассыпались по плечам, — я подумаю. Если удастся выспаться на этой лекции, — усмехнувшись, добавила она.

— О, мы прикроем, — поддержала Тереза. — Пойдём, а то мест в дальних углах не останется.

Пухленький усатый и очень энергичный человечек, который никак не мог определиться, откуда начать лекцию — то ли встав за кафедру, то ли выйдя к аудитории — и всё перекладывал туда-сюда свои записи, не показавшись Аррилии способным хоть к чему-то в управлении ментальными энергиями, а уж тем более к тому, чтобы обучать такому других. Тем не менее, она хотела его послушать: знания есть знания, и они — единственное, что она могла получать в своём положении. Однако Пейдж была раздражена и хотела спать, и к середине занятия это стало практически невыносимым. Именно в этот момент лектор объявил, что переходит ко второй части своей программы, а именно к демонстрации техник внушения и гипноза. Он вызвал из аудитории пару желающих и, действительно, заставил их выполнять его указания: ходить определенным образом, разговаривать с другим акцентом и прочую чепуху. В общем, довольно весело, но практически бесполезно. Профессор отправил участников экспериментов на их места, оглядел зал и сказал:

– Сейчас вы, все присутствующие здесь, точно думаете, ну и зачем нас загнали на эту бессмысленную лекцию, мы уже проходили всю теорию по этому направлению, зачем вся эта ерунда? Я отвечу: мне хотелось показать вам кардинальные отличия между бытовым владением ментальными энергиями, простым развлекательным внушением и настоящим, полноценным использованием ийкэ в управлении людьми, да и многими другими существами. Влияние ийкэ на управление кем-то – это не всегда подчинение, контроль его сознания, попытка заставить сделать что-то для вас, нет. Для меня это, прежде всего, способ раскрытия чьих-то скрытых ресурсов, способностей к ийкэ, которые раньше не проявлялись или проявлялись слабо из-за различных энергетических преград. Сейчас я хочу продемонстрировать вам как раз второе. Мне нужен один человек. Для более яркого и наглядного результата желателен кто-то максимально незаинтересованный, возможно даже кто-то, кому вообще плевать и на меня, и на всё то, о чём я тут говорю.

Студенты дружно загалдели, практически каждый хотел попробовать себя в роли участника эксперимента.

Профессор молчал, медленно и внимательно осматривая аудиторию. Казалось, он не может найти никого подходящего.

Аррилия внутри сладко посапывающей на раскрытом учебнике Пейдж вдруг ощутила всю силу, исходящую от этого невзрачного человечка, и решила, что ей, да, как ни стран-

но, именно ей, а не Пейдж, просто жизненно необходим этот опыт. Ощущение нахлынуло внезапно, и теперь билось в ней как птица. Эризингия сконцентрировала всю ту небольшую энергию, что была ей доступна, направила её на душу Пейдж, пытаясь хоть как-то растормошить ту, заставить проснуться. Это не помогло, и девушка продолжала спать, однако её фигура словно бы подсветилась изнутри, и этого оказалось достаточно. Взгляд профессора остановился на Пейдж, стал сначала ещё более внимательным и задумчивым, а потом превратился в удовлетворённый и решительный:

– Господа, кажется, я нашёл нашего с вами подопытного, – он улыбнулся.

– Прекрасная дева, да вы, вы, светловолосая, – сказал профессор, обращаясь к смущённой Терезе, – будьте любезны, разбудите свою соседку. Мне кажется, как раз она проявила максимум незаинтересованности в моей лекции.

В зале раздались смешки.

– Пейдж, ну же, Пейдж, да проснись же, я тебе говорю, – Тереза осторожно пыталась растолкать подругу.

– О, во имя вселенной, чего ты привязалась, я только немножко вздремну, никто и не заметит.

– Да Пейдж! Приди в себя уже, – буквально прошипела Тереза. – Он хочет, чтобы ты поучаствовала в его опыте.

– Скажи Мёрфу, что он уже надоел со своими шуточками. Дай поспать.

– Да не Мёрф, идиотка! Профессор.

Пейдж вскинула голову, с трудом вспоминая, где находится.

Профессор стоял внизу и улыбался, глядя прямо на неё. Студенты вокруг перешёптывались.

– Ну, с пробуждением вас, милая. Не изволите ли спуститься и помочь мне?

– Что? Я? Но почему я?.. Ну, если вы так хотите, что ж. Да, конечно...

Пейдж стала пробираться вдоль ряда к лестнице, пытаясь согнать с себя остатки сна, потом спустилась вниз, к кафедре и встала рядом с учителем. Тот оказался гораздо ниже её, что, впрочем, неудивительно, она всегда была выше большинства своих знакомых.

– Я не собираюсь извиняться за то, что заснула. Я устала. Но раз уж я здесь, может, поясните, на какой опыт я согласилась?!

– О, ничего сложного, не переживайте, просто маленький сеанс гипноза.

Пейдж скривилась.

– Единая! Вы хотите сделать из меня посмешище.

– Да нет, что вы! Давайте попробуем. Результат вам может даже понравиться, – профессор по-прежнему мягко улыбался сквозь усы. – Кто знает, вы меня ещё и благодарить будете.

– Ага, обязательно...

– Хорошо, давайте уже начнём, а то нас скоро попросят из этой аудитории. Просто дайте мне свои руки и смотрите

прямо в глаза.

Ладони профессора были мягкими и тёплыми, в отличие от вечно ледяных рук самой Пейдж. Его карие глаза, глубокие и внимательные, отчего-то казались гораздо старше своего обладателя. Искры серьёзной, хорошо проработанной ийкэ вспыхивали в них всё ярче с каждой секундой, и вот Пейдж словно накрыла волна энергии. Тихий голос то ли вслух, то ли только у неё в мозгу прошептал:

– Открой себя настоящую, – и девушка словно провалилась в тёмную пропасть.

Аррилия видела, как душа Пейдж становится мягкой, податливой, словно раскрывающийся на рассвете цветок. Именно в этот момент она поняла, что вот шанс, ожидаемый тысячелетиями, и без дальнейших раздумий кинулась в самую сердцевину этой души, бросив все силы на то, чтобы выбраться. Сознание Пейдж раскрылось перед ней широкой дверью в реальность. Но в последний момент эризингия почувствовала, что Пейдж, её тело и душа скорее всего не выдержат этого перехода, а она почему-то не хотела просто так убить эту девушку. И тогда Аррилия сделала то, что представлялось единственно возможным: она слила самое себя с этой широко распахнутой человеческой душой, поглотила её, вошла в её тело и стала с ней единым целым. Пейдж больше не было, но она стала частью эризингии. Аррилия – а теперь это была уже именно она, а не Пейдж – открыла глаза.

В зале стояла тишина, лишь изредка прерываемая востор-

женным шёпотом.

Руки Аррилии по-прежнему были сплетены с руками профессора, однако теперь он казался ещё ниже, чем был до этого, потому что сама Аррилия парила сантиметрах в тридцати над полом. Она взглянула учителю в глаза, он отшатнулся и отпустил её ладони, словно увидел в этом лице что-то пугающее, чего не мог объяснить. Аррилия так и осталась висеть в воздухе. Она оглядела себя, аудиторию, поднялась чуть выше, опять опустилась, снова поднялась, покружилась по залу и, улыбаясь, опустилась на пол.

Зал заплодировал.

– Вот, как видите, именно что-то подобное я и имел в виду, когда говорил о скрытых способностях, – голос профессора немного дрожал. – Правда, сегодня я не ожидал такого эффекта. Дорогая, а вы учились левитации раньше?

– Нет, не училась, – Аррилия продолжала улыбаться.

– Тогда, возможно, это талант, наверное, были предпосылки...

– Как же, предпосылки, – послышалось из аудитории, – да она ж обычная зубрилка. А теперь летает. Как вы с ней это сделали?! Я тоже хочу.

– И мы! И мы!

– Господа, успокойтесь, я ничего такого не делал. Я не умею наделять способностями, да и никто не умеет. Они просто были скрыты, и, судя по вашей реакции, довольно глубоко. Я только помог их выявить. Что ж, надеюсь, вам

есть за что благодарить меня, дорогая?..

– Конечно...

– Хорошо, да... Пользуйтесь, привыкайте. На сегодня это, пожалуй, всё. Я что-то утомился. Все интересующиеся могут связаться со мной позже, пообщаемся в другой раз. До свидания!

Маленький усталый человек быстро собрал все бумаги и как-то излишне торопливо покинул зал.

Тереза с Мёрфом сбежали вниз и кинулись к ней обниматься.

– О, Пейдж, это так здорово! – воскликнула подруга. – Левитация, ну кто бы мог подумать. Не зря я тебя разбудила.

– Да уж, ты тут всех удивила. Смотрю, сама ещё не поняла, да? Ничего, к такому легко привыкнешь, – парень, смеясь, легко толкнул её в плечо.

Аррилия промолчала, решив их не разочаровывать и не пугать. Пусть пока продолжают считать её Пейдж. Ей нужно время, а потом... Потом она, возможно, им покажет... Левитация, как же. Какая ерунда. Она – не какая-то летающая девчонка. Она – эризингия. И она вернулась...

Старый седоволосый гном сидел на тяжёлой деревянной скамье в парке почти у самой кромки воды. Холодные океанские волны сегодня были относительно спокойны и мягко обволакивали берег. Прохлада пробиралась под

камзол, несмотря на явные признаки воздействия на этот парк управления погодой. Весна здесь, в Заполярье, даже со всеми технологическими улучшениями всё равно приносила лишь малую долю тепла по сравнению с местами южнее. Коспарху нравилось это время, когда набухшие почки на редких деревцах и кустах только-только начинали распускаться, а из земли показывалась зелёными ежиками первая трава. В этом было так много чистой, светлой энергии, соединяющейся на берегу с тёмной глубокой энергией океана... Да, место для Университета выбрали превосходное.

Коспарх долго задумчиво смотрел вдаль, изредка отвлекаясь на пробегавшие мимо группки студентов, вдыхая этот наполненный разнородными потоками ийкэ воздух и размышляя о своём путешествии.

Он понял, что «проявление» звало его именно сюда, довольно быстро, стоило лишь взять карту Земли – энергия явно направляла его на север. А когда он узнал, что именно в этом регионе находится УУПЭ, то почти перестал сомневаться в своём выборе.

И действительно, ийкэ здесь просто бурлила. В каждом жителе этого маленького научного городка можно было найти что-то, что соответствовало бы зову. Но этого не происходило, несмотря на многочисленные попытки. Нужные, как ему казалось, линии оказывались какими-то прозрачными, нестабильными, ему всё никак не удавалось ухватить и распутать хоть одну из этого клубка. Тогда он просто ре-

шил попытаться проверить всех, что было незаурядной задачей: студенты, преподаватели, обслуживающий персонал, туристы – их здесь насчитывалось более тысячи. Проявление такого количества существ разного уровня силы требовало времени, а времени-то, как отчего-то представлялось Коспарху, и не было. Но и другого способа он не мог найти. Приходилось ждать, не оставлять попытки, пробовать снова и снова. Многие проявляемые оказывались довольно интересными личностями и, определенно, могли внести большой вклад в знания об ийкэ и в практики её применения. Однако все они были не теми, к кому вёл гнома зов.

Коспарх вздохнул, поднялся со скамьи и неспеша направился к центральной аллее Университета. Сегодняшние занятия подходили к концу, и он хотел быть поближе к толпе студентов, когда они начнут расходиться по домам. Следовало выбрать очередного кандидата в проверяемые, да еще зайти в университетскую библиотеку – надо же как-то оправдывать свой туристический статус. На самом деле, на Коспарха почти не обращали внимания: бородатых старичков здесь нашлось бы предостаточно как среди профессоров, так и среди частных визитеров. То, что он был гномом, тоже не являлось для местных невест какой экзотикой. Да иногда бросали на него лишний взгляд, некоторые подходили поприветствовать, узнать, откуда он, чем занимается здесь, и вообще, как там, на других планетах Объединённых миров. Коспарх рассказывал кое-что интересующимся в общих

чертах, но о своём статусе, Равновесии, близости к Совету Семи и о своих способностях предпочитал умалчивать. Ему не нужны были лишние сложности, официальные приёмы и прочее. В конце концов, он действительно прибыл на Землю как турист, просто для отдыха, и совершенно точно не хотел объяснять местным причины, по которым забрался так далеко на север. Это могло всё испортить, спугнуть того, за кем он пришел сюда. Да и взаимные дипломатические реверансы, в случае его официального представления, без толку отнимали бы невероятно много времени. А Коспарх хотел сосредоточиться на поиске.

Основные двери главного корпуса Университета распахнулись, и на окаймлённую деревьями дорогу хлынула толпа студентов. Как всегда, они ручейками растекались в стороны, спеша кто на дополнительные занятия, кто по личным делам, группки собирались вместе, разделялись, снова объединялись, все шумно переговаривались, изредка хохотали. В общем, как обычно. Однако сегодня чувствовалась гораздо большая всеобщая возбужденность, все оживленно обсуждали какую-то невероятную лекцию некоего известного профессора.

– Нет, ну ты видела, он просто взял её за руки. Заснула – проснулась, и на тебе, такой результат...

– О да, было здорово. Я сначала думала: ну вот, какой-то очередной теоретик, ничего интересного, а он вон как...

– Ага. А ей-то как свезло. Кто бы мог подумать, что она

так сможет. Ну мышь же...

– Мышь? Ну ладно, да, типа того. Но учится она хорошо. Просто мы такого не ожидали от неё.

– Да она сама не ожидала. По-моему, вообще толком не поняла, что он сделал. Как будто ей это вообще не надо...

– Лучше бы он меня позвал...

– А что это сразу тебя, тут многие хотели бы... Как-то это нечестно. Надо было жребий тянуть, что ли.

Коспарх заинтересованно вслушивался в обрывки разговора. Явно произошло что-то нетипичное. Но разобрать толком он ничего не мог, студенты галдели со всех сторон, слова перемешивались. Он понял только, что профессор, видимо, сотворил какую-то невероятную вещь, и кому-то почему-то повезло.

– Простите, – всё-таки решился поинтересоваться гном у нескольких парней, – я вот тут шёл в библиотеку, услышал случайно, все обсуждают какое-то интересное происшествие. А что же произошло, не расскажете?

– О, да на самом деле ничего особенного. Профессор учил нас применять ийкэ для внушения или чего-то там... Ну вот... выбрал одну девушку...

– Ага, она дрыхла на его лекции. По-моему, ему это просто не понравилось, вот он и решил... ну, наказать её, что ли...

– Ой да ладно, наказать! Что ж меня так никто не наказывал... Вот бы неплохо было.

– Да помолчите, дайте расскажу человеку, а то ему ещё за книгами... Да, выбрал он, значит, одну девчонку, ну, что-то за руки её подержал, в глаза посмотрел, и она как заснула. Прямо стоя. А потом в воздух начала подниматься, ну левитировать, понимаете?

– Да, интересно... – произнес Коспарх.

– А то! Вот... а сама спит. А потом раз, глаза открыла и смотрит на него. Держатся так же за руки они, а она при этом в воздухе висит. Невысоко, но всё же... Никогда она раньше такого не делала. А потом он её отпустил, и она пролетела по залу туда – обратно, ну и опустилась на пол.

– И она ж ничего подобного не умела. Вот совсем. А профессор сказал, что вот, вроде как скрытые способности. Вроде бы что-то мешало, а он только помог. Ну, вот и вся история...

– И что же она... дальше летает? – спросил гном немного обеспокоенно.

– Да вроде не пробовала больше. Я не видел.

– И я. Может, это только на один раз сработало?!

– Кстати, вон она, с друзьями. Велик берет. Лететь, кажется, не собирается, – один из рассказчиков указал на стоящих неподалёку парня и двух девушек. – Вон, видите, не та, которая красотка, а высокая, худющая...

– Рыжая?

– Ага, она.

– Понятно. Любопытная история. Спасибо за рассказ. Хо-

рошей учёбы, – Коспарх сделал вид, что направляется в библиотеку, краем глаза продолжая рассматривать троицу. Что-то такое в этой девчонке было. Надо бы проверить. Но позже, где-нибудь, где менеелюдно. Узнать бы, где она живет...

– Да не за что! – парни снова пустились в обсуждение, потихоньку удаляясь от университета.

Она почувствовала кого-то постороннего, не местного, сразу же, в тот же день после лекции, но не стала разглядывать его в толпе, не придав этому большого значения. Но быстро изменила свое мнение, сразу, как поняла, что её преследуют. Кто-то аккуратно и ненавязчиво следил за ней. Большинство этого бы и не заметили – так искусно неизвестный скрывал себя и свои намерения – но только не она.

Теперь, вернувшись, Аррилия чувствовала каждое, даже самое крохотное движение ийкэ, а уж чужое дыхание, бие-ние сердец вокруг было просто обыденностью для неё. Тем более что после долгих лет заключения все её чувства обострились до предела. Она никак не могла насытиться реальностью, своей наконец вновь обретенной возможностью влиять на мир, начиная от самого малого – к примеру, просто осязать окружающее – вплоть до большего, гораздо большего. Она просто купалась в потоках энергии, в Бездне, чувствуя себя в родной стихии.

Она решила не раскрывать себя перед землянами,

по крайней мере, пока. Только несколько раз, в основном на вечеринках, ещё демонстрировала свое якобы вновь обретенное умение левитировать, но мягко, без чего-то сверхъестественного.

Эризингия понемногу привыкала к своей обновлённой сущности, вобравшей Пейдж в себя, и из-за этого ощущавшей некоторые человеческие черты и стремления, раньше, очень давно, бывшие для неё ничем. Она привыкала и к новому телу, также теперь ставшему частью её самой, не то, что в прошлом, когда она выбирала себе физический образ как очередной наряд. Теперь она была с телом Пейдж единым целым, и это не могло на нём не отразиться. Стёрлись мелкие недостатки, шрамики и неровности, совсем чуть-чуть эризингия поиграла с чертами лица, облагородив их, потом передумала и вернула всё как было – и узкое лицо, и длинноватый нос, и впалые щёки, и странные глаза – зелёный и фиолетовый с карим ободком. Волосы чуть ниже плеч ей нравились, но теперь они стали ярче – для этого даже не пришлось ничего делать специально – бушующая в ней энергия будто сама изливалась через них, окрашивая в цвет пламени. Конечно же, теперь эта оболочка не была слабым человеческим телом, она стала неуязвимой для любых воздействий. И да, знаки эризингий, эти печати Бездны, снова были с ней – квинтэссенция её сущности, они вспыхивали на ладонях изначальным переливчатым светом, рисуя узоры изменчивости и постоянства, неся в себе всю ту мощь, что бы-

ла у неё когда-то. Она гасила их свет и прятала его внутри себя, не желая раскрываться раньше необходимого.

Но кое-что не могло вернуться к ней так просто. Без них она не чувствовала себя цельной. Её триада. И Орлгол, и Негио по-прежнему были заключены где-то там, в бескрайней вселенной. Скрыты, спрятаны в чужих душах и недоступны её взору.

Она найдет их, обязательно, Аррилия не могла даже думать об ином.

Но сейчас её так же беспокоил некто, следивший за ней. Неясно, знает ли он, кто она, и вообще, зачем это делает. Следовало выяснить.

Аррилия вычислила его быстро – какие сложности могут быть в этом у эризингии?! Маленький пухленький человечек, седой, с небольшой ухоженной бородой. По происхождению гном, и явно не с Земли. Она не стала глубоко копаться в его сознании, выяснять откуда он. Однако кое-что в нём просто кричало о себе, может быть не для большинства, но для неё это было абсолютно очевидным – человечек владел «проявлением». Он оказался в целом далеко не так прост, как представлялось на первый взгляд, но «проявление» возносило его к одним из высших существ вселенной. Таким умением владели очень немногие. И суть этого умения, в свете того, что гном следил именно за ней, очень не нравилась Аррилии.

Когда же эризингия поняла, в чём состоит интерес пре-

следователя, она успокоилась — он точно не знал, кем она была в действительности, но явно хотел использовать свои дар и увидеть её истинную сущность.

Аррилия не решила, предоставлять ли ему такую возможность...

Глава 5

Каменное Сердце, 2169 год по земному исчислению

Вур наслаждался сегодняшним утром: свет был мягок и не резал глаза. Заливистое пение птиц напоминало ему, что птенцы уже разлетелись из гнёзд, и эти пернатые твари стали теперь гораздо безопаснее, а значит, можно и выйти поохотиться. Чотта облизнулся, потянул передние лапы, но выпрыгивать во двор не стал, лентясь. Он лежал перед окном на одном из своих любимых мест – толстой вышитой подушке – сладко щурился, поглядывая на танцующие в лучах пылинки, длинный пушистый хвост покачивался, слегка касаясь гладкого разукрашенного пола.

Внезапно он весь подобрался и замер, большие уши повернулись в сторону двери. Зверь прислушался. Где-то там, в коридоре, пока ещё далеко, слышались шаги, и их звук явно предвещал какое-то беспокойство.

Спустя пару минут дверь в комнату распахнулась, быстрым шагом вошёл тангорл, крутя в руках маленький преобразователь связи.

– Если эта информация так важна, то говори немедленно. Я не желаю ждать, пока ты доберёшься до доступного портала, да потом ещё из Ока сюда...

– Я не могу рисковать... это только с глазу на глаз... я

возвращаюсь как можно скорее. Наверное, нужно предупредить Совет...

– Я сам решу, кого и когда предупреждать, и следует ли это делать вообще. Вернёшься – сразу ко мне, без лишних визитов вежливости. Расскажешь, что там у тебя, и видно будет... Сразу ко мне, ты понял, Коспарх?

– Да, да, пресветлый...

– Хорошо, жду...

Тангорл кинул блеснувший золотым боком преобразователь на стол, несколько раз медленно обошёл комнату и опустился в глубокое кресло.

Вур мягко спрыгнул с окна и, неслышно переступая лапами, направился к хозяину, подошёл и потёрся о его ногу. Грейл взглянул на него, усмехнулся, поднял чотту и посадил на широкий подлокотник.

– Ну что, мой ленивый друг, – Тангорл погладил его по густой песочного цвета шерсти, – похоже, денёк сегодня предстоит суматошный. Коспарх уж очень встревожен, а этого старикашку уже мало что действительно беспокоит. Посмотрим... надо же, и на отдыхе умудрился найти бед на свою голову...

Чотта шумно заурчал, как будто соглашаясь, и подставил голову под поглаживающую руку. Перстни на той переливались в утреннем свете.

Тангорл прикрыл веки, светлыми пятнами выделяющиеся на фоне сплошной черноты лица:

– Подождём...

Многочисленные залы, коридоры, колоннады и арки, маленькие дворики и шумящие сады дворца Совета Семи были созданы для того, чтобы их жители купались в неге и роскоши. Золотые узоры стен, мозаика полов, зелень прекраснейших растений и, конечно, белые и синие взмывающие ввысь башни – всё это служило обрамлением центра Объединённых миров.

Сотни слуг и помощников, тысячи разнообразных механизмов и артефактов обслуживали невероятно огромное сооружение, не допуская ничего, что могло бы побеспокоить и отвлечь его главных обитателей – членов Совета. Здесь также жили и их семьи, если они имелись, что само по себе случалось нечасто – руководство Федерацией требовало всех сил, практически не оставляя времени на постороннее.

И уж совершенно из ряда вон казалось то, что у правящего тангорла был ребёнок. Дочь. Родилась она не здесь, а на Каритосе. Тогда, и только тогда, отец забрал их сюда, во дворец. Жаль, продлилось это совсем мало. Так мало, что она почти ничего не помнит. Мать умерла, когда она была ещё малышкой, и главе Объединённых миров пришлось оставить девочку на Каменном Сердце с собой.

Яли́на выросла тут и не знала другого дома. Да и что могло бы быть лучше него?! Не зря же Око из года в год пол-

нилось паломниками, желавшими хоть одним глазком взглянуть на потрясающую обитель Совета Семи.

Вот и сейчас, направляясь подышать силой Великих Каскадов, девушка любовалась яркими ажурными узорами на стенах залов, через которые проходила, снова удивлялась прозрачности и кажущейся хрупкости витых колонн, поддерживающих высокие своды, наслаждалась пышной зеленью деревьев и яркими гирляндами цветов, разбросанными то тут, то там.

Светлые, почти белые волосы её плескались по спине и переливались на солнце, синие пряди в них вторили цвету башен дворца, тёмная кожа шелковисто поблескивала на свету. Высокая, тонкая, она быстро преодолевала нескончаемые коридоры и переходы, длинные сильные ноги легко несли её к столь любимому ею месту.

Внезапно Ялина ощутила что-то, заставившее её остановиться. Потоки какой-то неоформленной, беспокойной ийкэ исходили из одной из комнат, обращённых во внутреннюю колоннаду, по которой она шла. Эта комнатка была одной из тех, что предпочитал её отец, когда хотел немного передохнуть и отстраниться от других обитателей Дворца.

Девушка задумчиво гладила амулет, украшавший её шею. Отец, а, судя по ощущаемой ею энергии, это был именно он, не любил, когда его беспокоили в такие минуты. Однако что-то подсказывало ей, что сегодня, он, возможно, отнесётся к её незапланированному вторжению мягче. В конце концов,

желательно выяснить, что же его так взволновало. Ялина решительно направилась к двери.

Тангорл, казалось, спал в широком кресле. Закрытые веки цвета корицы подрагивали. Под его рукой, изредка перебирая большими лапами, тихо урчал Вур. Чотта приоткрыл один серебристый глаз, увидел вошедшую, привстал, медленно потянулся, прыгнул вниз и пошёл к ней. Ялина нагнулась и нежно почесала его за ушами.

– Нет, старый проказник, я не могу тебя взять, ты слишком тяжёл, – животное как будто улыбнулось. Он уселся на ковёр и принялся играть со своим хвостом.

– Ялина, ты? Что-то случилось? – голос тангорла был отстранённым, но не раздражённым.

– Что? А... нет, ничего. Просто... показалось, тебя что-то тревожит.

– Тревожит?! – Грейл, наконец, открыл глаза и взглянул на дочь. – Нет, обычные дела. Управлять Мирами, ты знаешь, непросто.

– Да, конечно. Я просто почувствовала...

– Тренируешь ийкэ на отце? – в голосе мужчины слышалась ирония и некоторое пренебрежение. – Не думаю, что это разумно.

– Нет, отец. Что ты! Это случайно... Я проходила мимо... к Каскадам... как-то само собой...

– Да, ты чувствуешь с каждым днём всё больше, не прилагая специальных усилий. Это хорошо, да. Твоя ийкэ растёт.

Возможно, когда-нибудь ты даже сможешь превзойти свою мать, – тангорл почти незаметно поморщился. – Ладно. Каскады, ты говоришь?

– Да, в них столько силы. Там я чувствую почти без помех...

– Каскады, значит? Ну, осторожнее там. Долина Грома не прощает беспечности... Иди, поговорим ещё после. Сейчас я жду кое-кого.

– Кто-то важный?

– Да нет, – он отмахнулся, – обычные внутренние дела Совета. Иди.

Ялина кивнула ему, вышла и аккуратно прикрыла за собой дверь. Тангорла определённо что-то волновало, но также определённо он не хотел говорить об этом. По крайней мере, сейчас. Что ж, значит позже, если это будет важно... Девушка пожала плечами и продолжила свой прерванный путь к площадке над водопадами. Там-то уж точно всё ясно и просто, никаких тайн, только чистый незамутнённый поток ийкэ и... свобода...

Усталый гном торопливо зашёл в комнату, оглянулся, убедившись, что прислуга оставила его, закрыл дверь и с некоторым облегчением вздохнул. Было тепло, из раскрытого окна пахло свежестью – Великие Каскады никогда не позволяли излишней жаре разыграться во дворце.

Тангорл стоял у одной из распахнутых створок, смотрел вдаль, как обычно перекатывая тёмными пальцами Малый шар Совета. Казалось, его ничто не беспокоит. Однако это было не так.

– Пресветлый тангорл Грейл, не позволите ли...

Тот обернулся, нервно махнул рукой, показывая, что формальности ни к чему. Ярко-синие глаза, казавшиеся чужеродными на этом практически полностью татуированном в чёрное лицо, были как никогда внимательны.

– Говори уже по делу. Что случилось, во имя Единой, что привело тебя в такое состояние? И где ты был? На какой-то Земле? Что хоть сколько-нибудь интересного на такой отсталой окраине?!

– Да. Нет, действительно, так-то ничего особенного там... Но... Нет, не знаю, с чего и начать... Это...

– ...странно? Необычно?

– не... невероятно... Что нам делать с этим?! – Коспарх сорвался на крик.

– Да с чем?!

– Я... Да... Только выслушай... Прими это серьёзно. Она... вернулась... я видел.

– Вернулась? Она? Что ещё за она?

– Я...я, конечно, могу и ошибаться, никто из нас никогда же её не видел, но «проявление»...

– Ты использовал его без согласования с нами?!

– Да, использовал... Я не мог объяснить поначалу.

Был зов...

– Зов?! – тангорл смотрел на гнома с недоумением. – Серьёзно? Это почти невозможно.

– Да, так. Но это был он. Я... я решил сначала проверить, к чему это приведёт. Я никак не мог ожидать... никто бы не мог.

– Ладно, позже разберёмся. Сейчас конкретнее. Кто она? И что значит «вернулась»?

– Это... это только подозрения... И «проявление»... Оно, правда, не совсем сработало, но я почти уверен. Такое не спутать... – голос Коспарха дрожал, – я видел...

– Это с несработавшим-то «проявлением»? – Грейл скептически ухмылялся.

– Да, видел... знаки... знаки древа и вод... и Бездну меж ними... – Коспарх тяжело сглотнул. – Свет Бездны...

Тангорл вздрогнул и закашлялся, шар выпал из его внезапно задрожавших рук на кресло.

– Свет Бездны?... ты... Ты уверен?

– Это был он, да. Как такое не узнать? – гном, сказав главное, немного успокоился.

– Свет Бездны... изначальный свет... Но это значит...

– Да. Вернулась...

– Но как?! Это... это невозможно!

– Не знаю, но там всё не так просто. Там была девчонка, земная. Она теперь в ней. Кто знает как?!

– Всё-таки... Ты говоришь, что там одна из Заключённых?

А... Аррилия, – казалось, что-то мешает тангорлу говорить.

– Да, судя по всему... Она... Она пока не проявляла себя особо. Но свет...

– Единая, помоги нам! Что же делать?

– Совету нужно знать, я думаю. Это слишком... для кого угодно слишком...

– Да, пожалуй. Тут ты прав. Собери Совет. Только Совет. И ты. Никаких писцов и прочих... Распорядись. А сам пока расскажи мне всё подробно, с самого начала.

Город в Белом ущелье и сегодня был по-всегдашнему многолюден. Его гладкие белоснежные стены в иной день могли ослеплять своим блеском, если бы не приглушающая их сияние буйная зелень многоярусных садов, наполненных душистыми цветами, и невероятные, яркие и пёстрые наряды его жителей. Только накидки паломников вторили цвету городских стен и отражающемуся в них небу.

Спешащая неумолкающая толпа лилась настоящей рекой по главной улице, ведущей к Оку. Периодически отдельные люди или группки отделялись от неё и устремлялись в узкие боковые улочки – кто домой, кто передохнуть от работы, суеты многочисленных рынков и магазинчиков, кто пропустить кружку – другую местного красного эля, закусив его тушёными козьими почками.

На центральной аллее и ближайших к ней улицах сто-

ял настоящий гвалт: крики торговков мешались со смехом веселящихся людей, изредка слышались предупреждения охранителей, стук инструментов в мастерских, звон посуды и чавканье в тавернах, непрекращающийся всеобщий галдёж. И не стоило забывать про долину Грома. Шум Великих Каскадов, даже приглушенный стенами и защитным полем, всё равно был довольно ощутим, а уж у Ока становился практически нестерпимым для простого уха. Но невероятный грохот низвергающихся в пропасть водных потоков здесь никого особо не беспокоил – здесь он свидетельствовал саму жизнь и, конечно, силу Объединённых миров. Недаром же Совет Семи разместился к ним так близко.

Но в одной из самых узких и самых дальних улочек, в противоположном Оку конце долины, Каскады были лишь фоном, почти не приглушавшим даже самые тихие звуки.

Маленькая дверца в одной из стен отворилась, оттуда показалась тонкая, затянутая в зелёное рука и поманила стоявшего на входе внутрь. Некто в ярко-оранжевой объёмной хламиде и малиновом подобию тюрбана осторожно огляделся и вошёл, прикрыв за собой дверь.

Комнатка скрывалась в темноте, что несколько мешало оценить её размеры и определить, есть ли здесь кто-то кроме них. Но выбора не было. Информация – вот что ждало его тут.

Человек в зелёном тихо заговорил, слегка шепелявя:

– Вы рано. Это... нехорошо. Опасно. И у меня нет пока

того, чего вы ожидали. Надо обсудить...

– Я приехал не вести переговоры, а получить обещанное. Мне обещали сведения. Так я жду... вы понимаете, с кем имеете дело.

– Да, да, конечно, да... сведения... Ну, они есть, да, но их мало, очень мало... Времени было недостаточно...

– Нам всё сгодится, лишь бы оно было правдой. Сведения точны, не так ли?

– Точны? Ну... да, в той мере, в которой они вообще могут быть точны... вы же знаете... это же... только возможность...

– Да, это мы понимаем, и пока нас устраивает, – оранжевая хламида колыхнулась, из-под неё протянулась большая сморщенная рука с тремя толстыми пальцами. – Давайте уже...

На его ладонь лёг небольшой пакет коричневой кожи, перевязанный шнуром.

– Лёгкий. Действительно, маловато...

– Всё, что было возможно. Это непросто, знаете ли...

Его собеседник хохотнул.

– Непросто... бумажные крысы, вам ли знать, что такое «непросто»?! А, Тень тебя забери, ладно... Что-нибудь ещё?

– Я... нет, ничего. Ничего такого. Хотя...

– Да? – направившийся уже было к выходу обернулся.

– Да тут... вернулся сегодня один из помощников тангорла, старый гном. Не знаю откуда, только его не было видно

порядочно дней. Вроде и ничего особенного, только вот он обычно, возвращаясь откуда-нибудь, всегда проводит день или два здесь, в Оке. Ну там, пьёт, ест, на паломников смотрит, в Дарницу иногда заглядывает. А сегодня прям как гнались за ним – только здесь появился и сразу во дворец. Что такое и почему – то мне неведомо. Но... странно...

– Гном, говоришь, – пришелец хмыкнул, – торопился... к тангорлу, видимо. Ладно, чего уж гадать... Пойду. Смотри, помалкивай, сам знаешь о чём.

Уже у двери он вдруг снова остановился и сказал:

– Да... узнаешь что о гноме и его делишках – сообщай. Мало ли...

Створка со стуком захлопнулась за ним.

Оставшийся внутри запер её и плюхнулся на ближайший стул, вытирая со лба выступивший некстати пот.

– Нет, все-таки стар я уже для этого... да...

Собрать Совет решили в зале Шаров: небольшом и не слишком удобном, но абсолютно защищённом от любых внешних вмешательств. Сейчас даже случайные «лишние уши» чрезвычайно опасны.

Из огромных окон, занимавших почти половину башенного круга, открывался прекрасный вид на дворцовые сады, шум Каскадов с этой стороны был не так слышен.

Поскольку в самом центре зала, блестя золотом и пере-

ливаясь камнями, стоял Большой шар Совета, то Чиггумиэ, Гилия, Атерита и Акелод разместились на мягкой скамье у окна. Сметтр встал с ними рядом, Мирриэнаэл, как всегда, держался поближе к дверям, не желая выпускать ничего из-под своего контроля. Тангорл и Коспарх приветствовали собравшихся у Шара. Пока советники устраивались, гном разглядывал сложные эмалевые узоры и руны, покрывавшие всю огромную сферу, – их глубокая тёмная синева точь-в-точь походила сейчас на глаза Грейла – мрачные как никогда и тревожные.

Двери уже давно закрылись за последним вошедшим, но тангорл по-прежнему молчал. Коспарх тоже не решался начать разговор без веления правителя.

– О, ну сколько можно, вечность нам что ли здесь сидеть, – Атерита театрально вздохнула. – Грейл, объясни уже, зачем ты нас собрал, и к чему такая спешка и секретность?

– Моя многоуважаемая советница по мирам, не торопись, сейчас вы всё узнаете. Однако, ситуация... непростая... Да... Сейчас мой помощник расскажет кое-что. Это... пугающе. Возможно, вы не захотите поверить. А возможно, мы ошибаемся, чему я был бы несказанно рад. Но мы должны учитывать всё... В общем, он гостил кое-где и столкнулся с тем, что может стать крахом Объединённых миров...

По залу пронёсся всеобщий возглас удивления.

– Вы должны услышать сами. Дальше... обсудим. Он говорит правду, то, что он действительно видел. Я прощупал

линии... А вот насколько это реально... не знаю. Коспарх, начинай.

Старый гном в сильном волнении выступил вперёд и начал свой рассказ. Поначалу он нервничал и сбивался, но постепенно всё-таки сумел связанно изложить то, с чем ему пришлось столкнуться.

– ... и это был свет Бездны, – закончил Коспарх.

В зале воцарилась мёртвая тишина. Все будто задержали дыхание.

Тангорл прервал молчание:

– Так вот. Изложенное моим помощником означает... все, наверное, уже должны были понять... Это может означать только одно... Она вернулась. Больше никаких объяснений произошедшему нет. А теперь я бы хотел услышать, советники, что вы думаете по этому поводу.

– Это невозможно, – почти одновременно выкрикнули Смеггр и Чиггумиэ, – совершенно невозможно.

– И тем не менее, всё свидетельствует именно об этом и ни о чём ином...

– Как? Единая, как?

– Это нам неизвестно. И это тоже проблема. Пока она одна. Но вы же слышали, что их было трое...

– Триада, да... Я полагал... думал, это давняя легенда, сказка, – Акелод растерянно обвёл глазами собравшихся, – другие, да, видел... но Заключённые... Сказка.

– Если это хоть на десятую долю правда, то Миры и Со-

вет в опасности. В ни с чем не сравнимой опасности. Нужно срочно выслать туда нуугов, – советница по войне была в своей стихии, хотя голос выдавал её беспокойство, – зачистить всё и уничтожить её...

– Гилия! Какая глупость, – тангорл раздражённо тряхнул головой. – Ты что, не поняла, о ком мы говорим? Речь об эризингии, а не какой-то девчонке... Ты забыла историю? Считала Заключение сказкой, как наш Советник по переговорам, – снисходительный взгляд обежал Акелода. – Сказкой? Нууги? Что они по сравнению с этим?!

– Нет. Нет, конечно... я... Я взволнована... не знаю. Но мы должны думать о том, как защитить себя.

– Мирриэнаэл, ты же больше всех нас смыслишь в этом, – Смеггр, советник по финансам, визгливо вскрикнул, – ну, скажи уже что-нибудь.

Старый эльф криво усмехнулся.

– Это... невероятно... невозможно. Но всё же не исключено, – произнес он, глядя на собравшихся. – Не знаю как. Никто из нас не знает ничего о Заключении толком. Это же была не просто чья-то ийкэ, не только эризингии... там, как говорят книги, и Единая поучаствовала... Если это та, о ком мы думаем, то она угроза для нас: мы созданы на её Заключении – Совет, Равновесие, всё это... – он обвёл руками зал, сады за окном, – не мы были там, но мы последователи тех, кто сделал это с ними...

– С ними, да. Точно, – Атерита всплеснула руками, – их же

было трое. Силы у триад, так ведь?

– Не совсем, – тангорл тяжело опустился на скамью. – У триад их много, очень много, у всех двадцати семи – бесконечно много, но и у одной – несравнимо ни с кем из нас. А уж у этой «одной» ... Она не обладает ийкэ. Она ийкэ и есть.

– Тангорл, я... – Акелод подбирал слова, – ты... твой помощник, мы все за вами говорим «она». «Она» в Заключённой триаде... Значит ли это, что...

– Да...

– Меняющая... – Акелод в ужасе отшатнулся.

– Да, Меняющая миры.

За 9000 лет до этого

– Они направились в систему Ирри́лла, пресветлый. Это наш последний шанс, последний рубеж, чтобы осуществить задуманное. Дальше, совсем рядом – Равновесие. И кто знает, что может случиться...

– Мы должны остановить их! Нельзя допустить их к Великой сети... – тангорл Реу практически кричал.

– Но... возможно, они не собираются туда. Может, стоит ещё раз попытаться договориться...

– Мы уже пробовали, ты же знаешь, Ахрн, – тангорл говорил нервно и испуганно. – Они отказываются... быть с на-

ми...

– Да, но... там же Меняющая... что будет с нами... после... если получится?

– Должно получиться, иначе... они нас уничтожат.

– Не думаю...

– Они опасны. Для нас всех, для государства. Особенно сейчас, когда всё только начало налаживаться.

– Но мы?

– Вы? Вас восемь триад! Вы всё поменяете, когда они перестанут быть вашей частью...

– Позволит ли Единая? Такие перемены...

– Всё изменилось давно. Сколько уж нет Князя?! Если Она даст нам сил справиться с ними, то и вас не обойдёт. Всё получится, да. Мы должны попытаться.

– Хорошо, пресветлый. Как договаривались.

– Ахрн, собирай триады. Там, у Иррилла. Сегодня ваш строй – кольцо Заключения.

Огромный мерцающий шар Иррилла мягко озарял голубым светом всю здешнюю область космоса. Под его лучами кружились несколько десятков планет – от огромных до совсем маленьких. Но то были не просто планеты: для стороннего наблюдателя их движение складывалось в завораживающий, но совершенно невозможный танец вокруг звезды. Невозможный – потому что они не плыли, как другие,

по своим устоявшимся орбитам, не следовали раз и навсегда определённого пути, а перемещались абсолютно хаотично, то приближаясь к Ирриллу, то вновь удаляясь от него на прежнее место или даже дальше, а потом снова устремляясь обратно. Это противоречило всем возможным знаниям о вселенной, но только на первый взгляд и только для несведущих. Все до единой эти планеты были юглами.

Юглы – одни из самых редких и самых необычных существ в мире. Внешне более всего напоминающие именно планеты и их луны, они, тем не менее, живые. Они могут плыть меж звёзд и около них, как им вздумается, хотя и медленно. Они растут, хотя это занимает тысячелетия. Иногда они даже порождают себе подобных. А иногда – пожирают друг друга...

Давным-давно, когда ещё не существовало не то что Объединённых миров, но даже и их создателей, юглы выбрали большую, но одинокую звезду Иррилл в качестве места сбора. Большинство из них жило там всегда, питаясь её ярким светом, хотя некоторые изредка отправлялись изучать другие области вселенной. Кто-то возвращался, кто-то нет. Так или иначе, на заре Эпохи Равновесия их здесь было немногим больше тридцати. Они никак не могли знать, что их ждёт...

– Насколько ты уверена, что нам стоит это делать? – Ор-

лгбл остановился посреди тёмного пространства космоса. Неподалёку горел широкий диск Иррилла. – В конце концов, именно мы сами создали Сеть, а теперь собираемся её уничтожить. Я понимаю причины, но вправе ли мы это делать? Именно мы... К чему это может привести?

– Стоит ли? – Аррилия замедлила свой полёт и закружилась вокруг соратников. – Вправе ли мы?! Никто кроме нас просто не сможет. А мы должны, просто должны попробовать. Да, нас призвали когда-то поставить Сеть, и мы сделали это. Но почему? Для чего это было нужно? И было ли нужно вообще? Что мы знаем о Тени? Никто не был в том мире. Всё, что у нас есть – обрывки, домыслы... Мы – эризингии. Не знать о чём-то во вселенной... Я... я чувствую, как это противоречит мне... Я должна знать, чтобы понимать, что делать – это моя сущность. И ваша... Негио?

Нéгио, так же остановившийся рядом, долго молчал.

– Противоречие, да... И все против нас...

– Против?! Да они забыли, кто они. Великие эризингии теперь у тангорла на побегушках и хотят, чтоб и мы тоже... – Аррилия пришла в ярость.

– Подожди, я не закончил, – спокойствие Негио, как всегда, было непрошибаемым. – Противоречие, с одной стороны. Но с другой... есть в этом какое-то... равновесие, да... – он усмехнулся, – равновесие в Равновесии, хм, интересно, не так ли?

– Равновесие?... Хотя, да. Мы закрыли прорыв, ничего

не зная ни о том конкретном прорыве, ни о них в целом. Это была не наша воля. Его... Но я не орудие, я сама решаю... Но без вас мне это не под силу. Я просто не смогу. Мы с Негио не сможем без тебя, Орлгол.

Ткач Сети снова взглянул на яркий шар Иррилла. А потом дальше, за него, туда, где далеко в черноте светились две маленькие, но уже хорошо отличимые друг от друга точки. Равновесие...

– Хорошо, мы попытаемся. Но надо быть десятикратно осторожными. Никто не должен пострадать. Это знание не стоит того...

– Там никого и нет. Ты же понимаешь. Кто сможет жить в таком месте? Ладно, не стоит задерживаться, вряд ли они нас так оставят... Надо спешить.

Триада приглушила мысли и устремилась к цели. Путь их лежал через систему голубой звезды...

Каменное Сердце, 2169 год по земному исчислению

Тишина в зале была осязаемой. После такого все присутствующие утратили дар речи. В глазах у каждого из советников плескались неверие, замешательство и... страх. Их взгляды металась по комнате друг к другу, натывались на такие же взгляды других и, в итоге, не найдя поддержки, замирали на чём-то знакомом и нейтральном – Шаре, обла-

ках за окном, узорах на плитках пола – будто бы закрываясь от всего извне.

Советников можно было понять: все они так или иначе сталкивались с эризингиями, но только с лояльными Объединённым мирам и Совету, да и случалось это чрезвычайно редко, только Тангорл имел с ними относительно постоянный контакт. Их способности были невероятны, но относительно подконтрольны, как думалось.

Заключение... Катастрофа, прервавшая конфликт важнейших сил вселенной... Она произошла так давно, что даже для самых старших из них была лишь далёким сказанием предков.

Каменное Сердце в его нынешнем виде, Око, дворец Совета, нууги – все это увидело свет уже после Заключения и, во многом, благодаря ему. Противоборство древних сил тогда, казалось, завершено навеки. И, хотя всё пошло не совсем так, как ожидалось, всё же невозможно было даже предположить, что то, предначальное, противостояние снова станет реальностью.

Время шло.

Первым, как ни странно, решился прервать затянувшееся молчание Коспарх.

– Многоуважаемый Совет! Я всего лишь старый гном, да, но я узнал об этом... хм, событии... немного раньше вас... так уж вышло. Я тоже потрясён, до сих пор, может, даже больше, чем вы, но всё же у меня было чуть больше време-

ни... свыкнуться, подумать... Если тангорл позволит, я выскажу свои мысли?

Тот кивнул, молчаливо позволяя продолжить.

– Так вот... В общем, вы понимаете, я там не был свидетелем каких-либо проявлений её силы, так, небольшие внешние изменения... Но Бездна... Я видел её свет всего пару раз до этого, но увидев, его не забудешь. И он был там. У неё... в ней... Не знаю, как точно. Значит... значит, думаю, мы все согласимся, примем как факт, что это Меняю... – он запнулся на секунду; большинство Советников в этот момент снова вздрогнули, Мирриэнаэл поморщился, – эризингия. Вот. Да, эризингия. Но в то же время не совсем. Теперь в ней есть человеческая составляющая. Как это отразится... – гном пожал плечами, – мы не знаем, что она может сейчас, после Заключения, без своей триады. Всё, что нам известно, по преданиям, в основном, что ийкэ большей, чем у неё, пожалуй, и не найти в мире... у какого-то одного существа. Может статься, она её подрастеряла, но, в любом случае, владеющие Бездной сильнее всех, кроме таких же, как они.

– Все и так достаточно напуганы, Коспарх, – вмешался тангорл, – незачем нагнетать.

– Да, конечно, пресветлый, я не стремлюсь никого пугать, просто хотелось бы понимания, общего согласия... ну, в том, что у нас нет сил с нею бороться...

– У нас есть двадцать четыре таких как она, – вставила Гилия. – Тогда, давно, они с нею справились, со всеми тремя.

Так почему бы и теперь не...

Коспарх перебил её:

– Прощу извинений за мою дерзость, но всё-таки не у нас, а с нами. Да, они сейчас с нами, но всё же сами по себе. Я бы не воспринимал их, как любимое вами оружие. Это далеко не нууги последнего поколения...

– Но один раз их заключили. Да, может, всё прошло не лучшим образом, но результат был. И такой результат нас устроит и сейчас, раз уж уничтожить её невозможно... Хотя, может, просто и не пытались, а? – с её губ сорвался презрительный смешок.

– Эризингии непредсказуемы. Кто знает, как они вообще воспримут новость о её возвращении?! Для них тогда многое изменилось... не так, как они могли ожидать, судя по всему, – Мирриэнаэл наконец отошёл от двери и приблизился к тангорлу и гному. – Я склонен согласиться с Коспархом. Мы не можем её... убить, будем честны с собой, а надеяться на повторение Заключения... слишком ненадёжно. Сколько сил это потребовало тогда, судя по летописям, и чем обернулось... Последствия мы все видели, слава Единой, что отдаленные. Уж ты-то, Гилия, бывала в Ирриллитенау множество раз... Лично мне хватило и одного.

Глаза Советника по ийкэ словно заволокло пеленой. Тангорл при этом как-то мрачно усмехнулся. Гилия скривилась, но промолчала.

– Да, я согласен с твоим помощником, тангорл, у нас нет

сил бороться с этим.

– Ты всё сказал, Коспарх? – Грейл бросил заинтересованный взгляд на гнома.

– Нет, пресветлый, я не закончил.

Тангорл сделал ему знак продолжать.

– Я тоже думал обо всём этом: других эризингиях, Заключение, её возможной слабости, но равно возможно и новой силы... Всё слишком неопределенно. Все способы избавиться от неё могут не сработать и тогда... ну, тогда она точно обозлится, и это не закончится для нас ничем хорошим. Кроме того, даже если допустить, что Заключение удастся повторить, то где гарантии, что она не освободится снова. Теперь, когда она нашла путь?! Нам, кстати, неизвестно, какой... С другой стороны, лично мы, все мы, ей ничего не сделали. Да, мы последователи тех, кто обрек её на скитания по чужим душам, но всё же не мы сделали это, и изменить это мы тоже были не в силах. Так что есть шанс, что она не станет нам мстить. А может, и вообще не думает об этом. В конце концов, она одна, у неё нет триады, и ийкэ она, считай, никак там пока не проявила. Мы не знаем, что она перенесла в Заключении. Возможно, она растеряна и напугана не меньше нашего...

– Это вряд ли... – голос Смегтра был едва слышен.

– Может и так. Мы не знаем. Да и как узнать? – Коспарх развел руками. – Единственное, я почти уверен, что она поймёт, что к ней применялось «проявление», а значит, поймёт,

что кому-то известна её истинная сущность. Будет ли она после этого скрывать её от других?

– А вот тут ты действительно прав, друг мой, – глава Совета мягко постучал пальцами по Шару, – она наверняка почувствовала и уже поняла. Думаю, она могла почувствовать и тебя самого – кто ты и откуда. Так что помешает ей появиться здесь в любой момент и застать нас врасплох... почти? Возможно, некоторые слова советницы по войне были разумны. О том, что эризингии способны противостоять себе подобным. Может, стоит призвать их сюда, в Равновесие, хотя бы для защиты, если уж нападение мы отвергаем?

Тангорл окинул зал взглядом.

Большинство советников согласно закивало, лицо Гилии озарилось отблеском торжества. Лишь Мирриэнаэл задумчиво покусывал губу, ничем иным не выражая своего отношения к предложению правителя.

Тот заметил это и обратился к нему:

– У тебя есть сомнения, Мирриэнаэл, верно ли я понимаю? Так изложи их нам, будь добр.

– Действительно, я не уверен в разумности призыва эризингий. Как я уже говорил, они непредсказуемы. Мы их не контролируем. Можем просить и убеждать, это да. Но что они предпримут, когда почувствуют Меняющую? И да, это важно, именно Меняющую. Именно с её Заключением они потеряли тогда так много, судя по тому, что мне известно.

– Они не сомневаются в правильности Заключения, нико-

гда они не говорили иного, – голос тангорла прозвучал жёстко, его пальцы напряжённо замерли на Шаре.

– Да, но что мешает им изменить мнение? Мы не ведаем их желаний и стремлений, – Мирриэнаэл повысил голос. – А если они захотят... вернуть её?! Возродить Строй?

Грейл вздрогнул.

– Это, скорее всего, будет конец для нас, – он покачал головой, – но есть ли тогда выход? Нам нельзя нападать и нельзя защищаться. Риски непомерно высоки и там, и там... Ты можешь что-то предложить?

– Я полагаю... да. Это странный способ, но лишь на первый взгляд. Правду сказать, это лучшее, что у нас есть в данной ситуации. Как и всегда, впрочем. Если ни война, – он кивнул на Гилию, – ни защита, – взглянул на тангорла, – не эффективны, то что мы делаем обычно, не в таких сложных условиях?

Его взгляд переместился теперь на Акелода и Атериту.

– Советнику по переговорам и советнице по мирам это должно быть яснее, чем другим, не так ли?

– Дипломатия? Переговоры? – вопрошающе произнесли советники почти одновременно.

– С ней? С... Меняющей? – Атерита явно недоумевала. – Но как?

Акелод промолчал, обдумывая возможности.

– А почему нет? Мы могли бы попытаться. Пойти на контакт первыми. Выразить уважение. Ну и всё такое, тебе вид-

нее, что там делается, уважаемая советница. Хотя, я предполагал сразу пойти дальше, чтобы продемонстрировать нашу добрую волю, нежелание конфликта, – Мирриэнаэл всё больше воодушевлялся.

– Дальше?! – изумился Грейл. – Куда уж дальше переговоров? И они-то для нас могут обернуться не лучшим образом.

– Да, это так, и всё же, думаю, этот шаг даст нам время полнее разобраться в ситуации, понять её силу, может, предугадать дальнейшие действия. Я предлагаю пригласить её во дворец!

– Пригласить сюда?! – тангорл стал быстрыми шагами мерить комнату. – Да ты с ума сошёл! Самим допустить её в сердце Объединённых миров? В Равновесие?

Все ошарашено и возбуждённо зашептались.

– Именно так. Допустить сюда, самим, по доброй воле. Показать радушие, убедить, что мы не желаем новой... войны, не собираемся действовать против неё. Изучить её саму – я попытаюсь понять её ийкэ – узнать, что она может, и что этому противопоставить.

– Звучит правильно, но это всё-таки неразумно, – глава Совета отрицательно покачал головой. – Я против, пожалуй.

– Не торопись с решением, пресветлый, прошу тебя. Вспомни. Твои любимые слова: «Врага надо держать на коротком поводке». Не это ли я слышал так часто? Здесь тот самый случай...

Задумчивым стало лицо правителя. Он обернулся в сторону садов и подошёл к сияющим окнам. Долго стоял он там, глядя вдаль, скользя взглядом от окружавших дворец изумрудных садовых кущ до сухой безжизненной равнины, уходящей за горизонт. Когда Грейл повернулся, в его лице не было обычной решительности, однако не было и сомнений. Тревога всё ещё закрывала туманной пеленой его глаза, когда он заговорил.

– Раз мы не можем избавиться от угрозы на расстоянии, то лучше приблизить её к себе. Близость врага теперь может стать как нашей гибелью, так и благом. Мы рискнём...

Глава 6

Эрму, 2169 год по земному исчислению

Тёплые волны лениво набегали на длинный песчаный берег Эзо и неторопливо откатывались назад. Океан сегодня был особенно спокоен, за исключением прибоя у видневшегося почти на горизонте острова Горы. Вполне объяснимо, с учётом нынешнего события. Десятки едва различимых отсюда лодок качались вверх и вниз на пенистых гребнях неподалёку от скал, как стая чёрных бакланов.

Солнце было ярким, как всегда, но даже оно блекло по сравнению со светом, изливавшимся из Горы на всю округу.

Да, повезло тем, кого сегодня пригласили с островов на Обряд. Не в каждой жизни случается. Аройо хмыкнул.

Ему такое не грозит, по крайней мере, не скоро. Когда-нибудь он попадёт туда, присоединится... Как все... Но и отсюда вид вполне неплох. Теперь, наверное, всё уже завершилось. Через пару дней, когда шествие дойдет до Эзо, они все увидят её.

Так странно было сознавать, что девочка, которую ты знал с самого детства, та самая, что иногда ходила с вами в море за рыбой, гонялась по пляжу за крабами, пекла хлеб в домике на соседней улице, теперь Высшая жрица. Невероятно...

Хотя, положив руку на сердце, он всегда чувствовал, что Оя будет избранной, просто не предполагал, что так. Она всегда выделялась в их компании какой-то нездешней чувствительностью и в то же время бесстрашием. Да, пожалуй, Обряд не должен оказаться для неё слишком тяжел.

Аройо снова посмотрел на голубую Гору с зелёным подножием, небрежно смахнул рукой светлую прядь волос, упавшую на лоб, отвернулся от воды и направился к дому.

Он быстро прошёл широкую кромку пляжа и вступил в прибрежную пальмовую рощу на окраине деревни. Дальше пришлось замедлить шаг, а местами просто протискиваться сквозь толпу, собравшуюся здесь в тени поглазеть сегодня на Остров. Они, конечно, как и он, не могли увидеть ничего особенного, но хотели почувствовать причастность к происходящему. Если не считать того факта, что новая жрица была с их острова. Это, справедливости ради, никак их не выделяло, но большинство всё равно гордились собой, кроме разве что той, кому действительно следовало бы гордиться. Улыбка на лице матери Ои, смотрящей вдаль, светилась радостью и печалью одновременно. Сегодня ей не позволили попасть на Гору – так требовал Обряд – но это было не так уж важно: она тоже готовилась в скором времени пройти путь, подобный тому, что прошла её дочь, и остаться там, рядом с ней. Однако она чувствовала и некоторую горечь от осознания того, что ей никогда больше не посмеяться с дочерью на рассвете, собирая цветы в роще, не утешить её в де-

вичьей печали, не поддержать на руках младенца, рождённого когда-нибудь Оей... Материнство не для Высшей жрицы. Её жизнь отдана иному...

Молодой человек всё-таки сумел преодолеть толпу и теперь шёл по деревенским улицам со светлыми домиками с лиственными крышами, утопающими в зелени. Мелкая галька приятно касалась босых ног.

Главная улица оббегала невысокий, покрытый травой холм, чуть ли не единственный на их едва выступающем над поверхностью моря острове, и устремлялась вперёд сквозь лес к дальним причалам.

Дом Аройо, ничем, по большому счету, не отличавшийся от домов других жителей Эзо, стоял почти у центрального пирса главной бухты. Это было почётно, не зря его отец служил когда-то старейшиной острова. Однако, в первую очередь, это было удобно: легко следить за жизнью океана прямо из собственного окна, раньше всех видеть растущие на горизонте тучи или восходящее солнце, решать, когда и на чём выйти в море. Сегодня это, правда, было не важно: все – и рыболовы, и торговки – присоединились к остальным жителям там, на берегу.

Он побродил по дому, остановился у стола, перелистнул несколько страниц в лежавшей на нём книге, но сразу же закрыл её. Налил себе сока из стоявшего здесь же алого резного кувшина, не торопясь выпил, глядя вдаль. Проводить взаперти весь оставшийся вечер не хотелось, а раз уж пооб-

щаться сегодня ни с кем толком не выйдет, то выбор невелик. Аройо опустил стакан на гладкую деревянную столешницу, сделал несколько шагов, прихватил свой мешок с инструментами, висевший у выхода, притворил дверь и направился к пирсу: надо было, наконец, закончить новую сеть, а в отсутствие вечно носящейся вокруг ребятни и других рыбаков, старающихся завлечь тебя в разговор, работа пойдёт быстрее.

Оя медленно прошла сквозь огромную, разделяющую берег Песчаного озера и пещеру, каменную арку. Её скалистый серый свод, не затронутый искусной работой древних мастеров, был изрезан естественными выступами и трещинками. Она отражала те бессчётные века, которые прошли с момента рождения Горы, с тех самых дней, когда океан выпустил этот остров из своих объятий.

Пещера открылась перед жрицей одновременно предсказуемо и внезапно. Предсказуемо, поскольку каждый эрмианец, даже и близко не подходивший к Острову, за свою жизнь слышал столько её описаний, знал столько подробностей, словно сам побывал в ней. Внезапно, потому что никакие рассказы всё равно не могли полностью отразить реальность. Пещера была воистину гигантской и столь же великолепной. Все ошеломляющее размерами пространство сердца Горы было усыпано плотным ковром мягко светящихся кри-

сталлов: на полу они сгладились тысячами шагов живших когда-либо моренантов, а дальше уходили на стены и ввысь по широким сводам, разрастаясь и ветвясь, местами образуя подобия странных каменных цветов и деревьев, гроздя и водопады, длинные сверкающие ленты и матовые колонны. На самом верху сияло, отражая свет заходящего снаружи солнца, глубокое отверстие, устремлявшееся к вершине Горы. Оно было перекрыто кристаллом невероятных размеров и чистоты, который линзой рассеивал внешний свет.

Противоположная входу стена казалась изрезанной сильнее остальных. Там, частично слившиеся с пещерой – кто-то почти полностью, кто-то пока совсем незначительно – были Ушедшие. Там же теперь была и Грида, как и все предыдущие двадцать пять Высших жриц, как и многие другие жрецы и простые моренанты, уже отказавшиеся от каких-либо физических проявлений жизни. Когда-нибудь они примут и тела ныне живущих, поднимая вершину Горы ещё выше к небу.

Едва только Оя сделала первый шаг из арки под голубые своды, как центр пещеры заполнился бледным молочным туманом, излучающим нездешний свет. Туман тонко вытянулся в её сторону, словно подавая руку – Поле душ приветствовало новую Высшую жрицу.

Она без страха ступила внутрь и теперь уже сама, без чьей-то помощи, абсолютно осознанно открыла свой разум, будто войдя в шумный многолюдный зал.

– Приветствую вас, мои предшественники!

Встречные приветствия миллионов душ одновременно отозвались в её сознании мягкой волной.

– Я пришла к вам сегодня впервые, но не в последний раз. Мне нужны ваши знания и советы. Принимает ли Поле душ новую служительницу?

Туман вокруг сгустился и заколыхался, будто кивая. Кристаллическая корона на голове Ои засветилась, разбрасывая цветные искры сотнями своих граней.

Она почувствовала, различила своим новым взором выделившиеся в Поле несколько отдельных фигур. Оя узнала среди них Гриду и недавно ушедших жрецов, с которыми пару раз встречалась в той, прошлой жизни. Остальные были ей незнакомы, но по их виду она догадалась, что перед нею все прочие Высшие жрицы: тысячелетняя мудрость сквозила в каждой их чётчке, несмотря на то, что выглядели они по-прежнему юными, такими, какими прошли Обряд.

За мудростью она и пришла.

– Здравствуй, Высшая, – Грида склонила голову, а потом посмотрела Ое прямо в глаза. – Мы поможем тебе во всём. Наши знания – твои знания. Сосредоточься, и ты почувствуешь их прямо сейчас... и потом, в любое время, когда тебе будет нужно, пока стоит Гора.

Лица остальных жриц озарились улыбками. Одна из них отделилась и подошла ближе.

– Здравствуй, Оя! Я – Кизо, первая жрица, удостоенная

быть Высшей, и я рада, что ты – моё продолжение. Многие тысячи лет прошли с предначальной поры, и многое нам дано было узнать и изучить за это время. Каждая из нас и все остальные приносили что-то новое в Поле душ. Наши познания о мире велики, но они никогда не станут абсолютно полными. Мы расскажем тебе всё... постепенно... А потом, когда-нибудь, и ты присоединишь свои знания к нашим.

– Конечно, Высшая.

– О, нет – нет, я уже не Высшая, теперь это только ты. Нас можно звать по именам, – Кизо мягко улыбалась. – Так вот, мы всегда поможем тебе в сложных вопросах, а для текущих дел есть твоя нынешняя герусия. Её жрецы уже всему обучены и основное организуют. Да... Шествие – пока твоя первая задача. Люди всегда жаждут посмотреть на новую Высшую, организуйте им праздник.

– Это не сложно, потом обсудит с помощниками, – вмешалась Грида, – многие из них участвовали в моих шествиях, так что разберутся. Сейчас есть вопросы гораздо важнее...

– Ты права, друг мой. Не будем затягивать. Ты знаешь, Оя, как знают все эрмианцы с детства, главное в нынешнем благополучии нашего народа – кристаллы. Они нужны всем... – жрица задумалась. – Я была тогда Высшей уже много лет, когда мы открыли их свойства. Невообразимая случайность... но об этом как-нибудь потом. К делу... Мы продаём кристаллы Совету, естественно. Да и чем бы были Объединённые миры без них?! Мирами, объединёнными словом? Ха! Кри-

сталлы – их стержень. Без преобразователей они бы недалеко ушли. И ясно, что Совет ни с кем не хочет делиться...

– Они бы нас и не спрашивали, будь их воля, – Грида скричилась. – Тангорлы все такие, так бы и сграбастать всё под себя.

– Да уж, – Кизо вздохнула, – но мы не любим вмешательства в наши дела, ты же знаешь, и Совет вынужден мириться с этим. Без наших поставок он ничто. Но все равно постоянно пытаются надавить. В общем, некоторое время назад мы – все ушедшие – решили, что кристаллы могут получить и другие, не представители Совета. Это показалось нам важным... для баланса.

– Если это откроется, Совет будет не в восторге, и это ещё слабо сказано.

– Да... Но мы мирный народ. Нам не нужен такой конфликт. Но и подчиниться во всём мы не готовы.

– Но что же делать? – Оя растерянно переводила взгляд между собеседницами.

– Мы поставим небольшую партию кристаллов кое-кому вне Совета, за хорошее возмещение, и... там посмотрим, что из этого выйдет.

– Но кому?

– О, в желающих недостатка нет, – Кизо рассмеялась. – Мы пришли к соглашению с теми, чье предложение нас устроило. Правда, их поставка нам... не совсем законна. С точки зрения тангорла, конечно. Твоя задача – проконтро-

лизовать, чтобы всё прошло в соответствии с договоренностями. Послушай, как всё должно быть...

Широкая гряда зелёных холмов поднималась от берега плавными перекатами. Тысячи мелких ручейков стайками сбегали с их вершин к морю, по пути питая вечноцветущие сады, наполняя многочисленные пруды и фонтаны. Высокие широколиственные деревья и увитые лозами арки и беседки звали отдохнуть в их тенистой прохладе.

Низкие белые купола жреческих палат и стеклянные оранжереи, отражающие солнце, словно большие кристаллы, были небрежно разбросаны по холмам, то скапливаясь в большие группы, то вырастая из зелени поодиночке. Связывавшие их галереи и переходы, дорожки и насыпи спиралями поднимались вверх, соединяясь на вершине центрального холма, на круглой белоснежной площади перед Храмом Единой.

Гладкие высокие стены словно отражали окружающее, с одной стороны сливаясь с бирюзовым морем и зеленью, а с другой – с сияющее-голубым небом и облаками. Лёгкие линии и простые формы, напоминающие издали готовую прыгнуть в небо птицу, не подавляли, не внушали невероятного благоговения, но словно бы приносили умиротворение и тихую, спокойную радость всякому пришедшему сюда.

А там, вдалеке, на юге господствовала над миром Гора.

Оя была рада наконец оказаться здесь, на холмах, в одной из небольших вилл – части палат Высшей жрицы. Ничто, конечно, не могло сравниться красотой и мощью с Горой, с пещерой кристаллов, Полем душ, однако же, теперь жрице хотелось отдохнуть от яркости событий сегодняшнего дня.

Она устало откинулась на спинку широкого кресла, тонкие руки замерли на подлокотниках. Бледно-голубая накидка мягкими складками струилась вниз, падая на гладкий деревянный пол и растекаясь у ног.

Большие открытые окна пропускали прохладный ветерок с моря, колыхавший пышные белые занавеси, украшавшие комнату. Вечерняя заря последними лучами расцвечивала резные стены, розовыми и золотыми зайчиками отражаясь от искусно вделанных в них кристаллов.

Возле кресла разместилась полупрозрачная чаша на гнутых ножках, наполненная чистой водой, по гладкой поверхности которой плавали десятки разнообразных кувшинок, наполняя палату дивным запахом.

Оя небрежно провела пальцами по нежным лепесткам, погрузила ладонь в воду, подняла её и с едва уловимой улыбкой наблюдала, как стекают вниз капли, ударяясь о поверхность воды и заставляя цветы подрагивать и кружиться на маленьких волнах. Да, она всегда любила воду, как, впрочем, и все они. Вода была сутью их жизни. Вода и кристаллы...

Кристаллы... Сегодняшняя беседа с бывшими Высшими жрицами там, в Поле, всё ещё вызывала у неё сильные сомнения. Передача кристаллов кому-то, кроме Совета, могла стать причиной серьёзнейшего конфликта. Многие годы моренанты стремились избегать чего-то подобного. И вот теперь всё должно измениться. Но должно ли? Стоит ли оно того? Реакция тангорла непредсказуема, хотя, определённо, ничего хорошего не жди. Если он узнает...

С другой стороны, это решение – не прихоть, оно зрело долго, судя по тому, что она слышала от предшественниц, и имеет обоснования. Однако, как оценить его действительную необходимость? И время? Стоит ли делать это сейчас, когда она, Оя, только что заняла этот пост? Возможно, стоит вникнуть в дела, отложить... Но представится ли такой шанс потом? То, что они должны получить в обмен, взбесит главу Совета Семи, пожалуй, не меньше, чем кристаллы в чужих руках. Если он узнает...

Нет, с решением нельзя тянуть. Нужно сделать всё быстро и скрытно, насколько возможно. Но сегодня она слишком устала. Завтрашний день принесет ей новые силы, и тогда она определится окончательно. Да, завтра. До того, как начнется Шествие, уж оно-то времени ни на что не оставит, а неделя промедления – слишком большой срок.

Подумав так, Высшая успокоилась, улыбнулась своим мыслям и погрузилась в безмятежную дрему без сновидений.

Глава 7

Земля, 2169 год по земному исчислению

В кампусе теперь было непривычно тихо. Теоретические занятия подходили к концу, наступало лучшее время для практики. Студенты постепенно разъезжались из Университета по всей планете, выбирая места, где смогли бы проявить свои силы наилучшим образом, применить полученные за последний год знания. Кое-кто оставался и здесь – в основном второкурсники, уже не так скучающие по родным местам, но ещё и не готовые выйти в самостоятельную жизнь, как их старшие товарищи. Кроме того, так они получали возможность свободно изучить некоторые артефакты, хранящиеся в Университете, воспользоваться той техникой, к которой во время семестра было не пробиться сквозь массу желающих. К тому же в конце весны начиналось время нового набора: УУПЭ распахивал двери для тысяч абитуриентов с тем, чтобы отсеять почти всех, оставив лишь около сотни лучших.

Ажиотаж по поводу её «изменения» на лекции практически спал. Внезапно возникшая популярность перестала быть чрезмерно навязчивой, чему она, конечно, немало поспособствовала сама, обдуманно демонстрируя окружающим, что

перемены даются ей, якобы, с трудом. Аррилия по-прежнему не проявляла себя, разве что периодически и по настоячивым просьбам, будто бы с большим усилием, левитировала да пускала с кончиков пальцев мелкие переливчатые энергетические шарики.

Пару раз она незамеченной перемещалась к дальнему мысу за университетской территорией и ныряла в океан, с восторгом впитывая энергию его обжигающе ледяных волн, плыла на небольшой островок неподалеку и, скрытая его берегами от возможных зрителей, лёгкими движениями рук творила из волн замки и города, планеты и межзвёздную пустоту...

Вселенная звала её. Аррилия стремилась оставить эту планету и вернуться туда, в неизведанные глубины, к тысячам таких разных миров, часть из которых создала когда-то сама. Но пока она ждала.

Теперь она была гораздо мудрее, чем тогда. Нескончаемые века Заключение изменили многое: импульсивность сменилась выдержкой – терпеть и ждать, да, этому она научилась сполна; уверенность в защите и поддержке перекрыла непреходящая горечь утраты тех, кто был некогда плотью от плоти её самой, а желание творить, защищать и вести миры к расцвету почти выродилось в холодное и расчётливое ожидание мести...

О да, она хотела отомстить, уничтожить всех тех, кто отнял у неё самое дорогое – её триаду и время. Хотела это-

го сейчас, немедленно. Однако сил их врагов тогда оказалось достаточно для того, чтобы сотворить такое. Смогут ли они это повторить, она не знала. К тому же нынче она одна. Орлгол... Негио... Что с ними? Где они? Она прилагала все свои силы, чтобы почувствовать их сквозь годы и пространства, но тщетно. А хватит ли у неё сил бороться без них? Её способности возросли, но и у противника они велики, так стоило ли рисковать сейчас? Хотя... Кое-что у неё всё-таки имелось: теперь она знала путь, путь возвращения. Найти и освободить триаду – вот что ей необходимо в первую очередь. Воссоединившись, они обретут прежнюю мощь, а заключить их вновь будет совсем не так легко. А месть... месть подождет своего часа...

За 9000 лет до этого

Огненная громада Иррилла быстро приближалась. Большинство юглов теперь были перед ними как на ладони, а там и до Равновесия рукой подать. Их зоркие глаза уже могли различить даже очертания Великой Сети. Путь приближался к концу.

Внезапно Аррилия застыла, будто натолкнувшись на какую-то невидимую преграду.

– Что случи... – начал Негио, но тут же прервался, почувствовав то же, что и она.

Этого они и опасались. Такую энергию никто не спутает

с другой, а уж они-то и подавно. Триада переглянулась.

Подтверждая их ощущения, из-за десятка юглов показались остальные. Все восемь триад. Их лица выражали готовность к противостоянию. Ахрн выдвинулся вперёд и обратился к Орлголу:

– Ткач, вы должны остановиться! Такова воля Совета! Объединённые миры не одобряют вашу затею. Да ты и сам должен понимать, насколько опасно задуманное вами. В конце концов, ты сам создал основу Сети, и теперь собираешься её разрушить. Одумайся! Негио, и ты! Ты лучше кого бы то ни было знаешь о необходимости баланса. Равновесие хрупко. Прорыв может обернуться гибелью... Возвращайтесь назад, на Каритос, Лалл, да куда угодно.

– Ты, как всегда, избирателен, брат мой. Кажется, ты кое-что забыл, – мысли Орлгола вливались в остальных эризингий мягко и плавно, как дуновение ветра. Большинство попытались отвернуть свои помыслы, будто в смущении.

Аррилия скривилась.

– Да, конечно. Вы триада, да, – Ахрн нехотя взглянул на Аррилию и склонил голову, неодобрение сквозило в каждой его чёрточке. – Приветствую и тебя, Меняющая. И призываю, равно как и остальных, хотя и полагаю призыв ничего не значащим для тебя, остановись!

– Остановиться? Не тебе меня останавливать! Уйди с нашей дороги!

Ахрн фыркнул и снова направил мысли к Орлголу:

– Видишь, Ткач?! Ты считаешь меня избирательным, и это так. Вы вдвоём ещё можете понять. Она... это бесполезно, – он развёл руками, – Меняющую не переубедить, но с вами вместе, возможно, мы избежим катастрофы.

– Переубедить?! Меня не в чем убеждать! Мы должны это сделать, я чувствую! Сеть должна быть снята!

– Нас призвали, чтобы создать её! Ты жаждешь разрушить то, на чём мы рождены! Открыть путь Тени! Мы не позволим! Князь пожертвовал собой, чтобы не допустить гибели этого мира с приходом Тени...

– Князь! Князь мог ошибаться! Теперь мы знаем, как он был одержим прорывами. Он развязал эту борьбу когда-то. Зачем? Мы должны выяснить, я чувствую. А для этого Сеть – помеха. И мы достаточно сильны, чтобы противостоять чему угодно без неё. И нам нужно знать, чему именно мы противостоим, с чем боремся...

– Уже ни с чем. Прорыв закрыт. И таковым останется. Сеть сделает своё дело...

– Сейчас – возможно. Но что потом? Кто знает, на сколько её хватит? Будем ли мы готовы, если с Сетью что-то случится? И... новые прорывы... ты уверен, что их больше не образуется? Нигде? Никогда? – на Аррилию накатывал гнев, заставляя всех остальных ёжиться под его колкими иглами.

Ахрн был смущен, триады колебались.

– Ты... преувеличиваешь. Сети ничто не угрожает. Она крепка как в день создания. А прорывов не было уже сот-

ни лет.

– Что такое сотни лет?! Для нас?! Для мира?! Я хочу знать, с чем имею дело. Знать заранее, до того, как оно когда-нибудь неожиданно выплеснется на нас. Если там, за прорывом, враг, я хочу знать о нем всё, всё, что возможно. Снять Сеть под нашим контролем, под вашим контролем, с вашей помощью – и всё будет в порядке. Строй справится, я уверена...

Сомнение пронзило разум двадцати четырёх эризингий, преграждавших сейчас путь девятой триаде. Некоторые устремили свои взгляды вдаль, к Равновесию. Сопротивление своим же явно не приносило им удовольствия.

В этот момент из-за огромного югла за спинами триад показались несколько фигур. Совет Семи не собирался пускать всё на самотек.

– Триады! – тангорл Реу остановился напротив Аррилии. – Объединённые миры вызывают к вам – будьте мудры и милосердны – защитите нас от Тени! Не дайте Великой Сети пасть! Наследие Князя да будет вечно!

– Ты, старый болван, ты не понимаешь... – прошипела Аррилия взбешённо, – уйдите прочь, мы решим без вас...

– Эризингии! Умоляю, – тангорл говорил взволновано и просительно, – спасите наш мир, не дайте прорыву открыться вновь, не допустите нашей гибели!

– Но... но в чём-то она права, может... может, нам стоит узнать, наконец... – Ахрн был сбит с толку.

– Ахрн, и вы, вы все... Я... я понимаю, Меняющая, она – ваша часть, вам кажутся разумными её слова, но... Но я думаю, её ийкэ слишком... чересчур велика и потому... наш мир далёк от неё, а она от него. Приход Тени для вас, для неё – ничто, а для нас... конец, – голос Реу дрожал. – Меняющая, я прошу, остановись, не ставь их перед выбором!

– Я уничтожу тебя, ты, маленькая, властолюбивая гадина! Я знаю, кто ты, тангорл, я чувствую, чего ты жаждешь! Не слушайте его, ему плевать на мир, на Тень, он просто хочет контроля над нами, прибрать с нашей помощью Миры к рукам и не выпускать их.

– Я избран управлять Мирами. Я забочусь об их благе. Тебе дано слишком много сил, Меняющая, но ты не думаешь о наших народах. Мы удержим тебя. Ахрн, мы не можем ждать. Мы должны действовать, как договорились. Строй. Он нужен прямо сейчас. Не время для раздумий. Не дадим им прорваться к Сети.

– Строй? Без нас? Без меня? Что вы можете?! А ты? Хватит разговоров, я убью тебя прямо сейчас.

Аррилия резко распахнула руки и тут же снова приблизила их друг к другу. Тысячецветный свет Бездны ярко вспыхнул между её ладоней.

– Твой час, тангорл!

Светящийся поток хлынул в сторону главы Совета, но Ахрн успел вытолкнуть того с бушующего русла.

– Нет, Аррилия, стой, это не выход, – Орлгол накрыл одну

из её ладоней своей. – Мы сможем договориться...

Негио приблизился к ним и протянул руки для слияния. Меняющаяся замешкалась.

– Скорее, сейчас или никогда! – взвизгнул Реу. – Единая, призываю тебя, во имя миров, позволь нам решить судьбу твоих творений!

Аррилия вскинула голову. Семеро окружили их триаду, а дальше многолучевой звездой встали эризингии.

– Мы выбираем спокойствие в Объединённых мирах! Сеть не будет снята! Забудьте и уходите! Мы не пропустим вас, чего бы нам это не стоило! Уходите, – Ахрн будто бы ещё пытался их уговорить.

– Вы думаете, нас это остановит!? – Аррилия выпрямилась, триада соединила ладони. – Мы всё равно дойдём туда, мы должны...

И она замолчала. Цветные нити Бездны поползли по ним вверх, как лианы, окутывая мятежную триаду холодным пламенем. Ийкэ бурлила между ними, как на заре творения.

Их окружение заволновалось. Восемь триад тоже разгорались тем же переливчатым светом. Но медленнее. Гораздо медленнее.

– Единая, не закрывай нам путь! – вскричал тангорл, и воздел вверх левую руку – в ней, словно застывшая капля крови, мерцал большой камень, идеальную гладкость которого нарушали лишь несколько странных вырезанных символов.

– Мы – кольцо Заключения, мы открываем свободные души! Примите и удержите тех, кто стоит перед нами! Да нерушимы будут оковы!

С последним его словом радужные потоки выплеснулись навстречу друг другу – один от восьми триад, второй – от единственной, девятой.

Ослепительная багряная вспышка, заставившая поблекнуть такую близкую голубую звезду, озарила окрестности. Волны света докатились даже до Равновесия и схлынули, разметав Совет и восемь триад по космосу.

Они с трудом приходили в себя и сразу же устремляли взоры к той точке, где секунду назад находилась девятая триада.

Там была оглушающая пустота. Трое исчезли, будто их и не существовало вовсе.

– Нам удалось... – тангорл, казалось, поначалу не верил своим глазам, потом устало выдохнул, – нам удалось... Их больше нет... А мы, мы все здесь, всё в порядке, слава Единой...

Да, им удалось...

Но Меняющая не ушла бесследно.

Там, где только что в лучах Иррилла грелись и танцевали три десятка больших и малых юглов, теперь маленькими смерчами вращались, постепенно замедляя свой бег, тысячи

осколков в удушливых облаках пыли. Ни один не выжил.
Место Заключения одних для других стало кладбищем...

Церитинес, от Заключения и в течение 3000 лет после

Её окружала тьма. И не просто тьма, а нечто более глубокое, в чём не было ни цвета, ни звуков, ни запахов. Она хотела коснуться рукой своего лица, просто чтобы ощутить себя, определить в этом непространстве, но не смогла – не было ни руки, ни лица, ничего... Лишь её растерянно бьющееся сознание подсказывало, что она жива, но и только. Ийкэ маячила где-то глубоко внутри, яркая, но недоступная. Были слова, но нечему было их произнести. Был крик, но он замирал, не найдя выхода. Не было даже боли – только абсолютное непонимание произошедшего.

Остались только мысли, миллиарды мыслей, мечущихся в клетке без стен, мысли... единственное, что теперь формировало её саму.

Аррилия не знала, сколько прошло дней или, может, веков – время здесь было неопределимо – когда она начала различать какие-то структуры в окружающей пустоте. Единственное, что она поняла почти сразу – эти структуры не пришли из ниоткуда, они существовали всегда, с самого начала, просто недоступные её восприятию. Но теперь, еди-

ножды их заметив, она уже не теряла их из виду. Довольно быстро структуры стали усложняться, открывая её взору новые и новые грани. И однажды настал момент, когда она с удивительной ясностью вдруг осознала, где же именно находится.

То было чужое сознание, чужая, незнакомая душа.

Поняв это, Аррилия изумилась: слабая и беззащитная, обладающая ничтожно малой ийкэ – как могла она, эта душа, удержать её, великую эризингию?! Конечно, не могла. Просто какое-то недоразумение. И Аррилия тут же рванулась вон, стремясь вернуться в реальность, но натолкнулась на препятствие... Препятствие, которого нельзя ни увидеть, ни ощутить, но и пройти его тоже было невозможно.

Она пробовала много раз, не смирившись с неудачей, снова и снова. Но... тщетно.

В конце концов пришлось оставить эту затею. Однако Аррилия не сдалась, нет.

Со всей доступной энергией она принялась изучать окружавшую её душу.

Скоро она научилась считывать пролетающие мимо чужие мысли, а после этого быстро поняла, что находится в юной церитинеске, совсем молоденькой и ничем не выдающейся. Постепенно эризингии становилось доступно большее, чем просто знания о происходивших вокруг событиях: её ийкэ, наконец, стала вновь подчиняться – совсем немного, но достаточно, чтобы, пусть и незначительно, воздейство-

вать на свою носительницу, перебивая и направляя некоторые её помыслы в представлявшееся Аррилии благоприятным русло.

А потом пришёл тот день, когда мир вновь открылся взору эризингии почти во всей полноте – она научилась видеть чужими глазами...

...Прошло каких-то несколько десятков лет – жизнь этой девочки пролетела быстро – и на пороге её смерти Аррилию охватило томительное ожидание возможности наконец вырваться из уже знакомого и изученного, но ненавистного плена, вновь стать самой собой. Но её надеждам не суждено было сбыться...

Она смогла покинуть эту душу, да, но лишь для того, чтоб непреодолимой силой быть переброшенной в другую. И на этот раз всё оказалось хуже: она попала в душу зрелого пригийского дуба, и хотя многие приходили под его развесистую крону в поисках тени и прохлады, но это было почти ничто в череде дней. Жизнь словно замерла вокруг неё. И так продолжалось следующие три тысячелетия... Это дерево, казалось, будет вечным, но и его настигло время.

И всё повторилось снова, и дальше, и ещё множество раз: чужие хрупкие души словно выстраивали цепь, почти намертво сковавшую ту, что раньше могла повелевать целыми мирами...

...теперь всё изменилось...

Земля, 2169 год по земному исчислению

Тёплое солнце озаряло неприветливый берег, окрашивая обычно серо-стальной океан в нежные пастельные тона – чуть голубеющие волны, розоватые скалы, пепельно-зелёный мох – здесь вообще было мало места действительно ярким краскам. Поэтому её рыжую гриву он заметил издалека.

Она стояла на самом краю невысокого обрыва, вглядываясь в горизонт, туда, где океан и небо сливались воедино – отсюда, с того места, где он сейчас стоял – простая девчонка в голубых джинсах и светлой рубашке, ничего особенного.

Коспарх в который раз засомневался. Может, всё же, ему показалось, и они зря всполошились. Может, не стоит и подходить к ней.

Там, в Равновесии, когда в Малом зале Совета он услышал предложение Мирриэнаэла, то ужаснулся, а уж согласие тангорла его вообще потрясло. Стоит ли говорить, что Коспарх не испытывал никакого желания участвовать в этой аванюре. Однако же пресветлый решил доверить эту миссию именно ему. Он, конечно, был против повторного путешествия на Землю и долго сопротивлялся уговорам, но прямой приказ главы Совета Семи оспорить не мог, как не мог и не подчиниться. И вот он здесь, смотрит прямо на цель

своего прибытия и всей душой надеется, что это ошибка, его ошибка. Разве старый гном не вправе ошибиться?!

Нерешительность сковала Коспарха, он никак не мог сделать шаг – туда или обратно. Но неожиданно это стало ненужным.

Она обернулась, мягко, почти незаметным движением и всё же внезапно.

Несколько игривых лучей блеснули на огненных прядях, озарив лицо. Она смотрела прямо на него и улыбалась.

Стих ветер. Улеглись волны.

И тут он с ошеломляющей ясностью понял – не ошибка, нет... Его словно приковало к месту.

Аррилия подняла опущенные руки и медленно, почти лениво сблизила ладони – Бездна вспыхнула в узком пространстве меж ними и запылала своим ни на что не похожим огнём, разгораясь всё ярче. Она резко развела руки в стороны...

Ветер сорвался с привязи и взвыл, солнце будто приблизилось, а за её спиной поднялась огромная стена воды, перекрывшая горизонт. Из неё простерлись несколько потоков – огромные руки океана – и потянулись к гному. Коспарх почти обезумел от страха, но двинуться не мог, а только смотрел, как они неотвратно приближаются к нему, грозя уничтожить словно мошку. Но, почти накрыв его, руки вдруг замерли. И всё исчезло так же моментально, как и началось: стихии успокоились и вернулись в обычное русло, словно бы

и не менялись. Лишь та, что по-прежнему стояла на берегу, уже не казалась ему обычной девушкой.

– Меняющая... – Коспарх грузно упал на колени, в горле у него было сухо как в растрескавшейся каменистой пустыне, слова вырывались с хрипом, – ...прости... прости...

Легко, почти невесомо, изредка перепрыгивая с камня на камень, она двинулась к нему. Медленно затухающие знаки эризингий на её ладонях приковывали взгляд.

Аррилия приблизилась, глядя на склонившегося перед нею гнома с лёгким недоумением. Она не сомневалась, что после попытки «проявить» её кто-то здесь появится. Совет, каким бы он сейчас ни был, не смог бы от такого просто отмахнуться. Однако она полагала, что придёт кто-то хотя бы отдалённо близкий ей по силе. Она действительно готовилась к борьбе. И тут этот... Ну надо же!

– Простить?! За что? Ты ничего мне не сделал. Да и не смог бы, даже если б захотел. Так за что ты извиняешься?

Голос эризингии не был ни грозным, ни грубым, ни вкрадчивым. Он звучал... обычно. Коспарх немного успокоился.

– Прости, что побеспокоил... я не хотел...

– Тогда или сейчас? – Аррилия хохотнула.

Гном растерянно смотрел на неё.

– Ладно, встань. Можешь не отвечать. Всё и так как на ладони: «проявлению» трудно сопротивляться, я понимаю, да ты и не стремился к этому, ты же не мог ожидать... меня,

да?! Но вот теперь... по-моему, тебе совсем не хочется быть здесь, так почему ты передо мной?

Коспарх на мгновение замер, поднялся, тяжело вздохнул и покачал головой:

– Я... да, ты права, Меняющая, я не хотел... не хочу, – поправился он, – здесь находиться. Тогда, ну, это была случайность, тебе известно...

Аррилия кивнула.

Он продолжил:

– Сейчас... сейчас я возвратился по приказу... Ты же и это знаешь, Меняющая! Я же чувствую, ты прочла меня всего, ничего не осталось. К чему мои слова?! – чуть громче спросил гном.

– Ты прав, – она снова улыбнулась, – и всё же я желаю послушать. Говори, и не бойся, тебе ничего не грозит. Да, и ещё... не зови меня Меняющей. Здесь, сейчас... не стоит. Запомни, я – Аррилия. Пока... Давай, начинай. Кстати, может, ты хочешь чего-нибудь, еды, воды, отдохнуть с дороги?

– Нет, нет, благодарю. Трапезы и прочее ни к чему. Я прибыл не за этим. У меня поручение от тангорла, – он сглотнул, увидев, как поморщилась эризингия при упоминании этого титула, – тангорла Грейла и Совета Семи. Я доложил... ну, в общем, им известно, что... что...

– Они знают обо мне, это понятно, продолжай.

– Да... так вот, поручение, – Коспарх кашлянул, собрался, выпрямился во весь свой небольшой рост и, стараясь не от-

водить от неё глаза, как можно торжественнее произнес, – Я, Коспарх, помощник пресветлого тангорла, уполномочен Советом Семи и его главой, тангорлом Грейлом, просить вас, великую эризингию, принять приглашение посетить столицу Объединённых миров – Каменное Сердце – и дворец Совета. В любое время и на любой срок двери открыты для вас. Я... меня послали проводить вас, буде вы пожелаете...

Коспарх устремил на Аррилию просящий взгляд.

Лицо эризингии оставалось непроницаемым. Она молчала.

Наконец, она вновь посмотрела на него.

– Приглашение, значит. Тангорл приглашает... меня?! К себе в столицу?! Проявляет дружелюбие?! Неужели глава Совета теперь такой? Ах, да... какой он по счету, семнадцатый?

– Восемнадцатый, если позволите...

– Хм, что ж восемнадцать поколений... Многое может поменяться. Возможно, и достаточно, даже для тангорлов. Но что мне делать там, в Равновесии?

– О, ну вы же туда и направлялись до того, как... – Коспарх сбился, заметив внезапно странно сверкнувшие глаза Меняющей, – прощу прощения. В общем, у вас был там интерес и...

– И неужто ж Совет приглашает меня завершить начатое тысячи лет назад? Допускает меня к Великой Сети, а? – взгляд Аррилии стал хищным, как у готовящегося к прыжку

животного.

Гном отшатнулся.

– О нет. Вернее, я не знаю, великая, – чуть запинаясь произнёс Коспарх. – Я только посланник, я не знаю планов Совета. Мне указано пригласить тебя во дворец для... для знакомства, я полагаю. И Совет, и тангорл теперь другие, так что... Да и, прости за напоминание, ты не видела Каменное Сердце и резиденцию тангорлов – они стоят того, чтобы посмотреть. Там прекрасно: вода, сады, люди. Многие бы хотели увидеть...

– Я видела. Давно. Видела это ваше Сердце ещё безымянной планетой. Там пустыня, горячие голые скалы и сушь – ничего больше. Было б, что смотреть.

– Всё не так. Теперь не совсем так. Когда-то, наверное, было, как ты говоришь, я не знаю, я не настолько стар. Я видел взлёты и падения Ока, но не его основание. Каменное Сердце, Око, Дворец – самые потрясающие места вселенной – они кажутся нам вечными. Но... это просто приглашение. Тебе решать.

Коспарх умолк, Аррилия отвернулась от него, снова прикипев взглядом к теряющемуся в сизой дымке горизонту. Ветер играл её локонами, бросая их в лицо, но она всё неотрывно смотрела вдаль. Потом, не оборачиваясь, произнесла:

– Хорошо. Я принимаю приглашение. Можешь передать тангорлу.

– Передать, но как же...

– Провожатые мне не нужны. Доберусь сама. Я дам знать... – она слегка взмахнула рукой, давая понять, что разговор окончен, зашагала назад, к кромке прибоя, и легко прыгнула с обрыва в набежавшую пенную волну.

Глава 8

Ирриллитенау, 2169 год по земному исчислению

Жара, даже более удушающая, чем обычно, не давала сосредоточиться. Дальние объекты таяли и растворялись из виду в густом голубом мареве. Убрик утёр пот со лба, опустил защитные очки и склонился над соплом очередного маневрового двигателя.

– Да, пора поворачивать малышку, эта сторона, правда, перегрелась, – подумал он, коснувшись пыльной сухой земли. – Погоди, сейчас всё починим, и ты сможешь немного остыть. Тут ничего особенного – как всегда, набилось камней под защиту, видимо, от последнего потока, что мы зацепили пару дней назад. Сейчас вычищу.

Он раскрыл кожух и выгреб несколько горстей камней – мелких и покрупнее – вместе со склеившей их смазкой, которая была теперь чёрной как зола, густой и местами даже крошащейся под пальцами.

– Досталось тебе грязи в этот раз, Впрочем, не меньше, чем твоему соседу, – Убрик махнул рукой влево, указывая на ближайший выход двигателя – копию этого – расположившийся на пару десятков метров дальше. – С ним я уже разобрался, так что приведём всё в порядок.

Он давно работал один, почти с самого зачисления в нуу-

ги и распределения в механики, поэтому разговоры с техникой, да и с самими базами уже стали обыденностью. Как бы сильно его не модифицировали, Убрик всё же оставался живым и, хоть и не слишком сильно, но нуждался в общении. А в лагерь он вернется нескоро.

Нууг поднял голову и кинул взгляд вправо: до конца освещённой зоны в ряд расположились ещё двенадцать сопел и, судя по данным, только два из них были в рабочем состоянии. Что ж, починить осталось десятков, гораздо меньше уже сделанного. Убрик повернулся: слева длинной лентой до самого горизонта базы чернела почти сотня узких цилиндрических дюз, поблескивающих боками под обжигающими лучами Иррилла.

Но сейчас нужно завершить здесь. Он прочистил систему, залил новой смазки из огромного стоявшего рядом бака – медово-жёлтые капли лениво растекались, обволакивая рычаги и шестерёнки – плотно закрыл крышку и отошёл немного вбок. Из его левого предплечья выдвинулся управляющий модуль и распахнул конус экрана датчиков. Убрик не торопясь настроил нужные параметры – минимальные, чтоб не повредить себе – проверил показания и включил двигатель. Тоненькая ленточка синего пламени вырвалась из сопла в направлении звезды. Земля под ногами слегка дрогнула. Убедившись, что выхлоп ровный и не колеблется со временем, Убрик удовлетворённо кивнул и остановил систему.

– База 12. Девяносто восьмой готов к пуску. Настроен

в штатном режиме, – четко произнес нууг. Модуль отозвался шуршанием, а потом голос Порто Прио, ясный, словно он стоял рядом, откликнулся:

– Сведения приняты. Готовность к пуску, девяносто восьмой, двенадцать. Продолжить очистку.

– Принято.

Убрик отключился. Потом легко, будто не замечая веса, подхватил и закинул за спину бак со смазкой и направился к следующему двигателю.

Под лучами Иррилла металлический корпус нууга отличал голубой сталью, живая плоть на этом фоне казалась особенно тёмной. Тяжёлые механизированные ступни спрессовывали пыль столь плотно, что следы потом держались ещё несколько дней даже здесь, на базе 12, с её неустойчивой атмосферой. Впрочем, на многих базах и того не было. В конце концов, невозможно было сделать каждый из сотен астероидов комфортным, а вот починки все требовали регулярно. Убрик вздохнул. Сегодня надо успеть завершить всё здесь и переместиться на базу 19, там тоже нужен механик.

Далеко в черноте, словно огромный глаз, за ним отрешённо наблюдала голубая звезда, выплёскивая свой огонь на сотни уродливо изрезанных обломков, окруживших её неплотным, но явно упорядоченным кольцом. В движении оно казалось почти живым, будто в насмешку над прошлым...

База 51, она же Центральная база Войска Совета, полнилась многоголосым гомоном и механическим гулом. Купол кружился ровно и размеренно, словно большое прозрачное яйцо, хранящее в своём сердце беззащитного птенца. Но этот птенец был страшен в своей силе.

Лучи Иррилла, приглушённые защитным слоем, освещали висящий в центре астероид, размером почти с половину небольшой планеты. Он весь ошетинился строгими многоуровневыми зданиями, огромными антеннами и разнообразными датчиками, окружёнными десятками лазерных пушек. Два невероятных веерообразных сооружения на его противоположных концах могли показаться просто красивыми деталями, архитектурными украшениями, если бы не их содержимое: сотни космолётов – от довольно старых до самых современных – занимали их шахты, готовые вылететь и устремиться на врага по первому приказу.

Наверху одного из самых высоких зданий был закреплён громадный флаг Объединённых миров: белое полотнище с кольцом синих и голубых кругов, накладывающихся друг на друга – единая цепь связанных планет. Флаг почти не колыхался – воздух под сводами перемещался медленно и плавно.

Велзгёр стоял на небольшом балконе прямо под ним, внимательно осматривая свои владения. Огромный механизм работал чётко и без нарушений. Благодарение Единой,

этот обновлённый купол, действительно, прекрасно защищал от надоевших, но неизбежных пылевых потоков. Другие базы этим похвастаться не могли.

Командующий вернулся в небольшую комнату, оставив дверь наружу открытой – внешний шум, как ни странно, во все не мешал ему сосредоточиться, скорее наоборот – свидетельствовал, что всё идет как надо.

Он сел к столу, на удобное, хотя и несколько потрёпанное кресло – серых тонов, как и большинство вещей в этой комнате, включая стены, кроме нескольких растений, зелёными пятнами выделявшихся на общем фоне. Управляющие экраны под его руками разгорелись голубым светом. Включив конференц-систему, Велзгор устремил на них свой взгляд в ожидании: его помощники вышли на связь в течение минуты.

– Приветствую, господа.

Раздались ответные приветствия, но он прервал их кратким жестом:

– Будет. Переходите прямо к докладам.

– Последний пылевой поток задел основные базы лишь по касательной. Большинство систем работают в штатном режиме, командующий, – начал Осиндэк, Первый помощник. – Больше всего пострадали базы 11, 12, 19 и 24 – у них, как обычно, заклинило поворотные механизмы сопел маневровых двигателей. Серьёзных повреждений, по имеющимся данным, нет.

– Хорошо. Что механики?

– Работа по очистке идёт, базы 11 и 24 закончены, база 12, по моим расчётам, будет завершена в течение часа, далее приступим к базе 19, – отчитался Порто Прио. – В процессе работ существенных нарушений, как и указал Первый помощник, не обнаружено. Единственное, – он слегка замаялся, – кажется, есть проблемы с устойчивостью атмосферы на базе 12.

– Кажется?

– Пока не могу сказать точнее. После завершения очистки сопел и пуска двигателя мы отправим туда комиссию для дополнительной проверки, хотя по данным за последние несколько месяцев можно утверждать, что сбои стали чаще. Восстановления проходят быстро, но мы тратим на них чрезвычайно много энергии, и пару раз теряли хороших нуугов – излучение во время перебоя оказывалось чересчур велико.

– База 12... а что другие?

– Подобные сбои зафиксированы также на базах 44 и 89, но реже. Если позволите, командующий, – Порто Прио откашлялся, – я полагаю необходимым отказаться от поддержания открытых атмосфер. Многие базы прекрасно живут под внешними крышами. Конечно, они – не чета здешнему куполу, – он кивнул на проплывающую вдалеке за окном стеклянную стену, – но для основных нужд достаточны. Надо переходить на них, везде, где можно. А где нельзя, ну что ж, – главный механик пожал плечами, – обойдёмся и без

них, в конце концов, здесь у нас войны, а не милые девчушки, потерпят в скафандрах.

– Хм, Осиндэк, а ты как думаешь?

– В этом есть разумное зерно, – сказал тот, задумчиво погладив свою острую короткую бороду, – по крайней мере, это дешевле, а Совет в последнее время очень неохотно расстаётся с деньгами, сами знаете. Но купола требуют времени на их возведение и довольно много. Предварительно можно говорить о пятнадцати базах, которым не обойтись без атмосферы, там точно нужна будет замена на механическую защиту. С учётом уже накрытых, хотя некоторым из них требуется ремонт, остается шестьдесят три – довольно много для постоянной работы нуугов в индивидуальной защите. С другой стороны, количественно там одномоментно бывает не более двадцати процентов состава, и они сменяются, так что... Да, в целом, полагаю, это возможно.

– Ваши мнения ясны, – Велзгор расправил плечи, – но вопрос сложный. Начните проработку всех его аспектов. Проверочные комиссии пусть оценят все астероиды с открытой атмосферой, а не только проблемные. И поторопитесь с данными и отчётами. Согласования с Советом займут много времени, как всегда, так что хотя бы здесь не тяните.

Он кивнул, давая понять, что совещание окончено, отключил экраны и поднялся из-за стола, потянул руки вверх, хрустнув сцепленными пальцами – сложные сине-чёрные табуировки словно ожили на заигравших мышцах. Потом по-

следний раз взглянул в окно на переливчатые соты прозрачного свода и вышел из комнаты через внутреннюю дверь.

Давно, несколько тысячелетий назад, когда дворец Совета Семи ещё не вознесся своей мощью над долиной Грома, а Око Каменного Сердца ещё не стало собственно Оком, а было всего лишь маленьким городишкой строителей, возводивших резиденцию тангорла, были набраны первые нуу-ги.

На первый призыв добровольцев для создания защитного отряда Совета Семи откликнулись немногие – всего несколько сотен воинов разных рас отобрали тогда, но именно они стали скелетом для будущей огромной армии.

Поначалу они, как и Совет, жили на Каменном Сердце, в непосредственной близости от дворца, однако позже число их стало расти, командование усложняться и появилась необходимость в новых базах. Взор главы Объединённых миров пал на Ирриллитенау.

Это было страшное и негостеприимное место: огромная звезда, выжигающая всё, что слишком приближалось к ней, и кольцо каменного крошева вокруг – несколько сотен крупных астероидов, миллионы мелких и густые облака пыли – совсем рядом с той зоной, где ждала огненная смерть. Однако нашлись и преимущества. Система Иррилла была ближайшей к Равновесию. При таком раскладе Каменное Серд-

це, на котором продолжала службу только малая часть нуугов – Гвардия Совета да несколько отрядов космолётов – оставалось под защитой. Немаловажным стало и отсутствие в Ирриллитенау населённых планет: в случае нападения на базу пострадали бы только дислоцированные там солдаты. И, как оказалось, там сохранились частицы прошлого – несколько астероидов имели собственную атмосферу, в основном, грязную и неустойчивую, но всё же существенно расширявшую возможности их использования – большинству нуугов нужно было дышать.

Многие века прошли, прежде чем главная база Войска Совета приобрела свой нынешний вид. Но уже тогда, в самом начале, почти мёртвая система, казалось, ожила, хотя даже наплыв тысяч воинов, закреплявшихся на каждом камне, способном уместить космолёт, был лишь жалким подобием минувшего...

9000 лет назад, Ирриллитенау

Когда багровое марево, накрывшее их, окончательно развеялось, эризингии и Совет, наконец, смогли в полной мере разглядеть последствия произошедшего и ужаснулись. Ни одна планета, ни один спутник не остались целы, не оказалось там и просто сильно повреждённых – все юглы были мертвы. Части их планетоподобных тел хаотично разлете-

лись вокруг на огромные расстояния, но притяжение звезды уже начинало медленно и неуклонно закручивать их в единый поток.

Это был самый душераздирающий портрет смерти из тех, что доводилось видеть Реу, а повидал он достаточно.

– Почему?! – спросил он в пустоту. – Единая! Мы и помыслить не могли о таком. Как же так вышло?

– Меняющая... Она очень сильна. Была... – Ахрну было не по себе, словно он потерял нечто важное. – Наш поток Бездны всё-таки смог подавить тот, что шёл от них, но столкновение оказалось чересчур серьёзным. Мы не подумали о возможности подобного, и в том наша вина, но мы делали это ради будущего вселенной, ты сам говорил, и, видимо, жертва была неизбежна. Главное, мы исполнили задуманное. Меняющая больше не угрожает Равновесию.

– Исполнили, да... Но какой ценой?! Единая, прости, я не хотел подобного... – тангорл спрятал лицо в ладонях, потом поднял взгляд. – И всё-таки, какой же ценой?

– Их было тридцать два, пресветлый, – тихо произнес Буо, советник по мирам.

– Тридцать два... Если считать лишь юглов, то их раса теперь почти уничтожена, но, если подумать обо всех тех миллиардах душ, ради которых мы на это пошли... возможно, мы когда-нибудь простим себя. Тридцать две души, всего тридцать две... для войны – капля...

– Я вынужден огорчить тебя, Реу, не тридцать две, – вме-

шался в его речь Буо.

– Но ты же сам сказал?

– Я говорил о юглах, но... – он замолчал, с грустью окинув взором открывавшуюся им картину разрушения.

– Но?

– Обычно, пресветлый, юглы – довольно неприветливые существа, но есть некоторые... В общем, три из них, одни из самых крупных, были... были населены, – Буо тяжело вздохнул.

– Населены?! – воскликнул тангорл. – Как это возможно? Я бы знал.

– Ну, понимаете, мы не слишком-то интересовались юглами, да и вообще этой частью Федерации, кроме Равновесия, конечно. Это неточные данные, мы не изучали их. Те разумные существа, что жили на них, вели очень скрытный образ жизни.

– Разумные?! Разумные! И ты говоришь об этом только сейчас?

– Но я же не думал...

– Не думал. Мы все не думали, – глава Совета заметался между своими соратниками, заламывая руки, потом успокоился и остановился. – Сколько? Сколько их было там?

– Как я сказал, мы точно не знаем, не изучали, но имеющиеся сведения...

– Да говори уже, не тяни!

– Около пяти миллионов на трёх юглах, я полагаю, – про-

изнес Буо внезапно охрипшим голосом.

– Что? Пять миллионов? Как же это, Единая? Как же... – Тангорл вдруг резко вскинул голову. – Нам не простят этого. Вы понимаете? Не простят.

Он оглядел остальных советников, эризингий, его взгляд стал жёстким и колючим.

– Мы не должны этого допустить. Объединённые миры нуждаются в Совете. Нам следует уничтожить все упоминания о жителях этих миров, а, может, и о самих юглах. Никто не должен узнать, что здесь произошло. Эризингии, Равновесие – всё это далеко от обычных наших граждан, но гибель миллионов им подобных от наших рук – они этого так не оставят.

– Можно... можно сказать, что это всё Меняющаяся, а не мы, – военный советник Руго откашлялся, – не мы, да и всё...

– Можно, сказать можно. Тем более, что без Меняющейся дело не обошлось, действительно. Но мы были здесь. Мы в этом участвовали. Не думаю, что нам поверят и не станут задавать вопросов. Миры нестабильны, мы не можем рисковать, провоцируя смуту в умах. Уничтожить все сведения о населении, вот за что я, – тангорл поднял вверх открытую левую ладонь.

Вслед за ним, немного замешкавшись, но единодушно поднимали руки все советники. Триады никак не выразили своего протеста. Решение было принято.

На несчётные века ужасающие последствия Заключения Девятой триады у Ирриллитенау были преданы забвению. Но не все. Некоторые из таких последствий стали основой будущего тангорлов.

9000 лет назад, Равновесие

Оставив искалеченную систему голубой звезды, эризингии и Совет направились в соседнюю – Равновесие, туда, где между двух светил тускло мерцала причина всего произошедшего – Великая Сеть.

Груз совершённого давил на тангорла как неподъёмная чёрная скала. И всё же он чувствовал облегчение. Даже случившаяся катастрофа не могла омрачить в его сознании того, что прорыв оставался закрытым. Смутные знания о Мире Теней, с проявлениями которого он никогда лично не сталкивался, вызывали в нём безотчётный страх и неуверенность. В конце концов, создателю Объединённых миров было виднее, стоит ли борьба с потенциальным вторжением таких усилий. А ведь Князь отдал за это жизнь. Тангорл оглянулся на эризингий: вот они, порождения его энергии и воли, и они поддерживали Совет в его действиях. Против своих же, да, но как можно было поступить иначе?! Реу просто не видел другого выхода. А, положив руку на сердце, и сейчас,

узрев последствия своего решения, он знал, что выбрал бы тот же путь вновь, появивсь у него такая возможность. Пожалуй, он намеревался бы юглам обратиться подальше или постарался бы встретить Меняющую до Иррилла, если б успел. А если бы нет, то, что ж, нынешнее знание его бы не остановило.

Нужно смириться с произошедшим. Выкинуть всё из головы и из сердца. Жизнь продолжалась. И первоочередной задачей стояла проверка Сети: не задело ли её той бурей, которая почти уничтожила Ирриллитенау.

Все остальные советники, да и, судя по всему, эризингии, как и он сам, настороженно ожидали, что же встретит их там, устоял ли барьер между вселенными.

Они добрались к Равновесию в три прыжка, давая небольшую передышку кристаллам. Триады, которые могли быть там сразу, всё же следовали рядом с Советом.

Сеть висела на месте. Её мелкие соты переливались бледными искрами на фоне глубокой беспросветной черноты. Сейчас она казалась чудным гигантским существом, что мерно дышало в глубоком сне. При взгляде на неё, такую неколебимую, Тангорлу на мгновение показалось, что всё произошедшее было ненужным, лишним. Разве что бы то ни было смогло как-то повлиять на такое создание?! Даже Меняющей это не под силу... А, значит, все те жертвы... они напрасны...

Глава Совета поспешно отогнал от себя эту мысль, будто испугавшись, что кто-то заметит его сомнения. Великая

Сеть стояла, по-прежнему закрывая прорыв, и только это было важным.

Он видел, как расслабленно засветились улыбками лица других членов Совета, как напряжение покинуло эризингий, и их до сего момента плотный строй разделился на отдельные группы, поняв, что их не ждет новый бой. Цель была достигнута.

Но вдруг его мысли прервал Ахрн:

– Пресветлый, с Сетью всё в порядке, но что-то не даёт нам покоя. Эта система... мы чувствуем её иначе чем тогда... тогда, когда мы появились на свет. Что-то новое...

– О, Единая, неужто... неужто новый прорыв?! Только не это! Или... Меняющаяся ускользнула сюда, Тень её забери?!

Советники нервно переглянулись.

– Нет. Нет, что ты! Не думаю... Прорыв мы бы почувствовали сразу. Да что там, даже вы уже бы увидели его – Равновесие не так велико, всего-то три планеты. Тут нельзя не заметить. А Меняющаяся... Девятой триады больше нет, можешь поверить. Мы не жалеем о совершённом, но у нас словно безвозвратно отрезали часть. Это не она, точно. Нет, что-то попроще, но в то же время... я не знаю, кажется, ничего подобного. Говорю же, новое...

– И как же узнать?

– Глянем на все планеты, может, там что-то найдётся. Кристаллов вам должно хватить и на это, и на возвращение на Церитинес.

– Да? Ну хорошо, если вы считаете нужным. Советники не против? – спросил Реу у своих соратников.

Возражений не последовало.

И одна из планет преподнесла им сюрприз.

Бывшая ранее скалистой жаркой пустыней, как и её соседки, отличаясь от них наличием воды, правда, только в подземных источниках, теперь она стала иной, хотя поняли они это не сразу.

Сначала их глазам предстал огромный разлом, глубоким шрамом разрезавший широкое горное плато. Бока этой раны уходили вниз на несколько миль. А над нею, видимо найдя выход из-под земли среди многочисленных более мелких трещин, в глубокой каменной чаше уже перекачивало волны целое озеро. Несколько тонких потоков перелились за его края и устремились прямо к разлому, добравшись до которого, упали вниз тонкими серебристыми лентами. Не долетев до дна, ленты рассыпались мириадами сверкающих брызг, озарив стены ущелья радужными бликами. С каждой секундой всё новые и новые струи вливались во влажную завесу, и, не прошло и нескольких минут, как над пропастью загремел громовыми раскатами невероятных размеров водопад.

– Долина Грома, – задумчиво и слегка отрешённо произнес Руго и вдруг закашлялся. Ему, ббургу, всегда было невероятно трудно контролировать своё дыхание с помощью ийкэ. Он хотел домой, в благословенный воздух своей роди-

ны, где мог бы, наконец, вдохнуть полной грудью, безо всяких энергетических или механических ухищрений. К сожалению, здесь это недоступно. Равновесие – жестокая к дышащим система.

Подумав так, военный советник сосредоточился на удержании дыхательного кокона, но вдруг с ужасом понял, что у него не хватает сил. Он дёрнулся, пытаясь позвать на помощь, но не успел – кокон с шипением схлопнулся. Ббург начал задыхаться, его и так серая кожа стала просто пепельной, все четыре глаза налились кровью, он хватал руками пустоту вокруг себя. Паника накрыла его с головой. Советники и эризингии бросились к нему. Но внезапно всё кончилось: его лёгкие наполнились сладким как мёд воздухом, точно таким, о каком он только что мечтал, будто он вновь вернулся на луг возле родной пещеры. Руго грузно плюхнулся на землю, жадными глотками вбирая в себя снизошедшее на него благословение.

– Галлюцинации, – вдруг подумал он, – я задохнулся и умираю... Но как же это приятно, – он с наслаждением потянул носом.

– Советник! Советник... – как сквозь вату донеслись до него голоса. – Советник, очнитесь. С тобой всё в порядке, Руго? – голос тангорла прорвал пелену. – Эй?

Взгляд ббурга снова стал осмысленным, и он с изумлением осознал, что жив и продолжает дышать без кокона. Но как же так? Атмосфера этой планеты не позволяла...

– Что с тобой, Руго? – снова спросил тангорл.

– Всё... всё в порядке, – советник поднялся на ноги. – Действительно в порядке, только я даже не знаю, как объяснить...

Выслушав его, Реу повернулся к триадам.

– Великие, что это? Объясните, если можете.

– Мы должны проверить, ждите, – и эризингии устремились прочь, мгновенно рассредоточившись по планете.

Буквально через несколько минут они возвратились.

– Это кажется странным, – начал Ахрн. – Как я и говорил, я раньше подобного не видел, однако, что есть, то есть. Для нас это неважно, потому мы и не заметили. А вот для всех вас, да и для других, полагаю... Воздух здесь... он приспосабливается к каждому, кто дышит, и, судя по всему, создаёт наилучший вариант из возможных для каждой особи. Это требует проверки, но мы практически уверены.

– Приспосабливается? Как это?

– Не знаю точно. Что-то вроде внешнего индивидуального кокона, только создаёте его не вы, а она, сама планета.

– Но как это возможно? Тем более, раньше я бывал здесь и не чувствовал ничего подобного?

– Не знаю. Но вы попробуйте. Если что-то пойдёт не так, мы создадим вам свой кокон.

– Попробовать? – тангорл растерялся. – Не уверен, что это хорошая идея.

Но потом он взглянул на военного советника – тот дышал мерно, спокойно и абсолютно расслаблено. Его вечно угрюмое суровое лицо выражало явное удовлетворение.

Глава Совета решился.

Он отпустил защиту и в первые несколько секунд подумал, что ему пришел конец, но потом его окружил обычный воздух, совершенно привычный ему воздух лесов Каритоса. Он задышал ровно и непринуждённо, хотя не смог скрыть выражения безмерного удивления на лице.

Его примеру почти сразу последовали и остальные. Всё повторилось.

Вывод был ясен: атмосфера здесь словно стала живой и давала каждому то, что ему было необходимо.

После долгих раздумий, дополнительного обследования всей планеты эризингиями, они убедились, что такие перемены напрямую связаны с катастрофой у Иррилла. Насколько можно было судить, сюда невероятным образом переброшило и смешало десятки атмосфер погибших юглов, а, может, и часть их жизненных сил – потоки энергий здесь стали чрезвычайно сложны. Как бы то ни было, но теперь это место – уже не просто окраина Объединённых миров у врат Тени, а нечто большее.

Исследование планеты 2 системы Равновесия продолжалось следующие несколько лет, и в результате Советом было

принято судьбоносное решение: здесь будет его резиденция; здесь, прямо над каскадами, неприступная и величественная вознесётся она символом мощи Федерации, символом лучшего выбора для каждого её обитателя.

И когда синие и золотые своды и башни дворца Совета Семи поднялись к облакам, планета обрела свое имя – Каменное Сердце – ибо почти безжизненным камнем была она, но сохраняла жизнь каждому на неё попавшему; ибо центром вселенского союза она теперь стала – его твёрдым, но бьющимся сердцем.

Ирриллитенау, 2169 год по земному исчислению

База 74 всегда нравилась Бриáру больше других, за исключением, конечно, Центральной. На последней он бывал всего пару раз – во время первичных тренировок и при распределении – в конце концов, простой пехотинец и не мог претендовать на постоянный комфорт. Но после третьей переброски оказавшись здесь, он вполне удовлетворился жизнью.

Местные купола были довольно старыми и далеко не такими технически совершенными, как скорлупа 51 базы, однако функционировали прекрасно: дышалось здесь легко, света и тепла ровно столько, сколько нужно, даже островками росла кое-какая зелень, в целом редкая в Ирриллитенау.

Последний пылевой поток, повредивший другие базы,

прошёл в этот раз мимо них, так что тяжёлых ремонтных работ на внешней оболочке не ожидалось. Системы наблюдения и защиты работали без нареканий. Очередная фаза тренировок пару дней назад подошла к концу. В общем, всё сошлось воедино, и у них неожиданно появилось несколько свободных от служебных занятий дней.

Бриар, как и всегда, когда выдавалась минута, сидел на верхней площадке спортивного амфитеатра, неподалёку от травяной границы единственного на их базе парка. С этого места ему открывался наилучший вид на кольцо Иррилитенау, медленно плывущее на фоне яркого голубого бока звезды. С его новым зрительным аппаратом он мог разглядеть сквозь обзорные полосы в сводах даже стеклянный отблеск центральной сферы, движение на тех базах, что поближе и, конечно, матовые тела снующих туда-сюда мелких космолётов. Во всём этом всегда было что-то притягательное для него. Бриар не смог бы объяснить, что именно заставляет его чувствовать себя столь умиротворённым.

И действительно, только здесь огромный, прошедший немало боёв, суровый нууг иногда улыбался. А улыбки в Войске Совета вообще были редкостью.

За его спиной раздались глухие тяжёлые шаги, но он даже не шелохнулся. Что-то большое приблизилось и шумно задышало ему в шею.

– Зераус, прекрати, – голос нууга был спокоен и тих. – И не топчись там – лужайку опять испортишь, жирный ты

боров.

– Далась тебе эта лужайка! – слова собеседника звучали не совсем естественно, механически. – Лучше подними свой зад, пойдём в обеденную. Наши говорят, там вроде как подвезли неплохого пойла, и много, на всех должно хватить.

– А! Ну так тогда чего спешить, раз хватит?! Глянь лучше – сейчас 51-ю будет хорошо видно.

– Да ну её. Что смотреть, коли нам туда не попасть?

– Так, просто...

Бриар обернулся.

Чёрная с синим туша его закадычного друга закрывала собой весь вид на парк. Все четыре мощные столбообразные лапы на несколько сантиметров ушли в мягкую почву под весом громадного чешуйчатого тела. Выросты-лепестки на спине Зерауса топорщились, указывая, что жуз, несмотря на всю агрессивность длинной уродливой морды, пребывает в крайне благостном расположении духа. Толстый хвост мелко подрагивал, только подтверждая этот вывод.

Сегодня на жузе оставалась лишь лёгкая встроенная броня да выступающий на лбу динамик речевого аппарата; в боевом снаряжении, делавшем его просто ходячим стальным складом оружия, не было необходимости.

Они дружили давно, с той самой поры, когда совсем юными попали в Войско. Зераус так вообще почти младенцем с точки зрения его вида. Да, тогда он был вполовину меньше Бриара, не то что сейчас. Бриар помнил, как считал жу-

за всего лишь большим и не слишком умным зверённышем, который отказывался приручаться. Но когда тому через пару лет установили речевой аппарат, Бриар понял, как ошибался. Действительно, сложно было воспринимать на равных, как другие языки, жузовские то ли клёкот, то ли рычание. Однако интрон и синтезатор речи все изменили: Зераус быстро продвинулся в учебе, завёл друзей и стал душой компании. А уж когда он вырос до размеров небольшого космолёта, да ещё был модифицирован внутренней пластинчатой бронёй, то стал одним из лучших и ценнейших воинов среди всех нуугов.

Его единственными недостатками оказались неспособность к манипуляциям с мелким оборудованием, из-за физического строения, компенсируемая, впрочем, технически, да любовь к выпивке. От последнего все старались его отвадить: жуз, накачавшийся элем, мог натворить много бед. Не со зла, нет. Жузы вообще по природе не злы и сравнительно не агрессивны. Просто, когда такая туша плохо контролирует себя, то лучше, чтоб ничего не попадалось на её пути. На базах это было сложно: застройка плотная, а население велико. Так что Зераус часто, хоть и ненамеренно, становился виновником конфликтов и мелких разрушений.

И сейчас Бриар хотел удержать здесь друга подольше, несмотря на явно проявляемое тем нетерпение: жуз беспокойно перебирал ногами, оставляя на газоне большие округлые вмятины; его маленькие ушки стояли торчком, нозд-

ри подрагивали и раздувались, с шумом втягивая воздух. В конце концов, ну сколько там могли привезти того пошла? Не безгранично же. Так что если прийти попозже, а не прийти совсем не выйдет, стоит только глянуть на Зерауса, то, может, на их долю толком и не достанется ничего. Не то чтобы Бриар сам не любил выпить, но обошёлся бы и без этого, лишь бы не разгребать потом очередные завалы после пьяного шатания жуза по улицам.

– Да, просто... Погоди. Взгляни всё же... За пару минут весь эль от нас не убежит. Вон там, слева. Она уже видна. Может, когда-нибудь и у нас здесь сделают такую же, – Бриар указал на дальний отблеск Центральной базы.

Зераус хмыкнул. Сфера 51, конечно, была великолепна, кто б спорил.

– Как же! Скажешь тоже. Чтоб прям у нас как у командующего стало? Гиперстекло. Не, это вряд ли. Станут они на нас тратиться, и так ведь всё работает. А у Совета сейчас и без того проблем хватает. Ты же слышал о последнем перехвате? Мятежники, чтоб им пусто было! Тьфу!

– Я слышал, да, – Бриар кивнул, – но откуда ты знаешь, что это мятежники?

– Так а кому ещё? Стал бы иначе командующий пять космолётов на такую маленькую посудину выделять?

– Хм... а некоторые поговаривают, что корабль-то был гражданский и, – Бриар понизил голос почти до шёпота, – что это просто тангорл уже не в себе, шарахается от каждого

шороха и бросается на всех подряд, хоть и на простых фермеров, как этот.

– Да ты что! – возмутился жуз. – Чтоб глава Совета свихнулся? Не верю... Это бы многие заметили. Нет, нечисто там с этим летуном, нутром чую.

– Так вроде ж ничего не нашли в обломках?

– Да. Два трупа да ошмётки корпуса. Зерна ещё немного, и всё. Тут ты прав, ничего особенного. Но то и подозрительно: слишком уж чистенько, а без нарушений кто ж сейчас летает? – он покачал головой. – Ничего, один-то из этих выжил. Уж советник Акелод сумеет его разговорить. Хотя нам какое дело сейчас до этого? Вот выяснят чего, дадут приказ, если вообще нам, тогда и подумаем. А сейчас, – Зераус замялся, – хватит уже сидеть тут и пялиться в никуда, пойдём, может, нальют пару глотков, а?

Бриар нехотя отвёл взгляд от черноты за стёклами обзорной полосы, вздохнул, будто покоряясь неизбежному, и легко поднялся на ноги.

– Ладно уж, пьянчуга ты чешуйчатая, пойдём.

Глава 9

Каритос, 2169 год по земному исчислению

Закат догорал, рассыпаясь багряно-фиолетовыми сполохами, накрывавшими синеющую поодаль тёмную громаду старого леса.

Как исполинские дозорные, не упускающие из виду ни зверя, ни птицу, стеной вставали с самой опушки древние кедры. Гордо возносили они свои колючие тела к небесам, казалось, протыкая облака, словно шпили замковых башен. Их мощь и сила поражали всякого, кто побывал здесь. Да и те, кто жил здесь постоянно, всё равно не могли не изумляться величию гигантских деревьев.

Но непросто было живущим у их царственных ног: не каждый мог пробиться к свету и не оказаться искалеченным их раскинутыми ветвями. Однако сложность выживания для растений была почти несущественна по сравнению с опасностью, подстерегавшей всех, кто мог забраться вглубь этого невероятного леса. Там, в чёрной и влажной чаще, неосторожный путник мог наткнуться на страшные вещи: порванная, как бумага, кора, открывающая незаживающие раны на красно-коричневых морщинистых стволах; следы когтистых лап, больше двух или даже трёх человеческих ладоней в поперечнике; мертвящая тишина, не преры-

ваемая даже стрёкотом насекомых; отвратительный, сшибающий с ног запах и, наконец, иссушенные оболочки людей, зверей, птиц, изредка шелестящие при ветре по рассыпавшимся скелетным костям.

И таков был не только этот лес, но и остальные здесь, на Каритосе. Немало горе-путешественников так никогда и не вернулись обратно. Но местных жителей это почти не пугало.

Они-то давно знали, что за твари населяют дальние чащобы. Знали и то, что те не любят света, а потому обычно не появляются за той нечёткой границей, что отделяет их всегдашние владения от солнечных равнин и пёстрых опушек. Больше того, поговаривали, что у многих вождей родов, населявших планету, в домах обязательно был какой-то предмет, украшенный толстой, местами чешуйчатой шкурой. Но чужакам такие вещи никогда не показывали, так что многие из них продолжали считать рассказы об ужасных каритосийских зверях байками малообразованных аборигенов. Трупы списывали на то, что люди просто заблудились и умерли от истощения, якобы высохнув потом. Конечно, это было не так.

В самых буреломных местах, в тёмных и влажных норах жили они – дилигдрусy. Отвратительные внешне – с медведя величиной, безволосые, на шее, спине и лапах покрытые жёсткой и шершавой, словно тёрка, чешуёй, цвета бу-ро-зелёной болотной жижи, с двумя треугольными горящи-

ми красным огнём многоглазьями на широкой дынеподобной голове – однако самой пугающей была их пасть, если её так назвать. Две пары длинных подвижных отростков по бокам головы надёжно удерживали схваченную добычу: нижняя зубастая челюсть, напоминающая тонкую цепную пилу, взрезала плоть; верхняя сдвоенная челюсть-хоботок впивалась в надрез, впрыскивала зеленоватую слизь и через пару минут высасывала все разжижившиеся внутренности, мышцы и кровь, оставляя лишь скелет да сухую, как бы забальзамированную, оболочку. Частью таких оболочек зверь потом устилал стены и пол своей норы.

Дилигдрусы быстры и выносливы, могут учуять добычу за несколько миль, а в темноте видят не хуже сов. Но на свету они уязвимы. Если суместь выманить их из чащи на открытую поляну или хотя бы опушку да подобраться поближе, пользуясь их временной слепотой, то охотнику с длиннодревковой глефой нетрудно дотянуться до уязвимых мест. Брюхо, как и грудь их, хоть и толстокожие, всё-таки лишены чешуи, и узорчатые лезвия, выкованные мастерами Каритоса, прорезали их как масло.

Надо сказать, такая охота долго оставалась весьма популярной среди молодых каритосийцев – шкуры ценились за прочность и долговечность, пластинчатыми чешуйками порой укреплялись лёгкие доспехи – да и показать умения и отвагу многие были не прочь именно так.

Так что теперь дилигдрусы стали редки. Некоторые леса

Каритоса и вовсе очистились от них полностью, и для жителей близлежащих равнин ужасные твари стали всего лишь старой сказкой, которой бабушки пугали непослушных внуков.

– Нет, бабу, не хочу эту, Расскажи другую, – крошечная девочка потрясла головой в светло-каштановых кудряшках, – другую, слышишь, бабу?

Элафиза посмотрела в широко распахнутые глаза цвета старого мёда, точно такие же, что и у неё самой, такие же, что были и у её дочери... Грустная улыбка высветила каждую морщинку на её лице.

– Другую? – она ласково пригладила волосы внучки. – Какую ж другую, Йюю, детка? Может, про большой синий дворец над водой, где живёт прекрасная светловолосая дева? Нет?! Тогда про Тени, что приходят из-за пределов мира? Тоже нет?! А, может, простую, про чотту, охотившуюся на тутти? И эту не хочешь?!

Девочка энергично замотала головой:

– Ты уже их рассказывала. Да-да, и про чотту, и про деву... много-много раз. Другую, новую... – пухленькое тельце доверчиво прижалось к бабкиному боку, – совсем новую.

Старуха отставила в сторону миску с ягодами, которые чистила, и обняла ребёнка. Она взглянула вдаль, на кромку сизого леса, подсвеченную розовым заревом заката. Верхушки деревьев готовы были пронзить солнце, как пики.

Наступал прохладный вечер, долго на крыльце не засидишься. Пора, наверное, заходить в дом. Но воздух сегодня был так тих и свеж, что уходить не хотелось. Элафиза повернулась в своём шатком креслице, оглядела всё вокруг. Точно, шали отыскиались в углу на перилах, свисая почти до потёртых досок пола и касаясь цветными краями потрескавшихся резных балясин.

– Детка, а принеси-ка нам шали. Вон, гляди.

Малышка легко вскочила на ноги, побежала, схватила плотную ткань обеими руками, стянула всё на себя, почти запутавшись в широких полотнищах, но сумела, хоть и изрядно скомкав, донести просимое бабушке.

Они уселись рядышком, укутались в мягкую узорчатую шерсть.

– Новую, говоришь, милая? Ну, хорошо. Я поведаю тебе про давние-давние дни, когда история только начиналась, и многое в мире было иначе, про древнего правителя и его жизнь, а?

– А давно – это ещё до мамы?

– До мамы, – голос её прозвучал глухо, – и до меня, и до многих до меня. Очень давно, и не подсчитать, когда...

– Понятно... Но это скучно, наверное. Правитель... – Йюю пожала плечиком, – а он хороший, бабу?

– Конечно, хороший. Без него не было бы нас с тобой.

– Да?! Тогда рассказывай, – девочка устроилась поудобнее и приготовилась слушать.

– Что ж... Начну. Давным-давно, как я и говорила, когда Объединённых миров и в помине не было, у далёкой-далёкой звезды жили чрезвычайно могущественные существа. Внешне похожие на нас с тобой, представляешь? Руки, ноги, голова, в общем, всё как у нас. Только были они выше, сильнее, прекраснее. А ийкэ их была столь велика, что они могли перемещаться меж мирами... – Элафиза неверяще покачала головой. – Меж мирами, ты только подумай?

– У них тоже были кристаллы, да? – Йюю, несмотря на свой небольшой возраст, уже многое знала об устройстве Миров.

– Нет, детка. В том-то и дело. Не было у них никаких кристаллов. Они сами могли путешествовать среди звёзд. Седлали потоки энергии, да и неслись вскачь по черноте вселенной.

– На лошадках? Правда?

– Да нет же. Говорю, на энергии мира. Ну, если честно, я и сама точно не знаю, это же сказка, разве нет?

– Точно... А эти... ну, потоки... они похожи на лошадок, бабу?

– Так-то нет, но ты представь так, если тебе хочется, милая, представь.

– Лошадки хорошие, люблю их, – девочка удовлетворённо кивнула и снова затихла.

– Так вот, о чем бишь я? Да... в общем, жили такие существа, и много их было. И жили они долгие века, умножали

знания и силы. Но однажды... никто не знает, что случилось, но осталось их только двое – муж и жена. А другие? Другие пропали бесследно...

– Бесследно?

– Да. Не сохранили предания, что с ними стало. Если вообще хоть кто-то знал, что произошло. Эти двое, они потеряли всех сородичей, друзей, близких. Только они сами остались друг у друга. И тогда они решили, что раз уж их раса исчезла, то они применяют хотя бы свои силы во благо других.

Раньше они жили обособленно, никому не попадаясь на глаза, но потом стали путешествовать по разным планетам, таким, как наша, и совсем иным. Они открывали себя и учили других многому из того, что знали сами. Учили пользоваться ийкэ. Учили договариваться с другими мирами. Были они как посланцы, перемещающиеся с места на место и несущие вести об иных обитателях вселенной. Так и началось рождение Объединённых миров. Конечно, так союз назвали много позже, но началось всё тогда. А потом у них родился сын... Хотя нет, погоди, ещё вот что... Ты вспомнила кристаллы. Так вот их открыли как раз с помощью этих двух существ. Они побывали на Эрму, а немногим это дано, там и узнали про камушки, кои могут открывать двери между планетами, или даже помогли их создать. Не знаю. Больше сокрыто. Да... А вот потом уже и сын... Слушаешь ли ты, Йюю?

– Да, бабу, слушаю, – голосок девочки звучал уже сонно, –

я не сплю, ты не думай. Давай дальше. Чего там? Сын...

– Ага, сын. Появился он у них, и они, конечно, радовались очень, но и печалились тоже – в конце концов, других их соплеменников не осталось, их сыну суждено было стать последним. Последним в роду, как... как... – она взглянула на ребёнка, судорожно вздохнула, сжала её сильнее, одинокая слезинка скатилась по щеке, – неважно. И растили они его, и продолжали своё дело – объединять миры и расы – уже втроём. А потом, потом граница нашего мира лопнула и пришли порождения Тени, и погибли тогда и отец, и мать...

– Погибли?! Совсем?

– Совсем, милая, как ни жаль. Остался их сын один. И поклялся он не оставить их дело и отомстить за них, да и за весь свой род. Если найдёт того, кто в ответе.

И нёс он знания всё новым и новым обитателям вселенной, и кристаллы стали использоваться повсеместно. Вот тогда-то и стали тысячи планет истинно Объединёнными мирами. А его все стали звать Князем, а после и всех его предшественников тоже, чтоб хоть как-то их определить. И всю свою жизнь передавал он знания и свет, и силы, и крепи вселенские узы. И старался он не дать открыться новым прорывам, не дать Миру Теней снова пройти в наш мир.

Многих встречал он на своем пути, но самой прекрасной и самой непостижимой была она – Керрелианта... – старушка замолчала, посмотрела на внучку. – Да ты, никак, спишь?

Ответом ей было лишь тихое мерное сопение. Элафиза,

улыбнувшись, качнула седой головой:

– Конечно, милая, спи, был долгий день. Спи крепко.

Она обхватила малышку худенькими руками, которые, однако, ещё не утратили силы, осторожно приподняла её вместе с шалью, встала с кресла и неспеша пошла в дом. Упавшая с её собственных плеч материя так и осталась лежать под навесом разноцветной лужицей, и только последние лучи заката, дрожа, высвечивали меж узоров то лучистую корону звёзд, то цветок или листок, а то край алого нечто, напоминающего большое перепончатое крыло...

Многие тысячи лет назад

Ущелье наполнилось тишиной, покоем и сумраком. Его каменистые, чуть осыпающиеся склоны довольно круто обрывались вниз к узкой долине, зажатой в скалистые тиски. Покрытая беспорядочно переплетённым кустарником зелёная полоса расширялась к югу, превращаясь в обширную поляну, полускрытую кольцом невысоких гор. Свет, проходя меж вершинами и сквозь пронизывающие их разломы, узкими и длинными жёлтыми полосами ложился на густой травяной ковёр. Тонкие стебли колыхались в такт, хотя сегодня было безветренно. Их движение было подчинено ритму дыхания спящего на поляне существа.

Издалека, со стороны, оно могло показаться такой же

горой, как другие здешние, но яркий переливчатый цвет, изящные формы, таящие скрытую мощь, и едва уловимое движение свидетельствовали о жизни.

Красная, с чёрно-жёлтыми узорами чешуя, покрывающая длинное, свёрнутое сейчас спиралью тело, сияла под редкими лучами. По хребту топорщились шипастые антрацитовые гребни. Усаженный блистающими иглами хвост обнимал мощные лапы. Скульптурно вылепленная голова на ослабленно вытянутой вперёд шее казалась хрупкой и почти невесомой, несмотря на изрядно смятую вокруг траву. Три пары витых маслянисто-гладких алых с чёрным рогов венчали её короной.

Горячее дыхание вырывалось из ноздрей, опалая кончики травы на несколько ярдов вокруг. Тонкие шершавые веки были сомкнуты. Вдруг они дрогнули, голова приподнялась и повернулась к северу, существо будто прислушивалось к чему-то очень далёкому, хотя здесь не раздавалось ни звука, даже шуршание мелкой осыпи со склонов затихло.

Глаза распахнулись, мерцая бледной латунью. Всё тело напряглось, хвост нервно дёрнулся.

А потом расплеснулись крылья, как невероятный плащ, закрывший почти всю небольшую долину. Проходящий через их огромные кожистые перепонки свет окрашивал землю в цвет рубинов или свежей крови.

Дракон, а это, конечно, был именно он, точнее она, прынул в воздух, мгновенно поднявшись выше самых высоких

пиков, которые были на этой планете, и, кувыркаясь в свежих потоках, словно рисуя невероятный орнамент, полетел туда, откуда доносился только ему слышимый звук. Да и не звук даже, а затихающий всплеск волны энергии, вызванный, определённо, какой-то крайне необычной, незнакомой ийкэ.

Она преодолела сотни миль, прежде чем ощутила что-то более конкретное. Там, во всё ещё незримой дали, был кто-то живой. Живой и сильный. Она острее чувствовала объятия его ийкэ, враждебности в них не было, но сама их мощь заставляла насторожиться. Что ж, не только ей следует проявить осторожность, в конце концов, она была драконом и не встречала пока в этом мире сил, равных её. Но он теперь тоже знал, она была в этом уверена, знал о её приближении, знал и не нападал. Так что главное сейчас – не ошибиться, увидев его. «Не торопись с выводами, – сказала она сама себе, – не торопись».

Воздух становился всё холоднее, а холод она не слишком любила, но в непосредственной близости от кромки вечных льдов иного ждать и не следовало. Ийкэ теперь бурлила вокруг плотными, почти осязаемыми потоками. Она увидела его впереди примерно за два десятка миль к северо-западу – просто чёрная точка на белом фоне, если отбросить энергию. Но та была велика...

Преодоление оставшихся миль заняло мгновения, и вот она уже плавно опускалась на снежное покрывало, взметая

вокруг хоровод ледяных искорок.

Он стоял прямо и почти недвижимо, чуть подняв голову и не отводя взгляда от приближающегося живого пламени, не дрогнул и не отступил. Просто стоял и с интересом разглядывал незнакомое ему существо.

Показался он ей маленьким и хрупким, по сравнению с нею самой, хотя и был крупнее тех людей, что она раньше встречала. В целом ничего выдающегося, по драконьим меркам, но ийкэ... Как могла в нем скрываться такая сила? Вдруг на лбу его что-то блеснуло звездой, и в этот миг дракониха поняла, кто перед ней. Она не видела таких никогда, да и не могла видеть, потому что он остался единственным во вселенной, и вот, он стоял сейчас здесь и ждал её, не зная, кто она есть. Потому что тоже не мог знать – не было в этом мире подобных ей.

Лапы коснулись земли, оставив в снегу глубокие борозды. Она ещё раз повела крыльями и мягко сложила их за спиной, чуть кивнула, приветствуя его, и произнесла:

– Князь?

Он усмехнулся, покачал головой:

– Да, теперь многие называют меня именно так, хоть это и не мой выбор. Но он не хорош и не плох, так что пусть будет так. Да, Князь, – он замолчал и внимательно оглядел её. – Но кто же ты? Я видел тысячи обитателей вселенной, но никого подобного тебе... Как это возможно?

– То же, Князь, и я могу сказать о тебе. Я не видела та-

ких, как ты... что объяснимо, да... Но я много слышала. Я знаю про Объединённые миры, про их правителя со звездой на челе...

– Я не правитель, не совсем...

– Это детали, неважно... я поняла, кто ты. А я... Я – Кер-релианта! Но на объяснения мне нужно много времени.

– Оно у меня есть...

Каритос, 2169 год по земному исчислению

Редкий утренний туман укутывал долину в бледное одеяло. Заря только занималась, расцвечивая белёсую пелену розовым и золотым, и та постепенно, нехотя отползала ещё и ещё, открывая широко раскинувшиеся улицы столицы, давшей название всей планете.

Их причудливое, неупорядоченное переплетение, пёстрые цвета черепичных крыш при взгляде сверху могли бы напомнить большую старушечью корзинку, наполненную мотками шерсти, перепутанной шаловливым котенком. Но такой ракурс был доступен не всем: в Каритосе не строили многоэтажных зданий. Он рос не ввысь, а вширь, благо места было более чем достаточно. Сейчас его окраины всего на пару миль, не больше, отстояли от Великого леса на северо-западе. На востоке Арит плавно катил свои воды к югу, когда-то естественным образом очерчивая границу челове-

ческого жилья. Но теперь через него перекинулись уже три грандиозных моста, и левый берег реки стремительно застраивался новыми виллами и хижинами. На юге, расчерченные на квадраты оросительными каналами, убегали к горизонту засеянные поля.

Конечно, в небе порой зелёными пятнами появлялись дозорные, следившие за порядком, но их, верховых, было мало – в конце концов, достаточно крупных и хорошо обученных выезде куленн найти непросто, измельчали они в последнее время. А челноки и прочие лётные устройства сильно ограничили в передвижениях по соображениям безопасности: не хватало им ещё и в воздухе толчею создать.

Да, собственно, и не городские виды притягивали сюда тысячи обитателей Федерации. Их нескончаемый поток наполнял улицы с одной единственной целью – попасть на Рынок. Ибо Каритос – вся планета, но в особенности столица – был вселенским рынком: здесь можно было продать и купить всё, что когда-либо видело свет в Мирах.

Самые разношёрстные компании, какие можно вообразить, встречались на узких городских улочках, в придорожных харчевнях и кабаках и, конечно, на главной площади – Торговище. Хотя просто площадью её мог назвать только кто-то несведущий, кто-то, кто не сделал по этим каменным плитам и шага. Торговище было городом в городе, разве что в нём почти никто постоянно не жил. Плоское как тарелка, округлое пространство, немногим более четырёх миль в диа-

метре, паутиной покрывали несчётные деревянные лавчонки и полотняные палатки, пыльные загоны и блестящие на солнце ангары.

Проходя меж ними, любопытствующий путник мог найти самые разнообразные вещи: кухонную утварь и скобяные товары, резную мебель и мерцающие драгоценности, экзотические специи и скот. Мягкими цветными волнами выплёскивались с прилавков ткани, словно по волшебству превращавшиеся на другой стороне улицы в наряды для существ любого вида и достатка. Истекали соком фрукты с дальних планет и разливали запахи букеты цветов из оранжерей и перелесков.

Повсюду сновали лоточники и разносчики: еда у них была на любой вкус – от жареных червей до медовых пирогов, можно было обнаружить и козье рагу, и взбитое желе из миллека. Эль и чай лились нескончаемой рекой. На открытых жаровнях шкворчало мясо и грибы. Палатки со сладостями заманивали запахом карамели и шоколада, только что вынутых из печи кренделей и кексов. В чашах питьевых фонтанчиков, разбросанных там и сям, журчала вода.

Справа от одного из таких родничков, на пороге старого бревенчатого домишки с тёмными стеклами в двух маленьких оконцах бородатый старичок-аптекарь расхваливал свои бодрящие настойки и сборы сушёных трав, якобы лечащих любую хворь. Слева, почти напротив, изливала жар на прохожих кузница: передняя её стена была вся увешана всевоз-

можными заготовками и уже законченными ножами, пиками, топорами и плугами, и многим, многим другим.

Чуть поодаль начинались загоны и птичники. Лошади и козы, тутти и плокки, певчие птицы и рабочий скот – здесь были они все, и шум стоял почти невыносимый. Но опытные покупатели умудрялись перекрикивать и клёкот, и ржание, и мычание, и вой, и пение, и даже не менее громкие голоса продавцов, старающихся сбыть свой товар подороже. Сейчас больше всего народу столпилось у сравнительно небольшого, ограждённого очень высокими столбами и накрытого сетью загона с куленнами. Судя по собравшимся, предлагавшиеся экземпляры были очень хороши, потому-то до хрипоты спорили начальник городской стражи Каритоса и какой-то высокопоставленный мбунг. По обрывочным фразам можно было понять, что мбунг собирается использовать их на своей планете для организации гонок, что невероятно раздражало главного стража, считавшего это пустой тратой ценнейшего ресурса.

– Не получишь, Тень тебя заberi, – вопил каритосиец, почти брызжа слюной, – это вопрос безопасности...

– Ха, здесь свободный рынок, не растрясай тут свою должность, ты тут не распоряжаешься, – длинные тонкие уши мбунга дрожали, четыре лапки нервно мяли мешочек с деньгами.

Тёмно-коричневая кожа начальника стражи явно обрела бордовый оттенок, он сжал кулаки.

– Ну, тише, тише, уважаемые мои, мы сумеем найти взаимовыгодный вариант, – владелец спорных животных довольно поглаживал своё огромное брюхо, задрапированное синим шёлком. Он с трудом скрывал удовлетворённую улыбку, сдерживая свою радость от того, что такие благородные господа ссорятся из-за его товара.

Всех можно было понять – звери оказались действительно высококласными. Внутри загона, тихо жужжа, летали пять куленн. Их вытянутые многосегментные тела, покрытые плотным панцирем, сияли насыщенной зеленью; десятки глазных пучков без единого повреждённого фрагмента плавно изгибались туда-сюда, чутко улавливая малейшее движение своих соседок; по три пары полупрозрачных, но плотных крыльев удерживали их в воздухе практически в любом положении. А недавно продемонстрированный при участии двух маленьких помощников хозяина уровень послушания, перечень команд, которым они подчинялись, делал их тем более значимой покупкой.

Спор продолжался, почти незамеченный другими посетителями Торговища, даже находившимися неподалёку. Да и трудно здесь было удержать внимание на чём-то одном. Тем более, что за скотным двором, после мостика через небольшой приток Арита, разделяющий рыночную площадь на две неравные части, была, пожалуй, самая интересная часть Торговища.

Там, в прохладных серебристых ангарах продавались цен-

нейшие изделия Объединённых миров и... знания. В одной из секций можно было приобрести любое, из разрешённого гражданским, оружие. В другой вилась змейкой очередь на установку интронов: многие из прибывших покидали свою планету впервые, а взаимопонимание при таком наплыве представителей разных рас критически важно. Эндокommуникатор был самым быстрым способом достичь такого понимания, хотя, по сути, являлся всего лишь совершенным переводчиком, оснащённым всеми известными языками. Внедрение его происходило просто – жидкое тело интрона наносили на шею или иную часть тела, близкую к мозгу, в зависимости от вида, а там он уже всасывался, встраивался в нейроны и начинал функционировать – да и цену просили совсем символическую, поэтому установщики редко стояли без работы.

Дальше, на краю города, белели матовые купола, вход в которые был доступен лишь избранным – здесь, будто металлические птицы, расположившиеся на гнездовье, стояли космолёты, конечно, не военные, а торговые или пассажирские, но и они производили неизгладимое впечатление. Огромные крылья или их отсутствие, зеркальная гладкость или ошестиненные шипы, простые каплевидные корпуса или вычурные резные формы – всё приковывало глаз.

В маленьком, окружённом стеклянной стеной пространстве в центре большого зала разместились несколько прозрачных витрин, обманывающих своей кажущейся хрупко-

стью: стёкла невозможно было пробить почти ничем, кроме, собственно, того, что хранилось в этих коробах. Там льдистой голубизной на белых подушках мерцали кристаллы Эрму. Их тут насчитывалось несколько десятков, часть чистые, часть уже внутри дискообразных золотых корпусов преобразователей. Большинство – парные, довольно мелкие, рассчитанные на одно лицо или небольшую группу, и всего восемь штук больших одиночных, способных переместить средних размеров космолёт. Конечно, интерес к ним был чрезвычайно высок, но толпы не собралось – не многие могли позволить себе подобное приобретение. К тому же заинтересованность выразили представители Военного департамента, а, значит, шансов у сторонних покупателей оставалось немного.

С противоположной стороны Торговища было не так чисто и гораздо болеелюдно. Народ выходил из толчеи, удовлетворённый покупками, хотя иногда и раздражённый сорвавшейся сделкой. Как тот же мбунг, лишившийся всех пяти куленн – городской Совет как-то смог изыскать средства, перекрывшие его предложение. Он пытался выкупить хотя бы одну, по сильно завышенной цене, но тут, видно, сыграла роль должность его удачливого соперника. Судя по всему, торговец решил не переходить дорогу начальнику городской стражи: выгода выгодой, а беспрепятственно возвратиться сюда на следующий год представлялось для него важнее.

Мбунг был зол и оттого невнимателен, поэтому чуть не налетел на маленькую девочку, выбежавшую на дорогу за укатившимся старым тряпичным шариком. Он почти наступил на неё, но вовремя отдёргнул лапу, хотел помочь ей подняться, но, глянув на лицо цвета кофе, вспомнил главу стражи, чертыхнулся, сплюнул и пошёл дальше, ещё более недовольный случившимся.

Йюю не обратила на него внимания, таких тут и не счесть. Девочка сжала мячик, от возраста и пыли ставший уже неопределённого цвета, и вприпрыжку возвратилась назад к крыльцу, подле которого играла. Она бросила свою ношу к другим немногочисленным игрушкам, взбежала вверх, быстро преодолев все четыре ступеньки, и толкнула украшенную цветными стёклышками и битыми зеркальцами дверцу в лавку своей бабки. Переливчато зазвенели серебряные бубенчики, связкой свисавшие с притолоки. Дверь тихо закрылась за ней.

Домик тёмного дерева с изумрудной крышей будто спрятал под вывеской «Талисманы. Гадание» какую-то тайну.

Глава 10

Эрму

Оя проснулась поздно, когда день был уже в самом разгаре. Сон освежил её, смыв усталость от вчерашних событий. Вернее, не столько сон, сколько временное отключение от Поля душ, дававшее передышку разуму. Тело в отдыхе больше не нуждалось.

Её голову снова заполнило туманное марево объединённых сознаний моренантов. С некоторым удивлением Оя поняла, что может воспринимать всю эту невероятную общность как одновременно, так и выделяя в ней отдельные мысли, события, личностей. Их приветствия накрыли её теплой волной.

В дверь вошёл теперь ожидаемый Зугзу – один из членов жреческой герусии – поприветствовав её уже в своём физическом теле.

– Доброго дня, Высшая!

Оя, улыбнувшись, кивнула.

Жрец продолжил, сразу перейдя к основным делам:

– Подготовка к шествию начата. Никаких неожиданностей, думаю, не случится. Начало здесь через два дня на рассвете, потом Эль, Кэ, Эо и так далее. Всего мы запланировали по два главных острова в каждом из Девяти архипела-

гов плюс те, что ты захочешь посетить уже там, на месте. Последним – Эзо. И в завершение, конечно, Гора. Уложимся в шесть дней. Как и у Гриды, пойдёт только часть герусии. Тридцати, полагаю, хватит. Сопровождающих – пятьдесят моренантов. Конечно, это не слишком пышно, но в прошлый раз такое малочисленное шествие понравилось людям больше: по-моему, они чувствовали себя более... как бы это сказать, причастными, да, – он запнулся, увидев изумление и непонимание на лице Высшей. – О, если этого недостаточно, то можно и...

– Что ты! Я... мне кажется, и так невероятно много народу для свиты девчонки с рыбацкого острова.

– Её больше нет, ты – Высшая, по крайней мере, для большинства, кто не знал тебя раньше. Они ждут праздника. Простота их разочарует. Я всё же прошу подумать об их ожиданиях, даже если это тебе непривычно. Таковы обязанности жрицы и...

– Да нет же, я не против, просто... ты правильно заметил, Зугзу, мне непривычно всё это, – Оя обвела рукой богато украшенную комнату, – всё эти почести, шествие. Так странно... Да даже эта одежда, – она развела руки и оглядела себя; рукава накидки развернулись широкими клиньями. – Но я не против, нет. Вам виднее, как нужно сделать. Я доверяюсь вашему опыту.

Жрец коротко поклонился.

– Благодарю. Кстати, о твоём одеянии, раз уж зашла

речь. Всё готово, кроме мантии. Ты знаешь, она передаётся от Высшей к её последовательнице, но мы должны её нарастить и добавить новый символ – твой собственный.

– Символ... я и забыла.

– Да, обязательно. Что-то важное для тебя, любимое, может... Люди должны узнавать это после.

– Хм... – девушка задумалась, – это сложно, – промолвила она чуть погодя, – выбрать что-то одно и... Я же не должна повторяться, так?

– Да, не повторяться. Ты же помнишь все предыдущие?

– Помню, в этом и сложность.

– Тут никто кроме тебя не решит. Но, если позволишь, совет.

– О, с радостью.

– Не выбирай что-то слишком большое – его выложат на мантии, тебе её носить всё шествие, да и после иногда. А она и так тяжела, уж поверь, – жрец ухмыльнулся, – ещё пару-тройку Высших – и следующая в ней шагу не сможет ступить. Придётся, видимо, придумывать церемониальную тачку...

Оя расхохоталась.

– Тачку! Единая... О, это перебор, кажется.

– Тебе не грозит, но даже если бы... символ всё равно нужен, так повелось.

– Хорошо-хорошо, не торопи меня. Что бы это могло быть...

Жрица попробовала вспомнить прошлую жизнь – она открывалась ей далеко, будто в блёклой дымке. Но постепенно воспоминания кристаллизовались, мерцали ярче, пересыпаясь как стёклышки в калейдоскопе, и вдруг сложились в цельную картинку... Лицо Ои засветилось счастьем.

– Да... да. Я знаю.

– О, прекрасно. И что же это будет? – Зугзу ждал её слов с нескрываемым любопытством.

– Тебе покажется странным, но... летучая рыба. Да, летучая рыба. Именно так.

– Рыба?

– Летучая, не забудь.

– Я понял, да. Что ж. Интересно. У Кизо тоже была рыба. Обычная, желтопёр. Но почему нет?! Хорошо, так и сделаем. Можешь не беспокоиться, Высшая.

– А я и не собиралась. Грида уверила меня, что вы справитесь. У меня нет причин думать иначе. Мы закончили с этим?

– Да, благодарю за уделённое время, – он снова поклонился и собрался уходить.

– Постой, – спохватилась Оя, – ещё кое-что...

– Паланкин? Дары?

– Нет, я не о шествии. С ним закончили. Другое... По обсуждавшемуся делу, понимаешь?

– Ах да, конечно. Спрашивайте, я постараюсь ответить.

– Я так поняла, что на Каменное Сердце отправлен кто-

то из людей, не моренант?

– Так и есть, Высшая, не моренант, но мы все ему доверяем. Уверен, он не подведёт.

– Это хорошо, но есть ли какие-то сведения от него?

– Нет, пока нет. Мне понятно твоё беспокойство, но не стоит торопить события. Ситуация непростая. Там требуется осторожность и осмотрительность. И время... не желательно давать тангорлу лишний повод для подозрений, – жрец вздохнул, в сомнении покачал головой. – Было риском это всё начинать, может, и не стоило?

– Время, да... Хорошо, подождём, я согласна. Не нужно спешить. А вот насчёт рисков... Риски есть, несомненно. Но я всё больше склоняюсь к тому, что решение моих предшественниц оправданно. Видимо, никуда не деться, это давно назревало... Ладно, – Оя отмахнулась от собственных мыслей, – не станем углубляться, подождем известий от посланца. Иди...

Зугзу уже почти вышел за дверь, когда она добавила:

– Подождём, но недолго. Если он не выйдет на связь до конца шествия, нужно будет что-то предпринять, выяснить... Тогда решим.

Высшая жрица замолчала, развернулась к окну и замерла как драгоценная статуя. Только взгляд её скользил по еле различимой линии горизонта между морем и небом.

Несколько лет назад

Северный пляж Эзо сейчас, после полудня, был почти безлюден. Большинство лодок, стайей окружающих дальние причалы, ушли в море рано утром и пока не вернулись. Погода благоприятствовала рыбакам: несильный ветер, лишь слегка тревожащий бирюзовое зеркало океана да ясное небо с редкими мелкими облачками – что ещё надо?!

Из редкого светлого леса, спускающегося узкой полосой со склона холма, выбежала темноволосая девочка. Тонконогая и нескладная, она только-только вступала в сложный период между детством и юностью. В её пока ещё слегка пухлом личике, в жестах, голосе уже начинали угадываться черты будущей прекрасной девушки. И всё же она ещё оставалась ребенком: её выдавала беззаботность и лёгкая неуклюжесть движений. Девочка заливисто смеялась на бегу, лишь иногда переводя дыхание и оглядываясь через плечо.

Через минуту из-за деревьев показалась светлая голова. Смуглый, как и все островитяне, мальчишка осмотрелся, заметил девочку и с победным воплем кинулся за ней. Он был не старше её, хотя казался взрослее – частые выходы в море с отцом давали свои плоды. Бежал мальчик быстро и уверенно, напрямик, не выбирая тропку поровнее. Он почти схватил беглянку, когда вдруг свалился с криком на песок, бешено трясая в воздухе левой ногой. С мизинца, раскрыв клешню, свалился большой жёлто-оранжевый краб и сра-

зу же бочком забрался под ближайший камень. Девочка подошла к разъярённому другу, спросила, сдерживая смех:

– Ты как, Аройо?

Мальчик что-то раздражённо буркнул ей в ответ, не поднимая головы. Он уже перестал растирать раненый палец и сидел, уставившись в песок.

– Да ладно тебе, Аройо, ну... всего-то маленький крабик, не в первый раз...

– Я бы поймал тебя, если бы не эта дрянь, – парнишка обиженно сопел. – И вовсе он не маленький, вон глянь, клешня какая здоровенная торчит.

Оя посмотрела, куда он указывал: из-под плоского, обточенного песком и ветром камня действительно выглядывал яркий кончик клешни. Справедливости ради, это был и правда взрослый краб, хоть и не самый большой из тех, что она находила.

– О, ну... да... но не как та рыбина, что ты поймал на прошлой неделе. Помнишь?

Аройо сразу забыл о крабе и довольно ухмыльнулся.

– Ага, точно, отличный был синеглаз, да?! Вон как цапнул, ещё не зажило, – мальчик развернулся к ней правым плечом: на тёмной голой коже выделялся округлый красно-розовый шрам.

– Ну. Я же и говорю, – кивнула девочка, – а тут и синяка не будет, да-да.

– Ладно, забыли, – Аройо вскочил на ноги, – пойдём,

что ли, к морю.

И они пошли к кромке прибоя, уже не торопясь, загребая ступнями тёплый песок, светлый, как их одежды. На обоих были широкие штаны из тонкой, но прочной ткани – её делали их матери и другие женщины острова из пальмовых волокон и слизи шёлкового моллюска. Голубая, яркая на фоне некрашеного полотна повязка полосой охватывала только начинающую намечаться грудь Ои. Ветерок развеивал завязки за спиной у девочки. Вместе с голубыми лентами танцевали змейками и пряди гладких волос, и украшающие их длинные подвески из ракушек, жемчужинок и мелких мутноватых кристалликов.

Солнечные лучи окружали голову Аройо светлым ореолом, создавая ослепительный контраст с его кожей и шедшей рядом подружкой. Из его левого уха белой каплей свисал почти до самого плеча длинный гладкий зуб кудда – недавний подарок отца. Несколько недель назад мужчины принесли с этих самых дальних причалов в деревню огромную змееподобную тушу – редкая добыча, немногие старожилы помнили о таком – зубов с длиннющей челюсти хватило на ожерелья всем ловцам. И ему, вот, отец выделил один – было чем похвастаться перед товарищами. Толстую серую шкуру, поговаривают, после выделки купит сам тангорл. Зато мясо всё досталось им. М-м... вкуснятина...

В животе у Аройо предательски заурчало. Он огляделся. Дети уже добрались до низкого деревянного настила на са-

мом берегу, протянувшегося справа от крайнего пирса. Пару лодок ещё болтались на волнах, не пытаясь сорваться с привязи. Но выходить в море не хотелось, не говоря уж о возвращении. Мальчишка задумался. Почти сразу лицо его озарилось улыбкой, он кивнул сам себе, приняв решение.

– Оя, слушай, есть хочешь?

– Хм, ну, можно. Только что? – она повернулась назад, к лесу, недовольно вздохнула. – Опять туда идти... да на опушке все плоды подъели.

– Нет, не то.

– За рыбой? Я обещала маме сегодня не уплывать.

– Да я сам не хочу. Есть идея получше. Смотри, – он махнул рукой в сторону чуть выступающей над водой скалы у края дальнего пирса.

– О, ракушки, – Оя захлопала в ладоши, – люблю ракушки, зелёные особенно, – на её лицо набежала тень сомнения. – А разве тебе разрешают нырять без взрослых?

– Ну... – замялся Аройо, – не то что бы... я же уже много раз это делал, – перевёл он тему, – ничего сложного, да и надо нам немного, я быстро...

– Не знаю... – протянула девочка, – может, не стоит? Посидим чуть-чуть и домой?

– Да ну! Столько шли. Да и есть я хочу сейчас, а не потом. Не бойся, ерунда. Идём, – он потянул её за руку.

Оя пошла нехотя, но не особо сопротивляясь. Они быстро преодолели расстояние до крайнего слева причала – он

протянулся в море сотни на полторы футов – и побежали по скрипучим просоленным доскам к его концу. Там Аройо усадил девочку на брошенные грудой мотки верёвок и сетей. Покопался, вытянул шнур потоньше, но достаточно прочный и длинный, привязал один конец к швартовочной петле, другим обвязался сам. Ещё выбрал небольшую сетку-садок, прицепил к поясу.

Обросший водорослями каменный утёс не казался слишком уж опасным, даже вблизи. Волны мягко и почти бесшумно лизали его бока.

Мальчик обернулся к подруге:

– Не переживай. Мы знакомы с этим старичком. Он поделится...

Девочка кивнула, махнула рукой.

Аройо, оттолкнувшись от кромки пирса, играючи прыгнул в воду почти без всплеска. Через пару минут голова его показалась у края скалы, он ещё раз глубоко вдохнул и снова погрузился вниз. Ещё несколько минут спустя парень вынырнул и поплыл к причалу, как рыба, разрезая волны, быстро вскарабкался по опорному столбу, выпрямился и с гордостью продемонстрировал обрадованной Ое полную сетку разноцветных раковин. С него ручьями текла вода, мокрые волосы липли к лицу, но он был совершенно счастлив.

– Старикан не поспешил, я же говорил, а?

– Да, здорово, отлично... О, я тоже что-то сильно захотела есть, – она положила руку себе на живот и спросила с любо-

пытством. — Что мы с ними сделаем?

— Поджарим, наверное. Твои зелёные-то по-другому и не раскроешь, жаль, ножа у меня сегодня нет. Солнце ещё высоко и... да, ты поделишься этим? — Аройо указал на кристалл в её волосах.

— О... да, конечно, — Оя осторожно отцепила одну блестящую нить, — вот здесь покрупнее и почище.

Некоторое время спустя, чуть в стороне от причалов, в золе прогоравшего костра из пла́вника шкворчали, раскрываясь, белые, розовые и зелёные ракушки; острый аромат заставлял сглатывать слюну. Потом, обжигаясь, дуя на пальцы, дети ели, вынимая плотные округлые тела моллюсков из двустворчатых раковин или аккуратно высасывая вкусное содержимое из витых спиралевидных домиков. Оя сняла с пояса небольшую флягу — там была всего лишь простая вода, но она прекрасно завершила их пиршество.

Они сидели рядышком на песке, перед угасающим костром и смотрели вдаль, на океан. Солнце уже начало понемногу клониться к горизонту. Скоро пора было возвращаться.

Вдруг вдалеке Оя увидела нечто странное: гигантская бабочка с длинным серебристым телом и розоватыми полупрозрачными крыльями взвилась из воды, пролетела, переливаясь под тёплыми лучами, несколько футов и снова нырнула в волны. А за ней ещё и ещё — пару десятков таких же бабо-

чек пронзили воздух.

Девочка вскочила.

– Что это? Аройо, гляди. Гляди, как красиво! Я раньше таких бабочек не видела. Нет, ты смотри... – Ою переполнял восторг.

– Глупышка, – улыбнулся сытый Аройо, чуть приподнявшись на локтях и взглянув туда, куда она указывала, – это совсем не бабочки.

– Но... кто же тогда? Посмотри, крылья...

– Это летучие рыбы.

– Рыбы? Летучие? Ты же шутишь, да? – девочка нахмурилась, не веря другу и уже готовясь обидеться.

– Вовсе нет. Ты что, правда о них не слышала?

– Нет, – Оя покачала головой, – но как это может быть?

– Да ничего особенного. Далеко в море они, кстати, часто встречаются. Поймать только непросто. Да и костлявые очень, толку мало, отец мне говорил.

– Как же они летают?

– Ну, они и не летают на самом-то деле. Понимаешь, зубы у них не очень, сила тоже – ни напасть, ни защититься, короче. Только убегать и остается, если кто пытается сожрать. Но в воде их догоняют. Вот они и прыгают... сбивают с толку... Плавники отрастили. Смешные, – он хмыкнул.

– И вовсе не смешные! – возмутилась Оя. – Красивые! И смелые!

– Смелые? Ты что, не слышала? Они же сбегают от врагов.

В чем тут смелость-то?

– А вот... вот, подумай. Они живут в воде. Это их дом и мир, но, чтобы спастись, они уходят в другой мир – в воздух – незнакомый, неродной. Как мы с земли в воду.

– Вода мне родная, – возразил мальчик.

– Да, сейчас. Но надо привыкнуть. Не сразу же тебе там стало удобно?! И всё равно – живёшь-то ты на земле, просто и воды теперь не боишься. Вот и они так же... Надо быть смелым: уйти, чтобы спастись.

Аройо ещё раз взглянул на мелькающие вдали тельца. Они на самом деле напоминали бабочек. Красивые, да. Но смелые?! Он пожал плечами. Смелые дерутся, а не убегают. Но он не стал расстраивать Ою и промолчал.

Они ещё немного посмотрели на рыб, но те довольно быстро уплыли. Когда же солнечный диск коснулся краем горизонта, вдалеке показались паруса возвращавшихся с лова лодок. Аройо повернулся к Ое:

– Тебе, наверное, пора. Дойдешь сама?

– Конечно, что сложного?!

– А я, пожалуй, останусь, – он указал на приближающихся рыбаков, – помогу тут, если разрешат.

– Разрешат, что им... Ладно, пока.

Девочка улыбнулась ему напоследок, повернулась и без усилий побежала к дороге в деревню, вверх по холму и вскоре скрылась за деревьями. Он проводил её взглядом, а потом

неспеша направился на пирс, готовясь встретить соплеменников, как он надеялся, с неплохим уловом.

На фоне заходящего золотого шара опять взвилась стайка летучих рыб и пропала вдали.

Каменное Сердце, настоящее время

Тангорлу не спалось. Снова.

Он измял всё покрывало, сбив его в мерцающий золотыми нитями клубок, повернулся на один бок, потом на другой, отшвырнул в сторону несколько подушек, оставив лишь одну, и, в конце концов, замер, лёжа на спине и уставившись широко открытыми глазами в потолок. В завитках расписного свода его измученному мозгу грезились, сливаясь и перетекая друг в друга, то очертания молочно-белого космолёта, то холодные голубые горы, то пушистые мордочки в джунглях, то непонятные многоцветные облака. Их хоровод, медленно кружась, затягивал его куда-то вглубь, в тихую тьму. Но вдруг расплывчатые картины сорвались с места, будто подгоняемые неведомой силой, стягиваясь всё ближе. И космолёт стал острым мечом, горящим светом луны; горы покрылись змеящимися трещинами и лопнули, разбросав тысячи льдистых кристаллов; мордочки ощерились многозубыми пастьми; а облака дрогнули, слились воедино в вихре цвета – и на тангорла сверху взглянула Бездна.

Почти расслабившийся в объятьях наконец приближающегося сна, он резко сел на постели. Бисеринки пота собирались в дорожки на лысом черепе и капали на синие простыни, оставляя на них тёмные пятна. Сердце, казалось, билось прямо в мозгу, распугивая мысли бешеным стуком. Воспалённые глаза никак не хотели закрываться.

Грейл всё же нашёл в себе силы ещё раз глянуть на потолок: конечно, ничего... всегдашний сад с беседками да цветами. Ничего...

Он, морщась, обхватил болезненную голову ладонями, сжал пальцы. Потом вскочил с кровати, обошел её, потянулся к звонку, думая позвать кого-нибудь из прислуги, передумал, вернулся, подошёл к окну и снова обратно. Его бессонница длилась уже пятый день, но до такого ещё не доходило. Что за чушь ему привиделась?! За что всё это ему? И как же дико болит голова...

Но он знал, почему. Знал, что никакая это не чушь.

Великий тангорл терял контроль над врученными ему мирами. Исподволь, незаметно и пока совсем незначительно, но его власть утрачивала свою прежнюю силу.

Мятежники, так и не обнаруженные, копили где-то силы, лишь изредка вмешиваясь в дела Совета и нарушая его, тангорла, планы. И ведь это он когда-то лично взрастил... Грейл скрипнул зубами. Боль шилом пронзила мозг. Да, Совет оказался глуп и недалёковиден, позволил повстанцам обрести мощь, о которой кучка дикарей, какими они были, не могла

и мечтать.

И Эрму... Как же ему надоело довольствоваться их подачками! Договор, ха! Древнее и давно изжившее себя соглашение. Глупо вообще было принимать эти условия. Не Объединённые миры, а собачка на привязи... Зависеть от этих мёртвых статуй, от этих ходячих трупов... Тьфу!

В тангорле неудержимо закипала злость, вытесняя даже боль и усталость.

Ну, ничего, кое-что у Совета в запасе имеется. Грейл вспомнил о пленнике. Упрямый, тварь. Даже ниузы за такой срок толком ничего не добились. А уж Акелод в этот раз чуть ли не превзошёл себя. Тангорл удовлетворённо усмехнулся – последние иллюзии Ментальной комнаты доставили ему удовольствие. И всё же мятежник молчал. Нет, он кричал, конечно, вопил даже, рыдал, но не отступал от своего. Торговец, как же! Зерно, скажите, пожалуйста! Всё ложь!

Грейл задел столик, незамеченный им в метаниях по комнате, и яростно пнул его ногой, сломав одну из трёх витых ножек. Столик отлетел в угол, ударившись о большую вазу и отколов ей ручку.

Хватит миндальничать! Пора брать всё в свои руки! И прямо сейчас.

Он облачился в накидку, обулся и быстрым шагом направился к дверям. Внезапно их изукрашенную камнями поверхность озарил бледный луч очередной из трёх лун, проплывавших за окном. Радужный свет, преломленный на ты-

сячах граней, сооткался в смутный силуэт с разведёнными руками, словно готовыми удержать мир на ладонях, и... исчез, так же быстро, как появился. Боль молотом ударила главу Совета. Во рту пересохло. Мысли разбежались как мыши от чотты.

Огромным усилием воли он стряхнул с себя наваждение. Комната была пуста. Лишь тишина, если не считать привычного гула Великих Каскадов, наполняла её. Тангорл потёр виски, собирая сознание как стаю напуганных птиц. А он был напуган, да, определённо...

Кое-что ему не по силам. «Ну, почему сейчас?!» – в очередной раз подумал он, – «Почему вообще?»

Всё из-за неё, точно. И потерянный сон, и видения... Когда вчера Коспарх вернулся с Земли, Грейл сразу понял, что что-то неладно. Старый гном пришёл один, и уже это было плохо. Не говоря о том, что за эти два дня он похудел на добрый десяток фунтов, постоянно вздрагивал, да и слов из него было не вытянуть. С горем пополам Коспарх всё-таки доложил о произошедшем, почти не паникуя, но в глазах его плескались страх и беспомощность, непонимание человека, заблудившегося в лесу и уже даже не пытающегося отыскать дорогу.

Тангорл поёжился, припоминая, как встретил гнома после путешествия: слабого и абсолютно потерянного, в ужасе и смирении перед судьбой.

Она отказалась прийти. Вернее, не прийти, а следовать их

планам.

Явится сама. Если надумает. Жди теперь и гадай, как и когда – завтра или через сотню лет. Где появится? Что сотворит? Только Единая ведаёт...

О, Тень её забери! Страх и ярость взметнулись в тангорле удушливой волной. И бессилие... И от этого было ещё страшнее. Беспокойство, неизвестность, невозможность ничего предпринять выматывали его день за днём. Нет! Нельзя позволить этому продолжаться.

Грейл с трудом отбросил мысли об эризингии. Начнём с малого, сосредоточимся на том, что есть.

Он стиснул зубы, кивнул сам себе, поплотнее закутался в накидку, распахнул одну из створок высокой двери и спешно двинулся направо по погружённому в полумрак широкому коридору. Глаза его горели синим хищным огнём.

Крохотную комнатку заполняла тьма: ночью свет лун почти не заглядывал в длинное и узкое, как зрачок чотты, окно высоко на стене. Да и день не многое менял – шершавые чернильно-синие стены сливались с тенями, прятавшимися в углах, а высокий потолок словно уплывал куда-то в душном мареве.

Мебели здесь было немного, но, как ни странно, довольно добротной: широкая и крепкая кровать, застеленная грубым, но не изношенным бельём, круглый высокий столик

под окном с парой не слишком чистых металлических мисок, два прочных деревянных табурета, небольшой стеллаж с брошенной на одной из полок раскрытой книгой. На полу под ним лежала кучка терракотовых черепков, горсть почти высохшей земли да какой-то увядший изломанный кустик.

С кровати раздался глухой стон.

Человек лежал, уткнувшись лицом в подушку, грязные русые волосы рассыпались по светлой ткани, выбившись из узла на макушке. Периодически тело в зеленовато-бурой рубаше пронзала судорога. Слышался стон, и мужчина снова затихал, стискивая руками простыни. На правой кисти недоставало двух пальцев – вместо них была толстая корка запёкшейся крови и гноя. От человека несло потом и рвотой, запах смешивался с вонью от отхожего места в углу комнаты.

Он находился здесь несколько дней и хотел бы забыть их все, но был не в силах этого сделать. А ведь когда-то он считал рассказы о пытках Совета ерундой: право же, разве могли кого-то запугать эти разряженные любители комфорта, эти изнеженные властители?! Как все ошибались!

Его детство было нелёгким, а юность настоящим кошмаром, лишь присоединившись к Содружеству он обрел некое подобие благополучия. А теперь его ввергли в ужас, которому, казалось, нет конца. Они мучили его тело, да, и боль была всепоглощающей, но после они же и лечили – и раны затягивались, почти все, плоть заживала быстро, чтобы те могли начать всё заново. Но это мелочь по сравнению с тем, что они

творили с его разумом. В последний раз, перед тем как погрузиться в беспамятство после очередных измывательств, у него промелькнула мысль, что он не хочет, чтобы сознание возвращалось в тело. Он захотел умереть, о да. Но они не дали ему – им нужна информация, и они будут продолжать, пока не добьются своего.

Спину снова скрючила дрожь. Человек закашлялся.

За дверью, где-то в глубине коридора, слышались шаги. Через пару секунд тяжёлая створка задрожала и распахнулась, коротко скрипнув. Шаги приблизились.

Он не в силах был оторвать голову от подушки и посмотреть на визитёра, да и не хотел – плевать на них. Сильная рука вцепилась ему в волосы и вздёнула вверх с постели. Череп пронзила боль, перед глазами всё плыло.

Пришедший оттолкнул его, он неловко упал на кровать, замерев в полусидячем положении, опёршись спиной на стену. Голова свесилась вниз – подбородок почти касался груди, веки не открывались. Он даже не почувствовал пощёчины, хотя резкий звук эхом отразился от потолка. Рука снова схватила его за чёлку, потянула, поворачивая лицом к падающему из окна тонкому бледному лучу. Человек с трудом разлепил глаза и вздрогнул – перед ним светились только два ярко-синих глаза в коричневых кругах... и чернота ночи во круг. Он тряхнул головой, хотя рука не отпускала, постарался сфокусироваться и понял, кто перед ним.

– Ба, неужто сам пресветлый тангорл пожаловал попри-

ветствовать гостя?! – еле-еле выговорил он пересохшими потрескавшимися губами. – Не стоило, мне не по чину...

Тангорл резко отпустил его, пленник стукнулся затылком о камень стены и лишь огромным усилием сдержал вскрик. Потом поднял на визитёра слезящиеся глаза.

Да, перед ним, несомненно, стоял сам глава Совета Семи, владыка Объединённых миров: этот гладкий череп, почти полностью покрытый чёрной татуировкой с убегающим на грудь остриём, сворачивающимся в спираль над сердцем – сейчас она была смутно видна в распахнутом вороте искрящейся накидки, этот взгляд, прожигающий и замораживающий одновременно, ладони цвета кофе и высокий рост – тут не ошибёшься.

Грейл брезгливо поморщился, отёр ладонь о платье.

– Я не позволял тебе говорить со мною. Помолчи же и послушай, послушай внимательно, раз даже последние дни не научили тебя смирению. А то мы повторим урок, ясно? Тебе ясно?!

Человек пожал плечами, но промолчал.

– Будем считать, ты понял. Думаю, ты знаешь, кто я и зачем я пришёл. Так давай не будем тянуть, каждый получит своё: я – сведения, ты – свободу. Кто ты такой?

Пленник смотрел прямо на тангорла, но по-прежнему молчал.

– Кто ты такой? Отвечай! Отвечай главе Совета как гражданин Объединённых миров, слышишь?!

– Да, – хрипло произнёс мужчина, – воды... не могу... горло...

Он снова закашлялся.

Тангорл в досаде закатил глаза. Потом щёлкнул пальцами: стакан на столике до краёв наполнился водой, поднялся в воздух и перелетел к пленнику, забрызгав пол и кровать.

– Пей. И побыстрее...

Трясущиеся руки схватили бокал, мужчина опустошил его в два глотка. Стакан тут же вырвался из его ладоней и унёсся обратно.

– Достаточно. Отвечай же! Кто ты?

– Я... я уже говорил... много раз. Я Ули Пимо. Торгую зерном да овощами.

– Между планетами?

– Да... да. Все хотят есть. Зерно продаётся везде. Вы же знаете? На космолёте... да. Это разрешено.

– Что за корабль? Где взял преобразователь?

– Корабль... э... «Бир». Я купил его... старый. Уже с кристаллом, как иначе-то?

– Где деньги взял? Немало, поди? – Грейл был недоволен.

– Так это... ферму отцовскую продал. Не могу я на земле-то, не растёт ничего толком. Ну так вот... А технику люблю. С детства, это да... – он посмотрел прямо в синие глаза, демонстрируя честность, но едва сдерживая дрожь, стараясь не дать вырваться наружу сжиравшей его ненависти.

Но тангорл не верил. Не верил сейчас, как не верил рань-

ше всем донесениям тех, кто до него вёл допросы.

– Чушь собачья. Ты врёшь, врёшь мне в лицо, ублюдок Тени, – он сжал кулаки и стакан на столе рассыпался мелкими осколками. – Ну, ничего... ничего... я давал тебе шанс. Но теперь я возьму всё сам, ты мне не помешаешь.

Внезапно он кинулся к пленнику и обхватил горячими ладонями его голову – так сильно, что, казалось, ещё немного и кончики его пальцев просто вдавятся внутрь как в масло. Тот дёрнулся, но вдруг осознал, что не может сопротивляться, тело его стало безвольным и обмякло. Тангорл ворвался в его разум резко, он был слишком обозлён, чтобы делать это как обычно – неспешно, растягивая удовольствие, медленно распутывая клубки мыслей. Нет, сейчас он рвал их, стремясь скорее добраться до скрытых глубин, отнять хранимую пленником информацию. Чужие воспоминания вливались в него многочисленными потоками, чужое сознание кричало, разрываясь от натиска его ийкэ, выплёскивая самые разные картины: пинки старого вонючего мужика, солнце над начинающими зеленеть полями, изжаривающее спину, речка, дарящая прохладу, восторг от впервые увиденного крохотного экранолета, старую техническую свалку, сыпучие груды зерна, несколько людей – неясные образы в тёмной комнате, старенький межпланетный корабль и его потирающего руки жирного хозяина, звёзды в черноте, белые ангары Каритоса – всё вертелось и смешивалось, бежало друг за другом.

Но этого было мало... Мало! Он знал больше. Знал. Однако тангорл никак не мог пробиться через все барьеры. Пронзённый разум сопротивлялся изо всех сил.

Глава Совета злобно и раздражённо зарычал и швырнул пленника через всю комнату. Тот ударился о дальнюю стену и свалился мешком на пол, зацепив и опрокинув стеллаж, едва не задевший тангорла. Книга отлетела ему под ноги. «Сказания о Тени». Название почему-то взбесило Грейла окончательно. Он наступил на неё, сминая страницы и корёжа обложку. Потом взглянул на мужчину.

– Не даёшься?! Так ты пожалеешь. Я всё равно получу, что мне нужно, – он схватил его за ворот, тонкие синие ниточки ийкэ поползли вокруг бесчувственного тела, обвинили его, и тело приподнялось и повисло в воздухе. Тангорл легко потянул этот кокон за собой прочь из темницы, по одному коридору, другому и дальше, в самое дальнее крыло дворца. Человек плыл за ним как воздушный шар, иногда цепляя углы и колонны. Сознание так и не возвратилось к нему.

Грейл остановился перед богато украшенной стеной. Едва заметное движение рукой – и преграда будто растворилась, открыв проход в глубокую темноту. Глава Совета вошёл внутрь, не выпуская пленника. Стена бесшумно закрылась за ними. Мягкий свет откуда-то сверху озарил небольшой квадратный холл, переходящий в полукруглый коридор, увешанный экранами. В его правом углу была покрытая датчиками, кнопками и рычагами матовая металлическая па-

нель, несколько ламп горели, перемигиваясь.

Нити ийкэ вспыхнули ярче, послышался сиплый стон, пленник пришёл в себя. Тангорл разжал пальцы и небрежным их движением подвесил человека вертикально напротив себя. Тот открыл мутные глаза.

– Что ж. Вот мы и пришли. Ты знаешь, куда, не так ли? – усмехнулся Грейл.

Пленник сильно вздрогнул.

– Итак, Ули Пимо, даю тебе ещё один шанс, на этот раз последний, расскажи мне всё, что знаешь.

Ули открыл рот, но не звука не сорвалось с его губ.

– Не можешь говорить? Тогда просто не сопротивляйся мне, я сам всё увижу, – тангорл потянулся ладонями к его голове.

Обездвиженный пленник дёрнулся, захрипел, но кое-как смог произнести:

– Тень тебя заберёт... заберёт... обязательно. Луна взойдёт... – и с усилием плюнул в приближающееся чёрное лицо.

Плевков не достиг цели. Грейл медленно опустил руки, ярость кривила его черты.

– Значит так. Ладно, – он повернулся к панели, нажал несколько кнопок – между экранами открылась небольшая дверца, а сами экраны засветились, показывая комнату, сплошь покрытую розами. Неодолимая сила повлекла узника внутрь, дверь захлопнулась за ним. На мониторах тангорл наблюдал, как тот, подвешенный в сети ийкэ в центре ком-

наты, бьётся в конвульсиях, выпучив глаза и силясь вырваться. Он в ужасе кричал, но в коридоре с экранами стояла абсолютная тишина – мучитель не включил трансляцию звука наружу.

– Ты знаешь, кто это, правда, Ули?

Пленник забился сильнее, услышав голос извне.

– А раз знаешь, то иллюзии нам уже ни к чему. Всё равно уважаемому Акелоду не удалось добиться от тебя правды. Может, он был слишком мягок, как думаешь? Не знаю... Впрочем, неважно. Я – не Акелод, миражи не по моей части, реальность порой куда эффективнее, – он нажал ещё пару кнопок.

Стены внутри камеры изменились в считанные секунды: не стало цветов, ни единого бутона, вместо них обозначилась поблёскивающая сетка. Из каждой закрытой ею ячейки выглядывала маленькая любопытная серая мордочка. Белые мохнатые усики топорщились вокруг чёрных носов кнопочкой, по две крохотные лапки с тонкими, как иглы, коготками будто мяти воздух. Тела скрывались где-то внутри. Со всех сторон до пленника доносилось тихое урчание. Его глаза расширились в узнавании. Ниузы... Одни из самых жутких тварей, что видел свет. И так много. Но как... как они добиваются от них такой слаженной трансформации?!

Его мысли перебил тангорл:

– Я не собираюсь больше просить тебя. Шансов было слишком много. Хватит. Пришло время попрощаться...

с жизнью. Ты будешь умирать медленно, я всё успею взять, ты не хотел никого предавать, но предашь против воли, никуда не денешься, — он захохотал, — да, молить бессмысленно... И... хватит разговоров, начнём.

Он дёрнул рычаг, и ниузы посыпались из своих ячеек как горох из стручка. Их милые мордочки перекосило, развернуло и раскрыло кроваво-красными пастями с сотней зубов в каждой, игольчатые когти заблестели металлом. А потом они накинулись на узника...

Ули так и висел в коконе ийкэ посреди комнаты, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой.

Они напрыгивали на него со всех сторон и тут же вцеплялись зубами в плоть, вырывая куски, протыкая его когтями. Через несколько секунд экраны показывали огромный меховой шар, плавающий в воздухе. На серый пол из нутра шара ручьями лилась кровь.

Тангорл вонзился в его разум в тот же момент, как ниузы вонзили клыки в тело. Пленник бился в ужасающей агонии, захлебываясь криком. Но даже сейчас часть его воспоминаний была словно за стеной. Грейл крушил её яростно, в такт с визгом обжирających ниузов, и всё же не успел. Почти не успел. Сознание пленника разорвалось от непереносимой боли, освободив душу. Бесполезное тело упало на пол; ниузы, шумно толкаясь и огрызаясь друг на друга, принялись обгладывать то, что от него осталось. Лишь в самый последний момент тангорлу удалось ухватить связный кусочек, и разум

Ули перестал существовать.

Но даже этого хватило с лихвой.

«Эрму... Старая жрица... Повстанцы... Передать кристаллы...» – вот и всё, что он смог разглядеть.

«Измена! Измена! Измена!» – билось теперь у него внутри. Эрму? Восстание? Зачем? Надо успокоиться, успокоиться и подумать. И тогда...

Он не успел подумать, что тогда – на его руке засветился преобразователь связи. Грейл неохотно снял его, покрутил в ладонях... Остановив мысли, он включил связь и ответил как можно спокойнее:

– Да. Кто беспокоит меня в такой час?

Раздался голос Мирриэнаэла:

– Прости, пресветлый, что нарушаю твой сон, но это не терпит отлагательств, – его волнение слышалось вполне отчётливо.

– Что опять стряслось?

– О, дело в том, что... хм... она... Она здесь...

Преобразователь выпал из рук тангорла и со звоном покатился по гладким плитам пола. Глава Совета, дрожа, взглянул на экран, где округлившиеся ниузы забирались в свои ячейки. На сером камне белели переломанные кости. Грейл опустил рубильник. Ладони его были мокры от пота.

«Здесь... Здесь...» – набатом звучало в мозгу...

Земля, несколько часов назад

Она неспешно летела сквозь облака. Мелкие капельки оседали на теле, превращаясь в ледяную пудру, и тут же осыпались от движения воздуха вокруг. Здесь было уже по-настоящему холодно, гораздо холоднее, чем в океане, и всё же теплее привычного ей. Она любила холод, в конце концов, именно в нём она родилась, и он помогал ей видеть лучше, чувствовать больше, острее ощущать нити Бездны.

Потому осмотреть планету Аррилия решила отсюда, с высоты, чтобы охватить взором всё до края. И ей нужно было подумать, а где, как ни здесь? Кокон ийкэ прятал её от случайных взглядов, но сама она видела каждую травинку на лугах, каждую мышку в поле, людей, зверей, птиц. Энергия укутывала Землю, превращая её для глаз эризингии в клубок сверкающих нитей. Здесь было всё... и ничего...

Ничего не держало её на этом маленьком зелёном шаре. Пора уходить, возвращаться в родные ей миры... да, пора. Но куда? Куда именно? Выбор огромен, однако она уже видела тысячи планет, и ни одна из них не казалась сейчас эризингии сколько-нибудь интересной, разве что та... Нет... Аррилия отмахнулась от вспыхнувшего искоркой воспоминания. Это случилось не так уж давно, но почему-то казалось, что не происходило вовсе. Она не была тогда собой, но только не для него... нет... не стоит... не сейчас...

Далеко внизу медленно проплывал океан, позади оста-

лись открытые равнины, густые леса, касающиеся неба горы. Солнце ярким янтарным глазом смотрело на неё с высоты.

Она могла пойти к нему... найти его... она бы смогла, но разве это путь для эризингии?

Её триада – вот что затмевало всё остальное. Почувствовать их, увидеть вновь, стать, наконец, целой. Где же вы, где, братья мои? Бездна молчит. Вас будто нет. Но я знаю... знаю... вы где-то спрятаны, сокрыты, заперты. Ждите, ждите... теперь я знаю выход. Я найду вас, отыщу. Пусть это займет века... отыщу. И когда мы будем вместе, мы всё изменим. Всё!

А начну оттуда, где когда-то всё прервалось.

Перед внутренним взором встала картина: голубой пламенеющий Иррилл, восемь триад и Совет Семи, две далёкие звезды, до которых оставался лишь шаг – Равновесие... Вспышка! Пустота! Разрыв и нескончаемая тоска...

Равновесие, да. В этот раз она до него доберётся.

Кажется, пришло время принять приглашение...

Глава 11

Каменное Сердце

Грейл практически бежал по коридору, торопясь как можно скорее попасть в Малый зал Совета. Из комнат, углов и закутков появлялись сонные, не ко времени разбуженные слуги, спеша сегодня начать дела раньше обычного. Тангорл, не видя никого вокруг, столкнулся с кем-то из них, отшвырнул его в сторону, не останавливая шага. Раздался звон разбитого стекла и вскрик, но он даже не оглянулся. Пухленькая женщина тяжело сползла по стене на пол, прямо на россыпь осколков бывшего арочного зеркала: правая рука её свисала плетью, из порезов на лице сочилась кровь, пачкая белый воротничок платья. Она застонала. Несколько человек бросились к ней и быстро увели из коридора. Битое стекло тут же убрали вместе с остатками зеркала со стены – за новым уже послали в Хранилища. Несколько минут – и ничего более не напомнит о маленьком ночном происшествии.

Тангорл немного замешкался перед ступенями к Малому залу, оправил сбившуюся накидку, покрутил перстни, сосредоточился и уже спокойно подошёл к высоким узким дверям. Гвардейцы распахнули лёгкие резные створки, открывая ярко расписанное помещение, напоминающее круглую музыкальную шкатулочку. Комната была заставлена разно-

мастными стульями и столиками, украшена многочисленными картинами, рядами заполнявшими стены. Единственное окно скрывали тяжёлые бархатные синие драпировки. В большом камине, странно несоразмерном самому залу, пылал огонь, освещая лица собравшихся и одновременно вызывая к жизни десятки теней.

Собрались почти все. Заспанные и несколько растрёпанные, за исключением вечно собранной и прямой, как железный прут, Гилии, они вопрошающе смотрели на вошедшего главу Совета. Он поприветствовал их отрывистым кивком и подошёл к пламени, покрутил пальцами, сжимая ладони и глядя на рыжие сполохи, и уселся на высокое жёсткое кресло у каминного зева. Снова открылась дверь, обратив на себя взоры собравшихся, впуская Мирриэнаэла и Коспарха. Тангорл сжал подлокотники.

Советник по ийкэ приблизился. Длинные пепельные волосы при этом словно вобрали в себя цвета огня, но почему-то, как, впрочем, почти всегда, напомнили Грейлу о смерти. Странно, но это спокойное, испещрённое морщинами лицо пугало многих. Возможно, виной тому были тёмные провалы глаз – абсолютная чернота без границ радужки или зрачка – плата за знания.

Мирриэнаэл сел напротив. Его невысокая, но крепкая фигура в привычном чёрно-синем одеянии четко очерчивалась даже здесь, в неясной игре света и тени. Когда он заговорил, голос его прозвучал спокойно... для постороннего, но при-

сутствовавшие таковыми не были. Он знали друг друга много лет и за внешней плавностью слов слышали отзвуки тщательно скрываемого беспокойства, даже страха.

– Не будем тянуть. Все уже в курсе причины нашего спешного собрания. Она здесь, – он обвёл окружающих вопрошающим взглядом.

Все согласно кивнули.

– Мы так решили, и вот, приглашение принято...

– Здесь – это где? – перебил его тангорл. – Я не чувствую посторонних во дворце.

– В Оке. Пока в Оке. Не знаю, почему там. Может... может поле её не пустило? – в вопросе сквозила надежда.

– Эризингиям плевать на поле! – Грейл повысил голос, но лицо его при этом даже не дрогнуло. – Ты уверен, что это она? Как ты вообще определил это? Что она сделала?

– Ничего, насколько мне известно. Вообще ничего. И это не я определил, он, – советник махнул рукой в сторону скрывшегося в темноте дальнего угла гнома. – Прямо уже какая-то связь вырисовывается, а, Коспарх? – он хохотнул.

Помощник главы Совета ощутимо вздрогнул.

– Что ж, Коспарх, давай, поведай нам очередные вести. В последнее время они от тебя всё хуже.

– Пресветлый, я не специально, так выходит, я... – гном растерянно переводил взгляд с одного советника на другого.

– Ладно, мы понимаем, прекрати трястись, – тангорл поманил его к себе, – иди уже поближе и расскажи толком.

Коспарх шагнул в пятно света.

– Э, уважаемый Совет, позвольте доложить...

– Проще, Коспарх, проще, не до того.

– Да, пресветлый, – гном не удержался и согнулся в коротком поклоне. – Я был в Оке сегодня, заглянул в Дарницу, выписал пару разрешений для космолётов, да и всё, считай. А когда уже собрался возвращаться, то на главной улице в толпе и увидел её. Она точно такая же как там на этой... как её... Земле. Высокая и с пламенем в волосах. Я... я узнал её... точно. Ну и сюда сразу, доложить. Вас не нашёл, вот и сказал сначала советнику, – он обернулся на Мирриэнаэла, тот ободряюще кивнул.

– Понятно, но с чего ты так уверен, что это именно она? Мало ли в Мирах рыжих дев? Там, в Оке, сотни паломников. А она говорила тебе, что сообщит... Да и ночь, – Грейл пылливо смотрел на помощника, – ты не мог ошибиться?

– Да, она говорила, но что ей будет, если она не предупредит?! – Коспарх пожал плечами. – Эризингии не дают обещаний и клятв. И я уверен... да. Вы тоже никогда больше не спутаете её с другой, если раз увидите. Этот взгляд... – гном поёжился, – бр-р...

– Взгляд? Она видела тебя?!

– Я... – Коспарх поник, – да, видела, точно видела. Улыбнулась так... страшно... и пропала.

– Пропала? Как?

– Ну, затерялась в толпе, зашла в лавчонку какую-нибудь

или вообще... уже на другой планете. Эризингия... что ей стоит?!

– Да... да, конечно, – тангорл потёр пальцами веки. Вся его поза, жесты выражали озабоченность. Он снова уставился в огонь, опёршись подбородком на сложенные в замок ладони, локти напряжённо вонзились в подлокотники. Пару минут спустя он шумно выдохнул, потряс головой и обратился к остальным советникам:

– Что ж... а вы-то что думаете по этому поводу, а?

Советники замаялись, переглядываясь. Несмотря на ранее принятое решение, ситуация по-прежнему приводила их в замешательство. Никогда им не доводилось сталкиваться с подобным. Неизвестность и страх сковывали мысли. Даже Мирриэнаэл, предложивший приглашение, не выглядел удовлетворённым результатом, но всё же не удержался от замечания:

– Пока всё идет по плану. По нашему, надо сказать, плану. Так что нет повода для расстройства. Беспокойство понятно, но не стоит... да, определённо не стоит впадать в панику. Мы не знаем, она ли это вообще. Извини за сомнения, Коспарх, но в этом случае нам не стоит ничего принимать на веру. Вы согласны?

– Советник прав, не стоит ничему верить и ничего преувеличивать, – Гилия поднялась с кресла; толстое, из сизой кожи облачение её при этом привычно скрипнуло.

Чиггумиэ и Атерита одновременно поморщились

от неприятного звука. Военная советница не обратила на них никакого внимания. Всё так же поскрипывая, она подошла ближе к огню. Высокая, жилистая фигура тёмным силуэтом перекрывала теперь оранжевое пятно света.

– Я считаю, да, я практически уверена, что мы преувеличиваем её силу. Да, Коспарх, я уверена, не дрожи так, – бросила она пытающемуся сжаться в комок гному; тот, было, вскинулся, собираясь что-то сказать, но она остановила его коротким жестом, – не стоит повторять то, что мы уже знаем. Да, она что-то такое продемонстрировала тебе там, но ты слаб. То, что тебе кажется силой, для каждого из нас может быть не более чем взмахом крыльев мошки, а уж для всех семерых... Ерунда! – голос её звучал все более воодушевлённо, но её перебили.

Смегг тихо и с некоторой опаской произнес:

– Но, Гилия, что ты скажешь о Бездне? Уж это-то несоизмеримо с нами.

– Бездна? Да... безусловно, Бездна. Я помню об этом. Но она была заключена тысячи лет, и она одна. Я не отрицаю, силы у неё, видимо, есть, и большие, но настолько ли большие, как мы посчитали вначале? Почему она их не показывает? Может, и нечего показывать, а? Ну, прибыла она в Око, и что? Если это вообще она, но предположим, что так, то мы не знаем, как именно она прибыла. Космопорт принимает сотни приезжих в час, разве мы проверяли?

– Я попытался, но идентификация не всегда точна, ты же

знаешь – безбилетники, obsлyгa некоторых визитёров, – Мирриэнаэл пожал плечами, – окошки и лазейки есть. Никто не проникнет без нашего ведома во дворец, но в Око... вполне возможно.

– Да уж, к сожалению, – Гилия скривила лицо, – а я ведь много раз говорила ужесточить требования для паломников и прочих. Но ладно, не об этом сейчас. Твои слова только подтверждают мои: она могла прибыть и без использования Бездны. И если это так, то не потому ли, что ей недостает ийкэ, а? – она обвела всех вопрошающим взглядом.

Тангорл задумчиво кивнул.

– Да, это возможно, ты права, это было бы хорошо для нас, – он сделал паузу. – Но... если она воспользовалась Бездной, если силы у неё есть, просто она их по какой-то причине не показывает, если триада для неё и ийкэ не так важна, вообще, если представить максимум возможного, что тогда?! Что ты думаешь?

– Я... может быть и так, не отрицаю, – Гилия начала несколько более растерянно, но быстро собралась. – Незачем сейчас гадать и строить домыслы, это мешает всем нам мыслить здраво. Мы пригласили её, в конце концов. Она согласилась, ну, не отказалась точно, а теперь вот здесь. И пока, заметьте, ничего опасного для нас не сделала. Вообще ничего не сделала, по сути. Предлагаю и не ждать от неё действий, а послать в Око гвардейцев, не откладывая.

– Гвардейцев? Мы же не хотели начинать конфликт? – на-

конец присоединился к общему разговору Акелод.

– Да-да, никаких конфликтов. Не стоит обострять, – почти одновременно воскликнули Атерита и Чиггумиэ.

– А я и не говорю о конфликте, с чего вы взяли? – в голосе Гилии звучало некоторое презрение. – Вовсе нет, я говорю об отправке гвардейцев с целью пригласить её ещё раз и сопроводить уже во дворец, мы же все этого хотели?

– Единая, во что мы ввязываемся?! – Чиггумиэ судорожно сжимала длинные пальцы. – Во дворце мы под защитой поля, но, когда она будет здесь... мы не сможем уже чувствовать себя в безопасности. А, значит, и вся Федерация окажется под угрозой...

– Да, может и так. Но мы уже решили. Отступать и что-то менять уже поздно. Она поймёт, что мы боимся. Этого не стоит допускать, – Мирриэнаэл обращался к тангорлу. – Пресветлый, я поддерживаю Гилию. Гвардейцы – хорошее решение. Вряд ли мы сейчас найдём лучшее.

Тангорл кивнул ему, соглашаясь.

– Пожалуй, это действительно так. Акелод, распорядись тогда. Думаю, шестерых достаточно. Так мы покажем своё уважение, но не выдадим явно наших опасений. Только вот ещё, – он повернул голову, ища взглядом забившегося в угол гнома, – где мой помощник? Коспарх, – он снова поманил его к себе, – ты единственный на данный момент, так сказать, знаком с ней, тебе и продолжать. Пойдёшь с гвардией. Надеюсь тебя полномочиями говорить от имени Совета. Пригла-

си её снова. Да, и постарайся, — тангорл выделил это слово, — убедить её нанести визит во дворец. Ты меня понял?

Коспарх обречённо склонился.

— Да, пресветлый. Я сделаю всё, что в моих силах.

— Вот и хорошо. А там... видно будет. В крайнем случае придётся... вызвать остальных. Они-то должны справиться с ней, как считаете?

Все, переглянувшись, поклонились Грейлу и уже направились было к дверям, когда тот задержал их.

— Постойте, советники. Эта проблема, к сожалению, не единственная. Перед тем, как мы собрались, я кое-что выяснил. И это может оказаться даже серьёзнее, чем восставшая из заключения эризингия, по крайней мере, на данный момент.

Советники остановились, лица их опять затуманились тревогой.

Где-то неподалёку от Урана, за несколько часов до этого

Она буквально вывалилась из Бездны, крича от боли. Но, конечно, ни звука не раздалось здесь, в этом пустом и невероятно холодном месте. Далеко-далеко, если знать, куда смотреть, и обладать зрением эризингии, можно было разглядеть небольшой кружок планеты, где она была долю се-

кунды назад.

Аррилия дрожала всем телом, пытаясь успокоиться. Всё было не так, совсем не так, как она помнила.

Приняв решение и выбрав путь, она быстро нашла нужную нить Бездны и сразу же влилась в неё, не задумавшись ни на миг... и почти сразу рванулась обратно, не в силах вынести никогда ранее не испытанных ею ощущений.

И вот она здесь – уже так далеко от стартовой точки с позиции большинства обитателей вселенной, и не сделав и шага – с точки зрения эризингии. Так ей вовек не добраться до Равновесия. Почему Бездна не принимает её, свое дитя?!

Боль, наконец, утихла, давая Аррилии возможность сосредоточиться и разобраться в произошедшем.

Она окинула окружающее пространство взглядом – густые переплетения нитей Бездны вспыхивали перед ней, переливались несчётным множеством цветов, переходя из тьмы в свет и обратно, так же, как всегда, как и тысячи лет назад. Да и разве может Бездна измениться?! Аррилия покачала головой, удивляясь, как вообще могла подумать о таком. Конечно нет. Это что-то в ней самой. Неужели заключение повредило эту связь? Неужели ей больше не под силу перемещаться между мирами?

Но нет, она же всё-таки здесь, пусть совсем рядом с началом пути, но всё же преодолела какое-то расстояние. Да и выбранное направление не нарушено...

Она задумчиво заправила за ухо упавшую на лицо огнен-

ную прядь и тут поняла... Ну, конечно! Ведь это тело с частичкой человеческой души не было в полной мере её телом, оболочкой эризингии и только. Оно не предназначалось ни для чего подобного. Только её ийкэ позволила ему выдержать переход, но боль от преобразования стала расплатой.

А вынесет ли оно вообще гораздо более масштабное перемещение на другой конец Объединённых миров?! Этого Аррилия знать не могла. Но выбора не было – эризингия стремилась к истокам. А выдержит ли эта плоть – не так уж важно: пусть душа этой девочки уйдёт в таком случае окончательно, она готова к такой жертве. Может, вообще стоило закончить всё тогда, сразу. Да, девчонка ей нравилась, и она не захотела её убивать. Возможно, это было ошибкой, и надо было освободиться полностью. Но что есть, то есть. Это её не остановит. В случае чего она сумеет сотворить себе облик, как раньше, когда Строй был единым...

С этой мыслью эризингия вновь нырнула в Бездну.

Боль рвала её на части, душила своими лапами, вонзалась иглами, опутывала, словно пытаясь остановить... Эти несколько мгновений показались ей веками. Почувствовав новую надвигающуюся волну, она не стала дожидаться удара и оставила нить, снова оказавшись в бескрайней черноте космоса. Тело горело и замерзало одновременно, и всё же она была цела. Хотя боль и оказалась сильнее, чем прежде, восстановилась она в этот раз гораздо быстрее: каких-то несколько секунд, последний, впивающийся в плечо укол

и всё затихло. Лишь на гладкой коже в этом месте осталась тёмная звёздчатая точка, почти незаметная глазу.

Аррилия удовлетворенно улыбнулась сама себе и осмотрелась. Тьма перед нею вовсе не была такой чёрной, как можно ожидать: её будто подсвечивали чем-то голубым. Эризингия резко обернулась, охваченная воспоминанием... да, так и есть. Перед её лицом, как огромный светляк в ночной чаще, предстал в своём ореоле великолепный и ужасный Иррилл – она очутилась там, где когда-то потеряла всё...

Её пронзила мысль, что вот теперь она действительно вернулась, возвратилась туда, где всё кончилось. Что ж, значит, здесь всё и начнется заново...

Бледные пятнышки Равновесия словно приветствовали её из глубины вселенной, сквозь ошестинившуюся оружием каменную россыпь кольца Ирриллитенау.

Ирриллитенау, База 74

Площадка перед дверями обеденной была почти пуста, хотя само помещение оказалось забитым под завязку. Ну-уги толкались, теснили друг друга, периодически огрызаясь на тех, кто особенно бесцеремонно пробирался к стойке за очередной порцией эля. Серый бетонный пол, изрытый выбоинами стальных модифицированных ног и экзоскелетов, уже весь покрылся каплями, а то и целыми лужи-

цами машинного масла, плевками, липкими пятнами пива и крошками еды. Мешались друг с другом громкие голоса, скрежет обмундирования, звон кружек, грохот бочонков об стойку и шипение печей. Запахи металла, работающих двигателей, смазки, жареного, а то и горелого мяса, бобов сплетались в плотную завесу, накрывавшую сборище. Никто не обращал на это внимания. И лишь единицы выходили наружу, вдохнуть свежего воздуха, расслабить затекшие от неудобного положения в толпе мышцы. Но почти сразу они либо уходили совсем, либо вновь ныряли в распахнутые двери, с немалыми усилиями протискиваясь к прежнему месту.

Бриара такое положение дел вполне устраивало. Впрочем, как обычно.

Он с комфортом расположился на широкой деревянной лавке почти в центре уличной площадки под ребристым металлическим навесом. Большая, только что вновь наполненная кружка стояла перед ним на низком столе-тумбе, пузырясь и разбрасывая бело-жёлтые хлопья. Периодически нууткивом приветствовал вновь прибывших, но ни один из них не выказал желания присоединиться к нему.

В общем-то, он мог их понять: рядом, занимая почти всю правую часть площадки, стоял жуз. Опустив морду в широкую, похожую скорее на таз, чем на кружку, чашу, зверь шумно лакал эль, сдувая ноздрями пену. Чёрный язык так и мелькал между ослепительно белых зубов, принося в пасть

всё новые порции янтарной жижи. Из речевого аппарата доносилось тихое довольное урчание. Ничто вокруг не могло бы отвлечь сейчас Зерауса.

Бриар вздохнул. Жуз многим нравился, и в другой день они могли бы быть окружены кольцом желающих с ним пообщаться, но только не теперь. Влитая в жуза пара порций выпивки страшила бывалых вояк иногда больше, чем оружие. Во взглядах, обращенных на него, Бриара, довольно часто сквозило сочувствие, но и скрытое облегчение – подчищать за этим пьяным ходячим разрушением не им, лучший друг тогда на что?!

Объясняться перед начальством не хотелось. Зераус пил всего вторую свою порцию, но, пожалуй, на этом и стоило попытаться его остановить. Перспектива полночи убеждать друга отправиться в загон и улечься спать ему совсем не нравилась. Нууг сделал большой глоток, осушив кружку почти до дна, и с громким стуком поставил её на стол. Жуз скосил один глаз, взглянув на приятеля, но от эля не оторвался.

– Нам пора, Зераус. Уже достаточно в нас плещется этой дряни.

Жуз оскорблённо вскинул голову.

– Почему это дряни?! Отличнейшее пойло, как я и говорил.

Бриар только отмахнулся.

– Не важно, с меня точно хватит. Завтра общий сбор базы. Ерунда, конечно, но надо успеть восстановиться. Так что,

пора в постельку, слышишь, Зер?

– Да какое пора?! Только пришли. Там у Бу наверняка что-то ещё осталось, – он облизнулся, глянув сквозь узкое окошко внутрь, – вечно ты недоволен...

– Недоволен, хм... То ты сам не знаешь себя. Чем опять всё это кончится? Прошлый раз...

– Прошлый раз, прошлый раз... далось же тебе... всё ж починили, никого и не задело, – в механическом голосе прорывались заискивающие нотки.

– Починили?! Всё?! И стену тоже?! – саркастически спросил Бриар.

Жуз, наконец, отвлёкся от миски, переступил с ноги на ногу.

– Ну что ты от меня хочешь?! А стену... ну да, починили... всё же...

– ...перестроили здание...

– Да, перестроили, ну и что? Зато теперь у них новый корпус!

– Их и старый устраивал!

– Вот привязался! Ладно. Давай ещё по одной, и по домам, а? – Зераус с надеждой поглядывал то на друга, то на двери в обеденную. – Вот только эту сейчас допью...

Он снова склонился над чашей, быстро вылакал последние капли и, тщательно вылизав все стенки, удовлетворённо вздохнул.

– Ну так? Ещё по одной?

Бриар покачал головой.

– Нет, Зер, хватит. Ты и сам знаешь. Да и не протиснемся мы туда сейчас, ты только глянь на толпу...

– О, я прошмыгну. Тихо, как мышка, – жуз захохотал так громко, что речевой аппарат, не сумев обработать сигнал, наполнил пространство каким-то хрюкающим скрежежом. Гомон в обеденной стих, многие выглядывали из дверей. Бриар жестом показал, что всё в порядке, и шум возобновился.

– Мышка, тоже мне... – Бриар не смог сдержать улыбки. – Нет уж, обойдёмся. Я серьёзно, Зер.

Отсмеявшись, Зераус примирительно кивнул.

– Ладно. Пойдём. Жаль, конечно, – он с тоской взглянул на стойку с бочонками, – парочка там ещё есть, мы могли бы...

– Зер...

– Да-да, иду. Зануда...

– Завтра ещё спасибо скажешь.

– Может, и скажу, – жуз грузно вышел из-под навеса, на удивление, ничего не задев, – может, скажу... Знаешь, – продолжил он, когда они немного отошли от здания, – спать что-то пока не хочется, пройдемся по большому кругу, что думаешь?

– Хм... почему бы и нет. Проветриться не помешает.

Они неспеша направились к главной дороге базы, широким кольцом опоясывающей всю центральную часть астеро-

ида. Короткий проулок до неё преодолели не больше чем за минуту. Хотя совсем без происшествий не обошлось: Зераус всё-таки зацепил выставленные в несколько рядов у стены пустые бочки. Они с громким лязгом зашатались, но устояли, только на парочке остались крупные вмятины.

Большой круг лёг под ноги ровной светло-серой лентой. До загона жуза по нему примерно три мили – если идти по часовой стрелке, до казармы Бриара – на пару сотен футов дальше.

Сейчас дорога была практически пуста: движение недавно замерло и возобновится ближе к утру, изредка можно наткнуться на патруль, однако пока не видно и их. Пару раз им встретились такие же припозднившиеся нууги, но дальше кратких приветствий общение не заходило. Друзья шли молча, наслаждаясь ночной тишиной, мимо серых стен складов, мимо бледной чаши малого стадиона с мягко колеблющимся в относительно спокойном воздухе чёрно-синим полотнищем на серебристом флагштоке.

Когда в поле зрения показалась белая ограда загона Зерауса, им навстречу двигался небольшой – всего шестеро – отряд. Нууги шли в полном обмундировании, за исключением шлемов, один – в экзоскелете. На черепе у каждого под светом фонарей отливало сталью крупное тёмное пятно. Они двигались ровно и слаженно, будто по некой только им видимой линии, как на отчётном марше, не обращая внимания ни на кого вокруг. Ни лишнего взмаха руки, ни поворота го-

ловы, ни взгляда — как неживые.

«Да и разве это живые...» — подумалось Бриару. Когда те проходили мимо, он поднял взгляд, отыскав только одно лицо, надеясь... всё ещё надеясь... глупо... на какой-то ответ. Но нет... В глазах, что когда-то были знакомы Бриару как свои собственные, не было больше ничего родного... не было вообще ничего... пустота.

Его передёрнуло от жалости и, как он со стыдом осознал, от отвращения. Жуз понимающе посмотрел на него, повернув чешуйчатую голову, лепестки на его спине горестно поникли.

— Забудь... забудь. Больше ничего не остаётся, — поскрипывающий голос прервал неприятные мысли Бриара. — Это уже не он, ты же знаешь... оставь...

Бриар помолчал, потом ответил:

— Да, знаю... конечно... но... Гузор был мне как брат, а теперь... — он качнул головой, обернулся на уходящую шестёрку воинов, — как... нет, мне не привыкнуть к этому...

— Не привыкнуть... но так есть. Выбора-то не было. Так он хотя бы... жив.

— Жив?! Ты уверен? — с горечью прошептал нууг.

— Формально... да, я согласен с тобой, это не жизнь. И всё же... он есть хотя бы так, или его бы не стало вообще. Мозг был повреждён критично. Да что я тебе говорю?! Так надо было. Только централизатор давал шанс, даже это могло не выйти... ну!

– Знаю, всё знаю... электронный мозг его спас, – Бриар снова вздохнул, махнул рукой, призывая продолжить путь, – но на самом деле... ЕГО он не спас, только оболочку. Им нужно было сохранить тело – ещё бы, столько тренировок и модификаций – целое состояние...

– Ты прав, но... часть его где-то там есть...

– Чушь, – перебил жуза Бриар, – ты понимаешь это лучше меня, лучше всех нас... Все эти механизмы, электронику, управление. Вот, управление! Грёбанный Совет был бы счастлив всех нас перевести на внешнее управление... им не нужны воины, им нужны машины!

– Тише ты, чего раскричался? – жуз с некоторой тревогой огляделся. – Мы не знаем, что там в головах у Совета, но даже если и так, то ничего такого не делается, никто никого не принуждает. А тут... это вынуждено... он уже машина, да! Вот и думай о нём теперь как о машине!

– Вынуждено... да... но на счёт Совета я прав, я уверен. Они бы давно замахнулись на всеобщую централизацию, просто... просто они трусят. Да, именно. Боятся, что будет как тогда...

– Стоп! – на этот раз Зераус повернулся так резко, что его хвост пропахал глубокую борозду по обочине, он явно встревожился. – Думай, что говоришь! Кругом... И вообще, тот случай – позор на всё Войско. Это исключение, и оно не повторится, и... и это не из-за централизации, да...

– Зер... ну передо мной не надо... ты же понимаешь?! Ты

знаешь правду.

Жуз отвернулся, раздражённо мотнув головой, спинные лепестки нервно дёргались.

– Правду... эта правда разожгла войну только сильнее. Это...

– Я о том и говорю. Совет боится повторения. Лунный меч ушёл не просто так...

– Не произноси этих слов! Единая, с кем я связался! Оставь эти мысли, Бриар. Забудь. Забудь и Гузора, и ту историю... Это... убьёт тебя когда-нибудь. Я не хочу думать о подобном, не хочу, – Зераус тяжело дышал, глядя на товарища. В его глазах плескалась тревога.

Бриар хотел было возразить, но увидев эту тревогу, промолчал.

Они уже подошли к высоким створкам ворот загона. Синее-чёрное тело жуза горой темнело на их светлом фоне. Его скрипучий голос разрезал сгустившуюся вокруг них напряжённую тишину:

– Ладно. Оставим это... Просто... нам с этим не справиться... оставим. До завтра! Увидимся на поле.

Нууг кивнул.

– Да, наверное. Оставим... Увидимся.

Ворота закрылись за Зераусом. Бриар подождал, пока силуэт друга не слился с тьмою загона, и медленно пошёл к своему ночлегу.

Бросив последний взгляд в обзорную полосу, он вдруг

увидел вдалеке в черноте космоса крохотную многоцветную вспышку, но та сразу пропала, и он не придал этому значения. Лишь вскользь подумал о том, как необычны были её переливы, будто из тьмы тебе подмигнула сама Бездна.

Усмехнувшись своим мыслям, Бриар вошёл в казарму, плотно закрыв за собою дверь.

Глава 12

Язоритос

Не замечая полуденную жару, куленны несли своих седоков вперёд к длинной коричнево-серой скале с осыпавшейся верхушкой в нескольких милях от главной базы. Она торчала из земли как корень громадного дерева, искривлённым горбом поднимаясь над равниной. Несколько скал поменьше – обломки своей соседки – сгруппировались у её левого склона. Валунья длинной неровной полосой усеивали пространство: когда-то здесь был один из главных отрогов, но время и почти непрекращающееся в этом месте движение земли, вздымающейся от дыхания вулкана, оставили лишь эту колоссальную насыпь. Только самый кончик гигантским когтем продолжал впиваться в сухую почву.

Внутри этого, пережившего тысячулетнюю разрушительную битву с самой природой, камня сейчас находилось их главное сокровище, надёжно укрытое под сводами рукотворной пещеры. Но сейчас их интересовало не оно.

Плотные перепончатые крылья били наездников по ногам, слегка царапая зубчатыми краями кожу – для сапог сегодня было слишком жарко, пришлось обходиться высокими сандалиями. Рамис в очередной раз почесал бедро – короткие льняные штаны в такие дни липли к телу немилосердно.

Пот тёк по спине ручьями, насквозь пропитывая светлую рубашку. Мелкие капельки усеяли и лоб, только удерживающая волосы повязка не давала солёным дорожкам затечь в глаза. Благодарение Единой, тут недалеко, потому решили лететь без шлемов и прочей защитной требухи, а то бы он сварился, как панцирник в супе.

Оглянувшись на чуть приотставшего друга, Рамис снова позавидовал ему: Зор никогда не потел, по крайней мере, он такого за все годы не заметил. Костюм пригийца оставался совершенно сухим, словно только что надетым. Никакое солнце не могло перебить любви помощника командующего к тёмным цветам: сегодня, правда, это оказался хвойно-зелёный, а не чёрный, но изжариться в нём можно было не хуже, но нет же, ничего подобного! Несмотря на это, явственно чувствовалось, что его приятелю полет не доставляет удовольствия: напряжённая поза и чуть искривлённые в уголках губы выдавали раздражение. О выражении глаз судить нельзя: как и у самого Рамиса они были закрыты широкой линией солнцезащитных очков. Но он знал и так: тот с большим удовольствием отправился бы пешком, как делал обычно, просто в этой ситуации не хотелось терять ни минуты времени.

И действительно, Зор ненавидел летать: что куленны, что экранопланы выводили его из себя. Только космолёты он как-то терпел, хотя и к ним любви не испытывал, в отличие от товарища.

На заключительном вираже перед посадкой Зор вновь по-

морщился, нетерпеливо заёрзал в седле. Рамис усмехнулся: он сам счастлив подниматься в воздух при любой возможности, но это пекло его просто убивает, а у его соратника с точностью до наоборот... Да... полностью желания в этом мире удовлетворяются, пожалуй, только у тангорла... но какой ценой... какой ценой... При этой мысли пальцы командующего сильнее сжали поводья, но усилием воли он тут же расслабился – они уже приземлялись.

Длинные тени куленн накрыли мягкую песчаную площадку, жёлтым ковром раскинувшуюся под ними. Животные плавно опустились вниз, вращая всеми шестью крыльями будто в сложном танце. Вытянутые многосуставные ноги парно касались поверхности... пару секунд... и большие, переливающиеся бронзовым, оливковым и изумрудным тела легли на песок и замерли, только пучки внимательных глаз, извиваясь, оглядывали всё вокруг.

Наездники спрыгнули с сёдел, оставив питомцев на попечение подоспевших мальчишек-грумов. Те с восторгом – ещё бы, не каждому доверяют работать с куленнами – кинулись выполнять поручение, освобождая зверей от упряжи и поливая их водой. Однако, в первые мгновения глаза детей не отрывались от прибывших: с благоговением они следили за своими героями, пока те не скрылись в серой прохладе главного ангара под скалой.

Мощные охладители – абсолютная необходимость для со-

держимого базы – быстро заставили их забыть о жаре, укутывающей снаружи эти каменные стены. Передняя часть пещеры хорошо освещалась, хотя неровно изрезанный свод то тут, то там затенял перемещавшихся по ангару людей, ячеистые стены рабочих секций, блестящие металлические бока разнообразных приборов, чёрные бухты проводов. В глубине же длинного скалистого купола стояла почти полная тьма: лишь несколько верхних светильников, да фосфоресцирующие дорожки под ногами, убегающие вдаль – вот и всё, остальное было отключено, как, впрочем, почти всегда.

На границе света и тьмы вырисовывались угловатые очертания одного из небольших космолётов. «Как животное на отдыхе,» – подумалось Рамису, – «нет, не на отдыхе, в засаде – пока ждёт, не тратит силы, но готово к броску.»

Они шли дальше, быстро, но без излишней торопливости, однако общение со всеми встреченными соратниками дальше приветствий не заходило. Это подождёт. Позже он успеет переговорить со всеми, обсудить текущие дела и планы. Но потом: сейчас его мысли занимало другое.

Перед ними, деля пещеру почти пополам, показалась центральная стена: каменные колонны и листы опутавшей их стали надёжно перекрывали доступ к задней части ангара. Приблизившись, командующий приложил левую ладонь к утопленной в поверхность неровной плите, осторожно поворачивал рукой и сделал шаг назад. Стена и пол дрогнули, валун у их ног опустился вниз длинной высокой ступенькой,

часть стены сложилась плавным круговым движением, словно закрылись два веера или разошёлся занавес в театре, явив широкий проход, которым визитёры не замедлили воспользоваться.

Темнота сразу обняла их, будто давно дожидалась и потому не желала дать им уйти слишком быстро. Но друзья этого почти не заметили, продолжая идти вперёд как ни в чем не бывало – по сравнению с привычной им тьмою космоса здесь хватало света.

Буквально через десяток ярдов они свернули вправо и сразу упёрлись в небольшую дверь из небрежно оструганного дерева. Распахнув её, Рамис и Зор вошли внутрь, оказавшись в небольшой светлой комнате – командующий отдыхал здесь иногда во время длинных визитов. Их взгляды остановились на малиново-оранжевой горе, яркостью резавшей глаза на фоне серых стен: на широкой кушетке, развываясь, прихрапывал Кургу. Жилистые трёхпалые руки плотно прижимали к необъятному животу большой грязно-коричневый мешок, так не вязавшийся с нарядом спящего. Короткий толстый хобот надувался пузырьём и со свистом опадал опять.

– Неплохо устроился, – Рамис ткнул стоящего рядом Зора локтем в бок. Тот улыбнулся.

– Да уж, действительно, я бы и сам не отказался.

Рамис повысил голос, по-прежнему обращаясь к своему помощнику:

– Нет, ты только глянь, какую птицу к нам занесло! И как пёрышки-то не пощипало?!

От громкого звука, отдавшегося от стен легкой вибрацией, Кургу вздрогнул и проснулся. Секунду – другую он хлопал длинными ресницами, растерянно озираясь. Потом краем глаза заметил вошедших и тут же вскочил, чуть не зацепив головой висящую лампу. Напоминающий ягоду-переростка тюрбан съехал ему на лоб и едва не упал, он удержал его огромной серо-зелёной ладонью.

– Командующий... Зор... – Кургу склонил голову в приветствии, – я немного... это... вздремнул. Ну и жарница тут у вас! Разморило... но главное вот, всё при мне, – он почти любовно погладил свой потрёпанный мешок.

Зор с Рамисом переглянулись, одобрително кивнули головой.

– Точно. Мы ждали от тебя именно таких вестей. Честно говоря, я ещё вчера был намерен выслать в Око спасательный отряд, столько времени прошло. Думали, тебя пора вытаскивать. Зор уговорил меня потерпеть ещё день, будто почувал, и вот ты здесь, слава Единой. Я рад, что всё обошлось.

Кургу покосился на помощника командующего. Тот, действительно, отличался какой-то особой, порой необъяснимой прозорливостью. Хорошо, что и в этот раз она сработала: направлять дополнительных людей в спешке без предшествующей проработки – всегда риск, да и недёшево это. Этот лишний день всем им пошёл только на пользу.

– Да, всё и правда обошлось, на самом деле сама встреча прошла вовремя, как договаривались. Проблем не было. Но я решил подстраховаться, и это заняло чуть больше времени, чем я предполагал. Собственно, последние дни я был уже не в столице.

– Не в Оке? Подстраховаться? Что, какие-то признаки слежки? – насторожился Зор. – Ты, уверен, что не привёл...

– Нет – нет, – перебил Кургу, – ничего такого, на всякий случай. Просто сам материал... да вы поймёте. Сейчас объясню.

С этими словами он развязал тесёмки у мешка, перевернул, высыпав его содержимое на большой круглый стол, занимавший всю середину комнаты. По истёртой поверхности рассыпалось пару десятков мелких пакетов и свитков.

Рамис присвистнул.

– Ничего себе! Так много?! Прекрасно. Мы не могли ожидать такого...

– Э... нет, командующий, к сожалению, нас интересует только одно... вот это, – Кургу выловил из общей кучи небольшой коричневый пакет, довольно небрежно отодвинув в сторону всё остальное. – А это всё, ну, для отвода глаз, знаете ли. Хотя из-за них-то я и задержался, пришлось помотаться по планетам, чтоб разыскать и... да, и потратиться пришлось, что уж, – он с виноватым видом склонил голову. – Но зато, думаю, никто не сопоставит, не разберётся, что действительно было мне нужно. Выиграем время, как минимум,

а то и вообще сохраним всё в тайне. Оно, пожалуй, того стоит, – гость расплылся в улыбке, глядя на добытый сверток.

– Только это?! Ну, что бы там ни было, надеюсь, оно стоило того времени и усилий, которые были приложены, – Рамис скептически оглядел невзрачный кожаный квадратик, бережно удерживаемый его собеседником.

– И денег, не забывай, – добавил его помощник, – сколько ты потратил Кургу?

– Ну, Зор, я ж говорю, так надо было и...

– Всё-таки, сколько? – не отступал тот, в конце концов именно его задачей был контроль всех средств их союза.

– Полторы тысячи тангов, но я объясню...

– С ума сойти! Полторы тысячи вот на это?! – возмутился Зор и обвёл рукой рассыпавшиеся бумаги. – А твой костюмчик райской пташки, случайно не тысячу стоит, а? Вырядился, как молодящаяся шлюха! Какого...

– Постой, друг, не горячись, – попытался осадить его Рамис, хотя в глазах у него самого при взгляде на слишком яркий наряд их гостя плясали смешинки, – не все должны любить тёмное, как ты. И вообще, давай дослушаем...

– Мы дослушаем, не сомневайся. Но, тьма меня побери, полторы тысячи! Управляющий модуль для крейсера стоит меньше! – он с трудом взял себя в руки. – Ладно, посмотрим, что принесла нам эта пташка...

Кургу взорвался:

– Пташка?! Я тебе покажу пташку! – заорал он. – По-

глядите, счетовод нашёлся. Вот и мотался бы везде сам, хошь в чёрном, хошь без ничего. А! Вспомнил! Тебе ж нельзя! Мордашка слишком приметная, да? – бросив конверт на стол, он судорожно сжимал и разжимал пудовые кулаки.

В жёлтых глазах помощника командующего вспыхнул хищный огонь.

– Ты что-то имеешь против моей работы, многоуважаемый Кургу? – вкрадчиво, почти нежно произнес он, но от этих слов мурашки побежали по серой спине его оппонента. Тот вздрогнул и отвернулся.

Зор шагнул вперёд, медленно, плавно, как чотта, охотящийся в редколесье, но наткнулся на выброшенную перед ним в этот момент руку командующего.

– Стоп. Прекратите это, – Рамис теперь был абсолютно серьёзен. – Чего вы взбеленились? Да, деньги немалые, Зор, я согласен, но что сделано, то сделано. Надеюсь, информация оправдывает эти затраты. Так что помолчи сейчас, – непререкаемым тоном приказал он. – Кургу, продолжай.

Зор поймал взгляд командующего, развернулся и отошёл к дальнему краю стола.

Каритосиец обиженно сопел, по хоботу пробегала мелкая дрожь.

– Тоже мне... пташка... – уже спокойнее пробурчал он себе под нос, – сам знаю, что это куча монет, но так надо было. И вот это вот, кстати, почти даром досталось... тьфу! – он с брезгливостью приподнял рукав своей хламиды, в которой

так напоминал гигантский живой апельсин. — Я и сам, знаешь ли, не в восторге от этих тряпок... но я ж в Оке был, а там либо ты паломник, весь такой светленький, либо вот так... Таких, как ты, — он ткнул в сторону Зора толстым пальцем, — туда вообще пускать нельзя, кто угодно сразу поймёт... А переодеться я не подумал, сразу сюда и... вот, держи, — Кургу сорвал с себя тюрбан и кинул в Зора. Тот, не поведя бровью, поймал вещицу и хотел было бросить на пол, но передумал и кинул на кушетку, как обычно, решив, что может ещё пригодиться, мало ли.

— Ладно, к делу. Смотрите, — серые ладони аккуратно раскрыли пакет, освободив сложенный в несколько слоёв кусок тонкой, но плотной грязно-белой материи. Кургу неспеша развернул её в прямоугольное полотнище, занявшее почти весь стол — остальные свитки пришлось сдвинуть на самый край.

Зор и Рамис склонились над открывшейся картиной. Это был довольно неприглядный пейзаж: сухая, изрытая трещинами равнина, простирающаяся на много миль, с колоссальной расселиной посередине; в бледно-голубом выгоревшем небе пылали два солнца. Необычен и интересен оказался, разве что, ракурс, с которого художник изобразил эту засушливую местность — будто бы он смотрел на всё не с поверхности земли, а с некого возвышения, небольшого, но достаточного, чтобы заметить далёкий изгиб линии горизонта.

Они переглянулись и удивлённо уставились на визитёра.

– И это всё? Ради этого?! Полторы тысячи?! – Зор опять начинал выходить из себя. Он быстро перегнулся через стол, схватил ещё несколько свёртков, молниеносно развернул их поверх первого, зло и разочарованно выдохнул – на всех было примерно то же, что и на первом. Пейзажи, самые разные – с яркими джунглями или унылыми пустынями, городами, океаном – объединял их лишь тот же странный ракурс да, пожалуй, реалистичность красок, вот и всё.

– Картины? Ты привез нам картины? – Рамис явно недоумевал.

– Картины. Да. Целую коллекцию, – Кургу прямо светился, словно не замечая замешательства своих собеседников. – Потому и задержался, искал их по всем Мирам. Очень известный художник. Сукхук. Вон и подписи.

– Художник? Известный? Да сдался нам тот художник! Объяснись.

– Так вы ж не даёте никак, уж давно бы рассказал. Ладно, слушайте. Большая часть из этого – ненужная ерунда, для отвода глаз, как и говорил уже. Сделал вид, что я поклонник его творчества, на случай если в перелётах кто проверит. Потому и покупать пришлось, кстати, чтоб всё тип-топ, а то такто и выкрасть недолго. В общем, эти, скорее всего не пригодятся, разве что украсить эту вашу местную серость, хотя... – он пожал плечами, – может, и для чего иного... Но вот первая... – остальные свитки и развёрнутые картины полетели вниз, оставив только одну, – ну, посмотрите, как дума-

ете, что это?

– Пейзаж. Не слишком привлекательный, – Зор скептически разглядывал полотнище, – но подробный... постой-ка... да, очень подробный. Это же...

– Карта, – закончил за него Рамис.

Кургу радостно потёр руки.

– Именно! Знал, что вы поймете. Я тоже понял не сразу. Конечно, это не обычная карта, но она большая, детальная и, главное, все пропорции идеально соответствуют настоящим объектам, расстояниям... Тут, видите ли, в чем дело: этот самый Сукхук – он из окраинных земель, раса... а, Тень его знает! Не помню. Такая, короче, некрупная, меньше вас тварь. Много-много лапок и летает. Невысоко, правда. Вот потому и нарисовано так, сверху немного. Этот художник, ну и его родичи тоже, они помешаны на детализации всего – это я уже в сети прочёл – списки там, цифры. Обычно они расчётами занимаются, вы б нашли общий язык, – заметил он Зору, – но бывают и творческие, как этот. Может рисовать по памяти – не во всех местах разрешают долго находиться. Как раз наш случай. Гляньте-ка ещё раз, – он постучал пальцем по карте, – подскажу, ни один из вас там никогда не был.

Друзья снова обратились к картине. Равнина, сушь, два солнца и громадный овраг...

– Каменное Сердце, – одновременно выдохнули они.

– Не просто Сердце. Долина Грома. Кусок к западу от Ока, считай, прямо за границей Великих Каскадов. Вон, видите

слева, по дальнему краю долины, тонкая белая полоска – так, по моему разумению, то край водопада и есть.

– То есть, ты хочешь сказать, мы сейчас видим точное изображение местности на подступах к дворцу Совета, так?

– Да, командующий, именно, – Кургу выглядел весьма довольным собой, – плюс противоположный от дворца берег, возле Ока. А вот тут, милях в трёх от городских стен – самое узкое место долины.

– Вижу, здесь, – командующий тронул рисунок. – Возле этого уступа не больше полутора сотен футов, и сам уступ ниже верхней границы основного разлома, пожалуй, можно перебраться незаметно. Дойти по расселинам... Да, вполне... надо всё хорошо обдумать. Жаль, вид только под углом – нутро долины почти скрыто, а дворца вообще нет. Поймай, – он сгрёб остальные картины с пола, – а нет ли здесь вида с другой стороны... Этого не хватит. Ну-ка, подсобите...

Зор тут же присоединился к нему, быстро разворачивая свёртки и просматривая открывающиеся пейзажи. Но Кургу остановил их, припечатав оставшиеся пакеты ладонями к столу.

– Не трудитесь, другого вида нет. Да и не могло быть. Я все разузнал: Сукхук работал на Сердце с высочайшего разрешения – сам тангорл согласовывал – и только в оговорённых местах. Всего пять картин. Три – районы Ока, одна – вид на дворец Семи из Ока через паломническую стену, ну и вот

эта. Потом там всё перепроверяли – не дай Единая, захватил, увлекшись, чего-нибудь запретного. Та, что с Дворцом, вроде как в нём самом и висит, тут не поручусь, не видал, две с Оком в музее на родной планете Сукхука, ещё одна где-то среди этой кучи – ничего примечательного, так, пару лавчонок со всем их барахлом. А эта, с долиной, – он ухмыльнулся, – из Дárницы. Кое-кто... позаимствовал её для меня. Я так понял, что сначала автор забрал её с собой, но потом пожертвовал на благо Объединённых миров и, судя по всему, Совет о подарке не знает. Ничего хитрого, видели б вы, сколько всякого добра проходит через Дарницу. Учёт-то ведётся, да всё не перепроверишь. Тангорл, может, вообще б не уделил такой мелочи внимание. Кстати, вот вам и вторая причина трат на коллекцию: заметили бы пропажу, да начали б копать. А так я подкинул им другую – авось не разберутся. Как бы то ни было, она у нас.

– Да, понятно. Даже с деньгами понятно, – примирительно произнёс Зор, – но командующий прав, её недостаточно. Слишком много тёмных пятен. Риск будет слишком высок, а мы не можем рисковать лучшими людьми. Всем же ясно, что туда могут сунуться только лучшие?!

– Не спорю, не спорю, мои проницательные друзья, но у меня есть мысли и на этот счет.

– Так говори же, не теряй времени.

– Увидал я когда эту картину, тоже посидел, покумекал и сообразил, как и вы сейчас, что её одной мало. Начал

искать сведения, заодно и про коллекцию придумал. Понял, что больше этот хлыщ Каменное Сердце не изображал, и вроде как тупик... Но попалась мне на глаза заметка о выставке, на Везии, вроде, личной выставке Сукхука. И оно бы ладно, но название «Воспоминания о Мирах» мне как по лбу вдарило. Как я раньше сказал, кроме любви к деталям у этих тварей потрясающая память, а, значит, есть шанс, что...

– Он запомнил на Каменном Сердце не только то, что нарисовал, но и всё, что видел. То есть всё – и Око, и дворец, и Каскады. Всё...

– Да. Да, сдаётся мне, так и есть. И он может сделать что-то подобное, но уже с другим видом. Нужным нам видом.

– Это было бы великолепно. Но кто сказал, что он пойдёт нам навстречу, да ещё не выдаст потом. Сомневаюсь, – покачал головой помощник командующего.

– Совершенно верно. Он не рискнёт нарушить запрет. По моему, на наш конфликт с Советом ему плевать, он творец, а не воин или политик. Но запрет для него важен. Поэтому придётся схитрить. И тут нам, опять же, поможет всё это собрание, – он кивнул на цветную гору на столешнице и на ещё нескрытые свитки на полу.

– Схитрить? Ты и это продумал? Старый шулер!

– Не то что бы продумал, командующий, но кое-какие идеи появились. Вот такая мысль: он невероятно талантливый, но, как по мне, натуральный псих – не может пройти мимо беспорядка или чего-то недоделанного, незаконченно-

го. В сети это не раз упоминалось: как он доводит свои выставки до идеала, в последний момент подправляет что-то в рисунках. Вот. Я предлагаю попытаться сыграть на этом. Объявлю себя увлечённым поклонником, который собрал коллекцию и хочет её выставить. Приглашу его, как желанного гостя и консультанта... не сюда, естественно, к себе, на Каритос, прямо под нос тангорловским соглядатаям – там вечная сутолока, одна выставка – капля в море... Ну вот, приглашу, значит. Покажу свою подборочку его творений – кроме этой, безусловно – захвалю до небес. А среди его работ повешу другие – наброски, якобы других авторов, подражателей, вроде как для контраста. Наши спецы, уверен, смогут скомпоновать что-то такое. Работы будут изображать разные места – похоже на реальность, но неточно – специально или потому, что не известно нам. В том числе и долину Грома. Вид сверху, так сказать, или... ну, конкретику мы ещё обсудим. Мы не сможем отобразить её детально, конечно, но так и надо. Сукхука эти наброски будут раздражать своей незавершённостью, и, если я верно понял, как работают его мозги, он не сможет удержаться и закончит их, дорисует такими, какими запомнил эти места... – Кургу перевёл дух. – Не факт, Тень на его голову, вовсе не факт, но шанс есть.

Рамис и Зор изумлённо пялились на каритосийца.

Первым опомнился командующий.

– Единая, ты и правда постарался. Всё это будет нелегко

проверить, но идея неплоха, очень неплоха!

– Много неконтролируемых обстоятельств: заманить художника на выставку ещё куда ни шло, но вот заставить его рисовать... не знаю... – протянул Зор.

– Не заставить. Подтолкнуть. Ненавязчиво, чтоб он ничего не заподозрил. Да, тонких моментов много. Всё может пойти не так, но какие у нас варианты? Идти на Каменное Сердце с тем, что есть, или попытаться разжиться чем-то ещё? Эта вылазка, если она состоится, слишком важна для всех нас, так что не стоит пренебрегать шансами. Обдумывайте, – Кургу неопределённо махнул рукой, – но моё мнение вы знаете.

Его собеседники молчали, разглядывая карту.

– Что ж, согласен, надо подумать. Время против нас, но, полагаю, пару дней ничего не решат. Спасибо за работу, мой друг. Отдыхай. Увидимся завтра – жду тебя на общем сборе.

Рамис и Зор по очереди пожали Кургу руку. Он кивнул, прощаясь, и вышел в ангар, прикрыв за собою дверь.

Командующий обернулся к своему компаньону.

– Что скажешь? Есть ли какое предчувствие, а?

– Нет, – Зор склонился к бумагам, – нет, ничего такого. Пока ничего. Мне нужно время. И эти я, пожалуй, тоже изучу повнимательнее, может, на что иное сгодятся, кроме пла-на нашего пронырливого друга. Вот, Каритосийский рынок, например, – он с интересом разглядывал многоцветье красок на самой большой из уже раскрытых картин, – вроде и знаю

его вдоль и поперёк, но новый взгляд никогда не помешает.

– Хм, а хорошая мысль... И правда, не стоит пренебрегать никакой информацией. Ты останешься тут?

– Пока да. А ты уже назад? Заберёшь всё с собой?

– Нет, не сейчас. Ещё схожу, проведу... – он замолчал, вся его поза выражала нетерпение. – Может, ты сам доставишь всё к нам?

Зор понимающе улыбнулся.

– Почему нет? Конечно. Только... не хочу снова садиться сегодня на эту зверюгу. Не возражаешь, если я доберусь как обычно, своими силами?

– Нет, не возражаю. Но постарайся не задерживаться – остальным тоже неплохо бы посмотреть на это. Хотя чем тебе не угодили куленны? Не понимаю. Эти прекрасно обучены и очень быстры... А, ладно, – он небрежно отмахнулся, – тебя не переделать.

– Я буду на месте через пару часов – не успеешь соскучиться. Иди уже к своему ненаглядному. Заждался... – Зор иронично выгнул бровь.

Рамис хлопнул его по плечу и направился к выходу.

– Когда это я по тебе скучал? – спросил он со смешком. – Да все счастливы, когда ты мотаешься где-то по своим делам. Ты ж невыносим, – уже закрывая дверь, командующий обернулся. – И всё-таки... не задерживайся.

Зор закатил глаза, но не ответил – его товарищ уже растворился во тьме пещеры.

Торопиться было некуда, но Рамис всё равно едва сдерживался, чтобы не побежать. Широкими шагами пересекая ангар, он стремился в самую его глубь. В этой части базы всегда было тише чем в других и гораздо менее многолюдно. Шорох подошв эхом разносился по огромному коридору.

В приглушённом свете редких ламп мелькали острые грани или полированные бока полутора десятков малых космических крейсеров, завёрнутых в тени, как в коконы. Периодически то к тому, то к другому подходили техники, роботы-уборщики степенно ползли из отсека в отсек, вычищая каждую крошку пыли, но в целом командующему никто не попался на пути. Личный состав сосредоточился сейчас в хранилищах да на учебных платформах. Собственно, это было в порядке вещей: ремонт космолётам не требовался, вылетов в ближайшие дни не планировалось. Они сонно ждали своего часа.

Ярдов через четыреста, сразу после очередной переборки, и без того огромная пещера вдруг резко расширилась, фосфоресцирующие линии разбежались в стороны, охватывая невообразимых размеров овал, дальняя часть которого терялась в сумраке. Здесь не горел искусственный свет, лишь узкие, вырезанные в камне окошки-бойницы в двухстах ярдах над землёй скупно разбрызгивали рвущиеся снаружи лучи.

Рамис остановился, устремив взор вперёд. Беспокойство в его глазах сменилось удовлетворением и восхищением.

Слава Единой, всё в порядке. Не то чтобы он ожидал иного, но каждый раз ощущал настойчивую потребность убедиться в этом лично.

Там, в полутьме и холоде матово мерцали бока лучшего корабля на свете. По крайней мере, для него точно, – подумал командующий, – да и кто может желать большего?!

Он подошел ближе, под самую корму, поднялся по ступеням одного из внешних трапов и, подняв руку, любовно погладил жемчужный корпус. Прохлада гиперстекла изысканной лаской отозвалась в ладони. Корабль засветился ярче, волнами побежали по его стенкам розовато-серые переливы. «Как живой», – в который раз промелькнула мысль, – «живее многих из тех, кто... нет, он не станет об этом думать.» Рамис потряс головой, отгоняя ужасные воспоминания.

– Мы живы, мой друг. Мы живы... И так будет и впредь. Тангорлу не выиграть. Ни за что... – он снова похлопал по гладкому боку, – придёт наш черёд. Скоро...

Гулкая тишина была ему ответом. Лишь продолжала перламутрово переливаться эта занимавшая весь колоссальный ангар вытянутая капля, чуть подсвечивая вплавленную в борт надпись... «Лунный меч»...

Пар, поднимавшийся над тарелкой, разносил вокруг аромат саговой каши с кусочками фиников и красного кактуса. Ему вторил запах горячего какао, налитого в большую, при-

чудливо изогнутую кружку. Из-за своих размеров эта самая кружка многим могла бы напомнить целый кувшин, но её владельца то нисколько не смущало – командующий очень любил какао.

«Повезло, что Лимм смог пополнить запасы в последней поездке», – с благодарностью подумал Рамис, отхлебывая обожаемый напиток. Язоритос – прекрасное место во многих отношениях, но с разнообразием еды тут не сложилось. Хотя... некоторые ящерицы великолепны... в жареном виде. Да и кактусы вполне сносны, особенно в каше или пирогах. Хорошо, что зерно и крупы дешёвы и продаются почти повсеместно в таких количествах, что никто не интересуется, куда пошла та или иная партия. А то бы пришлось им подзатылнуть пояса. Какао, конечно, дело иное, натуральное стоит немало. Но Лимм возит всего по несколько фунтов, да и то не всегда. Авось, никому не придёт в голову отследить. Почему бы и не позволить себе маленькую слабость?! Не все же должны, как Зор, довольствоваться простой водой. Рамис скептически качнул головой: столько лет они знают друг друга, но и теперь его помощник не во всём ему понятен. Даже эль не пьёт! Вот уж прав Кургу – такого везде заметят, слишком уж странный. Впрочем, и звание помощника – условность, учитывая, что приגיע руководит Содружеством гораздо дольше его самого.

Командующий неторопясь доел завтрак, пользуясь редкой минутой, когда никуда не надо спешить. Но едва он положил

ложку, как в прохладу его палатки, приподняв край холщовой стены, влетела Иле. Она и вправду иногда напоминала ему птичку с этими её топорщащимися русыми кудряшками и острым маленьким носиком. Хотя мозги у неё, определённо, птичьими не были – так организовать их разношёрстную банду один бы он не смог. Сглаживать острые углы ей пока удавалось великолепно.

Девушка приветствовала начальника коротким взмахом руки, заставившем тоненько зазвенеть многочисленные золотые браслеты на хрупком запястье: украшения, с которыми она не расставалась почти никогда, были единственной её поблажкой себе в жёсткой и строгой атмосфере базы.

– Доброе утро, Рамис! Как спалось?

– Здравствуй, Иле! Нормально, не хуже обычного, – он последним глотком опустошил кружку и отставил её в сторону, едва удержавшись от того, чтобы облизнуться, как сытый чотта. – Ну, что там у нас, все собрались уже?

– Да. Все на месте. Я пришла за тобой.

– Хорошо, тогда не будем задерживаться.

Рамис поднялся с кресла, расправил плечи.

– Я готов, пойдём, – он откинул полог, приглашающим жестом пропустил свою помощницу вперёд, а сам вдруг задержался на секунду. Подумал, шагнул в один из тёмных углов своего жилища, отодвинул панель, скрытую в стене, и достал из образовавшейся ниши туго завязанный кожаный мешочек – небольшой, но всё же не помещающийся в его ши-

рокой ладони. Качнув головой, словно соглашаясь с принятым им самим же решением, Рамис опустил мешочек в глубокий карман рабочих штанов и, наконец, направился следом за далеко убежавшей вперёд Иле.

Вчера, как только Зор вернулся с бумагами, Иле известила всех, кого поручил командующий. Вносить данные в общую систему не стали, хотя проникновений не было уже очень давно – Отор свое дело знал. В любом случае предстоящая вылазка не предполагала массовости.

Ночь посвящённые провели, изучая имеющиеся сведения, а утром собрались во внутренней переговорной. Рамис не слишком любил это помещение без доступа естественного света, но оно было достаточно просторным, хорошо оборудованным и, главное, защищено от посторонних ушей снаружи. Клокочущие звуки самой горы, словно возвещающие «я жива», иногда мешали даже разговорам в самом зале, не говоря уже об окружающих помещениях, где с подавлением шума дело обстояло хуже.

Сегодня их собралось десятеро: командующие подразделениями и прочие причастные.

Иле уже успела присоединиться к Отору и Лимму, занявшим центральные места за изогнутым полупрозрачным столом. Кургу, сменивший яркий наряд на более привычный бежевый летний костюм, расположился с краю.

Гуруздок и Йомб́ри, как обычно, держались поближе к вы-

ходу: оба предпочитали максимальный контроль над ситуацией, а ббурга к тому же ни один из здешних стульев попросту не выдерживал.

Рамис приветствовал их кивком головы и направился к своему месту во главе стола, но вынужден был резко остановиться, едва не сбив с ног внезапно вынырнувшего откуда-то Варру́. Командующий космолётами упёрся взглядом в возникшие перед ним широкие плечи, вскинул растрёпанную голову, взглянул в глаза своему начальнику, обхватил ладонями лоб и заметался туда-сюда по комнате. Осторожно обогнув его, Рамис встал у стула, окинул взглядом разложенные документы – их было явно больше, чем вчера днём в ангаре.

– Ну что ж, я вижу, все на месте, – на этих словах командующий посмотрел в единственный затенённый угол зала. Зор сделал шаг навстречу, молча приветствуя друга, и снова отступил в тьму, лишь изредка отблески света отражались в его странных звериных глазах.

– Шиванзика́ми, не мог бы ты всё же обозначить своё присутствие? Не люблю общаться с практически пустотой, ты знаешь. А?

От зеленовато-серой стены отделилось до этого незаметное для неосведомлённых существо. Почти прозрачное сегментированное тело с двумя десятками постоянно меняющих длину ножек-выростов, колыхаясь, медленно двинулось к дальнему краю стола, осторожно взобралось на него и свер-

нулось в клубок на гладкой поверхности.

– Благодарю. Всегда приятнее поговорить... лицом к лицу, так сказать. Особенно с главой разведки.

Шиванзиками хрюкнул, что вполне могло сойти за смешок. Отор и Иле обменялись улыбками.

– Ладно, приступим, – Рамис сел, откинулся на спинку кресла, взгляд при этом упал на продолжавшего мерить шагами пол Варру, но он не стал его останавливать, – я начну, обобщу, что у нас есть. Мы потеряли «Бир». Это означает, что сделка с моренантами сорвана, а вы все знаете, как много она значила для нас. Мы потеряли корабль и двоих наших друзей, о судьбе третьего – капитана Ули Пимо – нам толком ничего не известно. Возможно, он погиб, как и другие, но тела нет. А поскольку нууги не склонны коллекционировать трупы, то есть основания полагать, что он жив и сейчас находится в плену. Вероятнее всего, в самом дворце, у Совета. Если это так, то значимость проблемы сильно возрастает. Уле посвящён во многое. В нём я уверен – он силен и предан нашему делу. Но тангорл и его прихвостни – не мелкая сошка, их способности и используемые методы, судя по слухам... ужасны, – он тяжело вздохнул, – да, ужасны, но эффективны. Мы не знаем, что им удалось или удастся выудить у него, да и вообще, жив ли он до сих пор... надеюсь, что да...

– Для нас было бы лучше обратное, – слышался ровный голос Йомори.

Рамис обернулся, встретив прямой и твёрдый взгляд огромных раскосых тёмно-синих глаз. Командующая техникой никогда не отличалась излишней сентиментальностью.

– Да, ты права, конечно. Для нас всех, наших соратников, нашего дела ему бы лучше не попадаться Совету Семи живым. Но он наш брат, я не могу желать ему смерти...

Йомори неохотно качнула головой.

– Космолёт, целый космолёт, старый уже, да, но в отличном состоянии, – послышалось тихое бормотание Варру, – как жаль... потерять целый корабль. Быстро это не восполнить... детали... да, деталей не хватает... ещё и...

– Варру! – спокойно, но громко перебил его Рамис. – Там были и наши люди, не забыл?!

– А, что? – тот остановился, оглядел собравшихся, будто только их заметил. – Конечно, конечно... это печально... потеря... но целый космолёт, – он вытер вспотевшие ладони о засаленный свитер и снова ушёл в себя, бормотание продолжилось, правда уже неразборчиво. Хорошо хоть остался на месте, прекратив мельтешить туда-сюда.

Остальные понимающе переглянулись: на фоне Варру даже Йомори могла бы показаться верхом общительности и любви к людям.

– Случившееся ставит перед нами несколько задач, – продолжил командующий. – Во-первых, нужно сохранить договорённости с Эрму и постараться выполнить наши обязательства перед ними. Не знаю, известно ли им уже о произо-

шедшем, пожелают ли они с нами вообще контактировать, когда узнают. Это и в первый раз было рискованно, а теперь, когда Совет, предположительно, может быть в курсе ситуации... огромный риск и для них, и для нас, – он вздохнул, – но нам особо не из чего выбирать, нам очень нужна эта сделка. Наших кристаллов слишком мало для полноценной кампании против нуугов. В этой части мы им проигрываем...

– А ещё и космолёт, целый космолёт... средний класс... вы подумайте, – бормотание главы лётных подразделений вторгло в речь командующего, но он не остановился.

– Кроме того, из-за гибели «Бира» мы потеряли и... объект, предназначенный для передачи. Достать такой, не привлекая внимания, во второй раз – задача не из лёгких. Да и моренанты могут вообще передумать. Я и в первый раз не совсем понимал, с чего им вдруг это потребовалось, всё-таки их отношения с Советом... но это нам не столь важно, не будем забивать мозги. Зор, – не повернув головы, обратился он к другу, – тебе придётся возобновить переговоры. Знаю, тебе сейчас лучше б не покидать Язоритос, но вряд ли они согласятся сменить контактёра. И ты лучший в этом деле, тут ни у кого не будет возражений.

– Лесть со мной не работает, Рамис, всё ты никак не привыкнешь, – Зор, наконец, вышел из своего угла и сел за стол, небрежно вытянув длинные ноги, – лесть нет, а вот необходимость – да. И я вполне осознаю эту необходимость. Конечно, моя повторная встреча с представителями Эрму в те-

чение столь короткого времени не останется незамеченной, но мы что-нибудь придумаем. Однако, вынужден огорчить присутствующих – у нас больше причин для беспокойства по этому поводу, чем вы думаете. Произошли перемены...

– Перемены? О чем ты? Что ещё стряслось?

– Мы не успели доложить тебе... Шив изложит лучше.

– Что тут излагать? – гибкое тело Шиванзиками слегка задвигалось, полились мягкие стрекочущие звуки. – Всё просто. Мне, наконец, подтвердили... новая Высшая жрица родилась. Так что на Эрму, как ни глянь, немалые перемены. Она, очевидно, юна, и, так же очевидно, неопытна. Конечно, преемственность у них там на высоком уровне и всё такое, но мы не знаем, как она себя поведёт.

– Единая, как же я забыл?! – Рамис хлопнул ладонью по столу. – Слухи ходили уже давно. Но я считал, что выбор новой жрицы – процесс очень долгий, а?

– Да, долгий. Но что мы толком знаем о них? Может, они искали преемницу уже сотни лет? Может, им просто повезло, и они нашли её сразу? А, может, они вообще их выводят специально – этих преемниц. Мы не знаем. К ним пробраться невозможно. Поле планеты ещё никто не преодолел. Поэтому довольствуемся той информацией, что они сами выдали. Содружеству, конечно, никто ничего не сообщал. Мы перехватили их официальное извещение Совету Объединённых миров. Пока это просто уведомление о смене Высшей жрицы. Никаких программных заявлений, так сказать. Ви-

дим, будут позже, после всех церемоний... шествие или что там ещё.

– Ясно. Это и правда осложняет дело. Но необходимости его продолжать не отменяет.

– Переговоры затянутся, – Зор недовольно скривился, – а время против нас. Как знать, что ещё там выведает тангорл. Но сделаю всё, что в моих силах, обещаю.

– Прекрасно. Начинай, не откладывая. А теперь ко второй части проблемы, – Рамис посмотрел на Лимма и свою помощницу. – Что скажет наш снабженец насчёт повторного поиска объекта обмена с моренантами?

Лимм заговорил не сразу, покрутил головой, разминая шею, постучал пальцами по столешнице:

– Это может оказаться посложнее переговоров. Объект слишком уж заметный. Мы и первый-то достали с трудом. А уж скрыть это от ищеек Совета было почти нереально. Возможно, что и не получилось: «Бир» погиб, а мы не знаем, почему на него напали нууги. Роковая ли это случайность или целенаправленная операция, – он пожал плечами, – результат один, но последствия разные. Мне кажется, наводка всё-таки была. Шив, что думаешь?

– Мы работаем над этим, – прошуршал глава разведки, – данных мало, но кое-какие признаки целенаправленной попытки захвата корабля присутствуют. Я не хотел бы преждевременно делать выводы, командующий, – он развернул своё тело в его сторону.

– Понимаю... Хорошо. Продолжайте собирать сведения. Будут подтверждённые данные – сразу ко мне. Лимм, продолжай ты.

– Так вот, про наводку: если она и была, то насколько конкретная? Если нуугам известно только о провозе запрещённого груза, но неизвестно, какого именно – это нам на руку. А вот если они вышли на охоту по вполне конкретному поводу – тогда поиск нового объекта усложниться в разы – они усилят контроль за всеми партиями, всеми комплектуемыми. Подполье дополнительно прошерстят не раз, – он нервно сжал ладони в замок, – в таких условиях надо бы вывезти тех из наших, кто наиболее уязвим. Но нам нужен новый объект, а с урезанным контингентом на основных точках... сомневаюсь, что нам это удастся.

– Должно удастся, друг мой, должно. Нам это нужно, как никогда. Иле, – обратился Рамис к помощнице, – вся координация этих процессов на тебе. Лимм, работаешь на местах. Используйте всё, что потребуется. Отор и Шив также работают с вами над этим вопросом. Ориентируйтесь на переговоры. Зор будет держать всех в курсе, – тот согласно кивнул, – но не дожидайтесь их результата, он может быть не так скоро, как хотелось бы. А к их завершению мы должны быть готовы, готовы сразу начать действовать. Кстати, ты, Варру, – командующий подождал, пока взгляд его собеседника сконцентрируется на нём, – как думаешь, а не можем ли мы собрать эту штуку сами, если найдём детали, конечно?

– Хм... хм... если всё будет... но всё не собрать, – Варру будто говорил сам с собой, перепрыгивая от одной мысли к другой, – а если собрать? Корпус какой хочешь, это всё равно... да. А линзы? Остальное достанут. Линзы... хм, – он запустил пятерню в волосы, растрепав их ещё больше, – можно... Да, командующий, думаю, может получиться. Только вот линзы...

– Их можно сделать самим, – вмешалась Йомори.

– Самим? Э, красотка, ты, конечно, разное творишь, но для таких линз у нас нет опыта, – Варру покачал головой.

– Мои парни справятся. Да, некоторые составляющие будет непросто достать. Но он у нас на что? – она кивнула на Лимма, вопрошающе изогнув бровь. – А? Реально? Объём там не такой уж большой – основные элементы можно добыть прямо здесь... да даже в этой самой горе. Главное – не поджариться при этом, – Йомори хохотнула, но тут же лицо её приняло обычное строгое выражение. Сложив тонкие бирюзовые руки на груди, она с вызовом смотрела на Варру.

Тот моргнул, снова почесал лоб, хмыкнул и обернулся к Рамису:

– Ну, раз дамочка считает, что сможет... Да, мы соберём его сами.

– Отлично. Лимм, Иле – имейте в виду и этот вариант, хорошо?

Соратники кивнули.

– Дальше... Шив, Кургу и Гуруздок, третья часть нашей

проблемы – возможная утечка информации. Это на вас. Вы двое – выясните всё, что можно. Гуруздок, проверь весь личный состав, ищи всё, что отклоняется от обычного поведения, состояния... тебе виднее.

Ббург протестующее заворчал:

– Да я за год не управлюсь. Весь состав... Ты перегибает палку.

– Нет. Ты знаешь, что нет. И ты справишься. Отор и Иле помогут и тебе – базы, списки, сведение информации – как обычно. Но увидеть неполадки в полной мере сможешь только ты.

– Ладно. Куда я денусь... – он шумно выдохнул, от чего даже сдвинулись несколько бумаг на столе, – хотя в наших людях я уверен.

– Конечно. И мы не хотим сомневаться, но должны. Будем надеяться, что это просто ужасное стечение обстоятельств.

Рамис ненадолго замолчал, поднялся, обошёл стол, передвигая лежавшие на нём бумаги, выбрал несколько, высыпал их перед Иле.

– Развесь там, – указал он на светлую переборку за её спиной, – так всем будет понятнее.

Девушка улыбнулась, не притронувшись к документам.

– Незачем, я уже всё подготовила, – она развернулась на стуле, провела ладонью по гладкой поверхности, тут же налившейся ровным светом. На экране отобразились несколько странного вида картин, пару схем и списков – те

самые, что отобрал командующий.

– Вот. Нет, это не общая система. Отор поставил ограничения. И это только на сегодня. Потом сотрём. Не возражаешь?

Гигант отрицательно покачал головой.

– Всё нормально. Хотя в дальнейшем этой информации лучше оставаться только в виде бумаг, да у нас в головах. Но ладно, приступим. Как вам известно, мы давно хотим проникнуть во дворец Совета Семи – центр управления Федерацией. Если бы это удалось, у нас был бы шанс устранить действующий Совет... или хотя бы его часть. Тогда – при должном содействии с той стороны – возможно, получилось бы наладить контакт, изменить текущую ситуацию. Пока же позиция тангорла делает невозможными хоть сколько-нибудь адекватные переговоры. Перевес сил на их стороне, изменить расклад прямыми военными кампаниями... не думаю, что это выигрышный путь, хоть без этого и не обойдётся. Захват дворца всех противоречий не снимет, но даст нам большую свободу действий, время и, не стоит умалчивать, ресурсы. Если разговоры о Великих хранилищах правдивы хоть на десятую часть – то беспокоиться об обеспечении нам больше не придётся. Плюс кристаллы – основные запасы Совет хранит у себя под боком. А вот это уже способно переломить ход войны: если мы сможем перебрасывать наши силы столь же быстро, как нууги, – он пожал плечами, – мы сильнее, я уверен.

– Сильнее или нет – неважно, это только слова. Захватить дворец не под силу никому, – вмешалась Йомори, – это слишком самоуверенно, – она резко качнула черноволосой головой, отрицая саму возможность; многочисленные тонкие косы, стянутые в высокий хвост, плетями хлестнули воздух. – Это попросту самоубийство.

– Твои сомнения более чем обоснованы. Это, действительно, самоубийственный шаг. Но в случае успеха... это продвинет нас так далеко, что, возможно, удастся завершить войну... совсем. Не сразу, но завершить... в обозримом будущем.

– Цель, конечно, жизненно важна, но и цена окажется высокой.

– Да. Замечу, что у нас есть и гораздо менее значимая цель – Ули. Если он жив, было бы правильно попытаться его спасти.

– Раньше ты не стал бы делать ничего подобного ради единственного человека, даже не зная точно, жив ли он вообще. Риск для всего Содружества был бы неоправдан. Что изменилось, Рамис? – командующая техникой вопросительно подняла бровь, скептически поглядывая на окружающих.

– Я бы и сейчас не стал. Как я сказал, эта цель менее значима, она только дополняет основную. И если раньше о проникновении в святая святых Совета не имело смысла задумываться, то сейчас у нас появился шанс, как мне представляется. Призрачный, но гораздо больше, чем ничего. Кур-

гу, – Рамис обернулся к разведчику, – поясни, наверное, ты, в основном же это твоя идея.

Кургу вздохнул, кивнул, соглашаясь, поднялся со стула, неспеша прошёлся мимо экрана, вглядываясь в изображения, наконец, повернулся к товарищам.

– Авантюра, конечно, такая авантюра... и смертельно опасная, но, – он поднял вверх палец, привлекая внимание, – не нереальная. У нас может получиться...

Несколькими минутами позже Кургу удовлетворённо хлопнул по столу, документы зашелестели.

– Вот, значит, так. Идея небезупречная, знаю. Но попытаться стоит, как по мне.

– Хм. Так ты утверждаешь, что при должной доработке эти картинки дадут нам подробную карту, позволяющую подобраться ко дворцу? – Шиванзиками приподнял верхнюю часть тела над столом, опираясь на вытянувшиеся передние конечности, по его панцирю пробежала переливчатая зеленоватая рябь, показывая, насколько взволнован глава разведки. – От самого Ока, через долину и прямо к Совету Семии... хм...

– Пока не могу быть уверен, что ко дворцу. К границе Каскадов точно. Дальше – зависит от того, на что мы сможем... э-э... сподвигнуть Сукхука. Хотя, дворец он, безусловно, видел, значит, и запомнил. Если наша затея с выставкой удастся, – он обернулся на Рамиса и Зора, взглядом ища поддерж-

ки; оба одобрительно кивнули, – то да, думаю, карта всех подступов, а, может, и схематический план резиденции, нам будут обеспечены.

– Хорошо, это хорошо. Хотя есть у меня сомнения по поводу этого вашего художника... поможет ли он нам? Сам того не сознавая, конечно... С другой стороны, я слышал о его сородичах. Не то чтоб я уделял этому большое внимание, но твоя информация, полагаю, верна. Они и правда помещаны на порядке, точности и тому подобном. Может сработать, может, – раздалось негромкое шуршание, Шиванзиками скрутил заднюю часть себя в более плотное кольцо, его мерцание усилилось. – А хорошая, тщательно отобранная группа с такими данными вполне способна осуществить проникновение. Уважаемый Гуруздок без труда подберёт кого следует, тем более группа должна быть небольшая. Дюжины хватит, только хорошей дюжины, а?

– Других не держим, – пророкотал ббург, отходя от подпираемой до сего момента стены к экрану и всматриваясь в отображённый на нем пейзаж. – Этого, – он ткнул громадным пальцем в картину, – недостаточно, но если вы провернёте то, о чём рассказали, людей я вам найду. Рисковых, готовых вообще сунуться в это место, и умелых. Да, мои парни справятся.

– Прекрасно, – Рамис хлопнул в ладоши, – тогда утверждаем наш план. Кургу с Зором начнут готовить выставку. Иле, ты, как всегда, координируешь...

– Постой, – перебил его Шиванзиками, – план мне нравится... в целом. Но я не договорил. Есть несколько смущающих меня моментов, помимо уже названных.

– Извини, Шив, я поторопился. Продолжай.

– Так вот. Предположим, мы добудем карту, соберём группу, проникнем туда, на Каменное Сердце... Кстати, а как мы это сделаем? Ладно... доберутся они до Каскадов... И что дальше? Как быть с защитным полем дворца? Я никогда не слышал о способе его пробить, открывает его только сам тангорл, и никто иной. А... и ещё... Гвардия. Как быть с ними? Остальные обитатели дворца, вероятно, тоже станут защищаться, но это меня не беспокоит, наши справятся.

– И сам Совет. Это вам не простые разъевшиеся чинуши с захудалой периферийной планетки, – добавил Зор, выступая вперёд. – Лично меня больше всего волнует именно Совет. Всемером они – серьёзная сила. Конечно, они редко используют боевое ийкэ, нет нужды. Возможно, кое-какие навыки утратили... это если нам повезёт. Мы не знаем точно, каковы их личные возможности на настоящий момент. Кого мы можем послать, чтобы справиться с этим... если операция состоится? Рамис, я думаю об этом со вчерашнего дня, но так и не определился. Точно знаю только одно – простых вояк, даже самых опытных, там будет недостаточно.

Все обернулись к командующему, ожидая ответа.

Он прошёлся по комнате, снова уселся в кресло, опёрся локтями о стол, опустил подбородок на сжатые в замок ла-

дони. Карие глаза блеснули.

– А что все остальные? Вы скажите, что думаете.

Иле и Лимм заговорили одновременно:

– Да, Зор и Шив правы, что насчет Совета, защиты двorca?

Отор только кивнул, показывая, что и у него нет других вопросов.

Йомори развела руками:

– Да всё то же, что остальные. Конечно, есть вопросы по технике, которая от меня потребуется для всего этого. Но это уже детали. Сейчас это несущественно. От Варру, вот, наверное, тоже что-то понадобится. Лететь-то на чём?

– Лететь? – Варру дёрнул головой. – На Каменное Сердце? Нет, абсолютно исключено. Нас перехватят ещё до того, как мы увидим Равновесие. Ну, может, чуть ближе, если повезёт. Нет, я не дам корабль. «Бира» достаточно. Мы не можем позволить себе терять ещё... И вообще, не нравится мне вся эта затея, ох, не нравится...

– Никто от неё не в восторге, друг, – Рамис жестом призывал всех помолчать, – но могу тебя успокоить – космолёты нам вряд ли понадобятся. Это слишком открытый ход, а мы должны действовать как никогда скрытно. И да, напомню, конечная цель должна заинтересовать даже тебя – кристаллы, я же говорил?!

– О! Кристаллы! Запасы Совета... много... – Варру даже причмокнул от удовольствия, – кристаллы для моих деток.

Мы сможем выпустить в космос их все... О! Да, да... стоит всё это обмозговать, ага... — он снова ушёл в себя, бормоча что-то неразборчивое, но выглядел теперь воодушевлённо... насколько он вообще мог выглядеть таковым.

Командующий выпрямился, снова обвёл взглядом собравшихся:

— Что ж, ваши сомнения и вопросы понятны. По технике и прочим деталям, как и сказала Йомори, позже, это мелочи на фоне остального. К главному. Гвардия — мы располагаем кое-какими сведениями о ней, спасибо нашему тайному помощнику. Безусловно, эти женщины очень сильны...

Отор хмыкнул, впервые проявив интерес:

— Женщины, как же! Машины они. Просто машины для убийств, вот и всё.

— В чём-то ты прав, — продолжил Рамис, — машины. Но и они не безупречны, у них есть уязвимости. Вот, взгляните на эту записку, — он указал в угол экрана, — оттуда... Информации мало, но кое-что в описании навело меня на мысль... Кого ж, если не меня, в этом случае... Централизаторы. У них должны быть централизаторы. Нам не известно точное расположение, но обычно их ставят ближе к мозгу. Повреждение их выведет этих дамочек из строя. Чем это сделать, вопрос как раз к тебе, — он кивнул командующей техникой, — подумай, обсуди со своими. Нам нужно что-то небольшое, но эффективное. Продолжительный контакт здесь нежелателен.

– Ты всё же доверяешь этим запискам? – Зор сузил золотистые глаза. – Не нравится мне это. Как знать, кто нам их передаёт? Для чего?

– Доверяю? Нет, не совсем. Но они что-то да значат. А конкретно эта... – он опустил голову, потом снова поднял глаза к собеседникам. – Моё прошлое только подтверждает её содержание. Очень похоже на правду. Хотя данные о Гвардии даже для таких, как я, всегда были секретной информацией. Я склонен считать приведённые в этой бумажке сведения фактом. Надеюсь не ошибиться...

– Что ж, если так... в этом смысле тебе, действительно, виднее.

– В общем, полагаю, у нас неплохие шансы справиться с Гвардией. Что касается попадания в Око... Обычные способы категорически не подходят: мы не сможем ни воспользоваться космолётом, ни общественным порталом. Точнее, последнее возможно, но риск попасться в лапы тангоровским приспешникам сразу по прибытии чересчур высок. И всё же ответ у меня есть, хотя он кое-что усложнит, – Рамис похлопал себя по бедру, выудил из кармана красно-коричневый мешочек размером с кулак. – Вот наш путь, – он аккуратно развязал шнурок – на столешницу мягко скользнул крупный льдисто-голубой кристалл.

Все, за исключением Зора, подались вперёд и замерли в изумлении. Первым опомнился Лимм:

– Единая! Откуда такое богатство?

Тут же загалдели остальные:

– Да, откуда? И давно он у тебя? Почему мы не знали? И насколько он сильный? А Зор, похоже, в курсе...

Рамис остановил их мягким жестом:

– Я всем отвечу. Откуда? Из прошлого, скажем так. Это слишком значимая вещь, чтоб о ней излишне распространяться, надеюсь, вы понимаете. А Зор... так вышло. От него вообще мало что скроешь, уж вам известно...

– Да уж... это точно, – со всех сторон на помощника командующего обратились подозрительные взгляды.

– Вот за это тебя и не любят, между прочим, – Кургу резко обернулся к Зору, голос его звучал обвиняющее, но в нём проскальзывали смеющиеся нотки, – всегда обходишь других.

Тот только небрежно развёл руками, но промолчал.

– Продолжу, – Рамис оборвал их, – о возможностях этой штуки, – он осторожно повертел кристалл пальцами, грани холодно сверкнули под светом ламп. – В этом, как раз, и сложность. Он велик, достаточно для того, чтобы не требовать пары...

Все радостно вздохнули.

– Да, пара ему не нужна, поэтому именно он – наш способ пробраться на Каменное Сердце, прямо в Око... а если будущая карта будет достаточно детальной, то и ближе, может, прямо к Каскадам.

– Это же прекрасно, – воскликнула Иле.

– Да, прекрасно, но не обольщайтесь слишком. Он не слишком чистый, как видите, потому способен провести лишь несколько человек и, как ни жаль, даже меньше дюжины. Семь-восемь, я думаю, предел... А это мало. И дюжины мало для борьбы с Гвардией, а ещё есть и Совет, как было сказано. В общем, всё не так радужно, как показалось на первый взгляд.

– Меньше дюжины... – Шиванзиками поскрёб лапками, – да, очень мало.

– Мало? – возмутился Гуруздок. – Да это вообще не стоит разговоров. И двенадцать-то ни о чём, а уж меньше... Не справимся.

– Ты же так был уверен в своих парнях, Гуруздок? – подначил его Зор. – А теперь всё изменилось, да?

– Нет, Тень тебя побери! Они – лучшие. Но всего восемь. Самоубийство!

– Об этом говорилось с самого начала, – командующий потёр лоб, – я не хочу терять ни одного, но к этому надо быть готовым. Если мы начнем эту операцию, то каждый, кто согласится, должен чётко понимать, на что он идёт. Это не увеселительная прогулка. Это бой не на жизнь, а на смерть...

В зале ненадолго воцарилась тишина. Все как-то вдруг очень ясно почувствовали грозящую опасность. И не только для тех, кто будет на первой линии, но для них всех – если хоть что-то пойдёт не так, а такое случается постоянно, – под ударом окажутся абсолютно все.

Молчание опять нарушил Рамис:

– И ещё Совет. Самое непростое. Но мы не решим этот вопрос сейчас. Подумайте все несколько дней – кто способен пройти Гвардию, а потом противостоять тангорлу и остальным?! Сам я пока не уверен. Есть пару мыслей, но не уверен. Что касается защитного поля... В некоторых из тех записок, которые мы получаем от нашего неизвестного помощника из дворца Семи, проскальзывало, что защита не так уж монолитна и непосредственно у самых Каскадов поле нестабильно. Наш шанс – обнаружить подобный пробел и надеяться при этом, что он будет открыт, пока все не смогут пройти внутрь. Главное, проход нужно найти очень быстро, любое промедление повышает вероятность обнаружения наших парней и даёт время Совету вызвать подмогу – нуугов с орбиты или даже с Ирриллитенау. Зная численность войска на базе только самого Каменного Сердца, – он покачал головой, – нашим не выстоять, их будет ничтожно мало.

Присутствующие переглянулись. Лимм подал голос:

– Во что мы ввязываемся?! Не слишком ли много неизвестных в нашем плане, а? Рамис, стоит ли оно того? Не лучше ли будет отбить у нуугов ещё пару-тройку планет, чем лезть в осиное гнездо?

– Мы же уже обсудили причины, Лимм. Единая, я прекрасно понимаю, как мы рискуем, – командующий тяжело вздохнул, – но только такой риск даёт нам шанс прекратить войну. Всего лишь маленький шанс, но можем ли мы им пре-

небрежь? – он пристально взглянул на своего светловолосого собеседника. – Противостояние для многих из вас длится уже на одну сотню лет, и чем дальше, тем хуже. Сколько ещё это может продолжаться? Сколько ещё мы будем барахтаться в этом болоте боёв – нападений, побед, отступлений – из раза в раз? Мы меняем что-то на одной границе Объединённых миров – Совет тут же делает абсолютно невыносимой жизнь на другой границе. Ни мы, ни они не в силах поддерживать свой порядок везде – Миры стали слишком большими. Чтобы изменить ситуацию, надо действовать иначе, не так, как все привыкли. Я считаю, мы должны рискнуть. Другой возможности может и не быть, кто знает... Я, конечно, командующий. Я могу решить всё одним словом. Но я так не сделаю – слишком много поставлено на карту. Друзья, я поддерживаю решение большинства. Моё мнение вам известно.

Рамис замолчал, медленно оглядел всех соратников. Зор сразу кивнул, поддерживая своего командира. Так же молча кивнули и все остальные.

Решение было принято. Оставалось действовать...

Глава 13

Каменное Сердце

– Так вот, – продолжил тангорл, обращаясь к вновь рассевшимся вокруг камина советникам, – я успел... пообщаться с нашим гостем до этой встречи...

– Гостем? – перебил его Акелод. – Ты имеешь в виду пленника?

– Гостя, пленника – неважно... Главное, что я всё-таки сумел добиться результата, в отличие от тебя, мой друг.

– Я делал всё, что в моих силах. Даже больше. Система теперь гораздо совершеннее, – будто оправдываясь, но со скрытой обидой в голосе, ответил советник по переговорам.

– Да, действительно. Тут ты хорошо поработал. Система и правда стала гораздо лучше. Но результатов с этим... гостем, – Грейл ехидно улыбнулся, – особых не было, ты согласен, Акелод?

Тот качнул головой, подтверждая правоту главы Совета.

– Вот и хорошо. Потому я и решил действовать сам, пробить эту стену упрямства. Это было непросто... – взгляд тангорла на секунду стал отрешённым, – да, непросто, но кое-что я узнал. И это переходит всякие границы. В его сознании я обнаружил связь между мятежниками и... Эрму.

Атерита вскочила с места, всколыхнув близкое пламя полой тяжёлого, богато украшенного халата:

– Этого не может быть! Нет! Как такое могло пройти мимо меня?! Это просто невозможно, – хватая ртом воздух, она перевела взгляд на вцепившихся в подлокотники своих кресел Чиггумиэ и Смеггра – их потрясение было не скрыть, потом глянула на остальных – те казались гораздо спокойнее, хотя в их позах и чувствовалась напряжённость. Атерита снова вздохнула, и опустилась обратно на подушки. – Прости, пресветлый, продолжай.

– Да. Я ухватил только обрывки информации: образы мятежников – никого конкретного, какая-то группа в этих их землистых нарядах, грязь, пыль, – тангорл брезгливо сморщил нос. – Кто-то из моренантов – тоже неясно кто, но тут сомнений нет, кристаллы я ни с чем не спутаю... хотя, очень похоже на Гриду – я видел её всего лишь пару раз через передатчик, но похоже, да, очень похоже на Высшую жрицу...

– Напомню, пресветлый, она уже не Высшая, – перебил его Мирриэнаэл, – новая уже выбрана. В это время как раз их шествие, наверное, идёт.

– Ах, да! Я и забыл... хм... возможно, что это нам на руку. Может, я даже придал информации, полученной от Пимо, слишком большое значение... да, если подумать, теперь-то всё может быть не так.

– А что именно? Ты так и не договорил.

– Да, да, конечно. Передача кристаллов. Никаких образов,

только эти слова. Я решил, что речь о передаче кристаллов моренантами мятежникам, минуя Совет. Да и как ещё это толковать?!

– Ты считаешь, Эрму передала мятежникам кристаллы? – теперь Мирриэнаэл выглядел действительно поражённым, как и остальные, впрочем. – Единая, как они осмелились?!

– Не делай поспешных выводов, друг мой. Я ничего не выяснил о времени этого события. Возможно, это уже свершилось, но также возможно, что это только планируется. Не знаю... – тангорл развёл руками, – больше ничего, уж очень упёртый этот тип оказался.

– Может, тогда продолжить допрос, – вклинилась Гилия, обращаясь к Акелоду. – Когда часть информации уже выдана, он должен стать более сговорчивым, разве нет? А, советник?

– Обычно да. В любом случае, я продолжу свою работу, не так ли, Грейл?

Тангорл вдруг, почудилось его собеседникам, слегка смутился, но лишь на секунду. Потом он продолжил как обычно – ровно, не повышая голоса:

– Боюсь, повторные допросы уже невозможны, – он поймал удивлённый взгляд Акелода и заинтересованный – Мирриэнаэла. – Он был слишком твёрд в своём нежелании сотрудничать. Возможно, я надавил слишком сильно... В общем, из этого источника нам сведений больше не получить. И не будем об этом. Полагаю, нам теперь известно главное –

мятежники и Эрму вели или ведут переговоры, вероятнее всего о кристаллах... Это логично, – он пожал плечами, – на их месте каждый пытался бы добиться того же. А, может, они и добились, кто знает? Нам надо решить, что с этим делать. А тут ещё эта... явилась... – глава Совета замолчал, задумчиво склонил голову; остальные тоже молчали, давая ему время собраться с мыслями. – Ладно, – он хлопнул себя ладонью по колену, – об этом уже говорили, позже... Надо решать, как быть с Эрму. И да... Акелод, там... в комнате... в общем, надо убрать всё, ты понимаешь.

Акелод согласно кивнул:

– Конечно, пресветлый, не беспокойся.

– Так как будем действовать? – тангорл ждал ответа от каждого. В его синих внимательных глазах отразились языки огня.

Первой, как часто бывало, начала Гилия:

– Информация, конечно, тревожная – если подобные переговоры, а тем более передача кристаллов, неважно было ли это уже или только планируется, будут успешными, то это сильно укрепит позиции мятежников. Их появления можно будет ждать где угодно, отследить станет практически невозможно. Значит, нужно быть готовыми к подобному и усилить все уровни защиты. В первую очередь, надо укрепить дополнительные войсками основные стратегические точки... для начала. Я распоряжусь сразу же, как мы закончим здесь. Нууги будут высланы незамедлительно.

– Да, пожалуй, – согласился Грейл, – продолжай.

– Далее... надо усилить поиск основных баз мятежников.

– Мы и так тратим на это слишком много, – вставил Смегг, – и всё без толку – слишком хорошо они прячутся. Скольких мы нашли за последние несколько лет? Нет, не отвечай. Пятерых. И ни одной базы. Ни одной. К чему дополнительные траты?

– Как раз поэтому они и нужны: нам требуется больше ищущих, гораздо больше. Это вопрос безопасности, а ты, как всегда, о деньгах, – Гилия недовольно покачала головой, поджав губы, – впрочем, это твоя работа, могу понять...

– Разве я против безопасности? Я против бесполезных расходов и только. Но если Совет решит, что ж... – он неопределённо махнул рукой, – будут тебе ищущие.

– Хорошо. Продолжу. Я говорю о подготовке и усилении наших позиций, Советники, и это нужно сделать в любом случае. Но, возможно, тангорл неверно истолковал, – она бросила на того чуть извиняющийся взгляд, – выбросы разума этого торговца. В конце концов, нескольких слов и образов мало, чтоб делать однозначные выводы. Да, мы должны учитывать худшие варианты, но в реальности всё может быть совсем не так страшно. Может, это вообще не реальность, а только его фантазии... иллюзии поражённого мозга.

Чиггумиэ обрадованно вскрикнула и захлопала в ладоши:

– Ну, конечно... наверняка это так и есть! Да разве можно себе представить, чтоб Эрму вступила в подобные перегово-

ры с кем бы то ни было?! У нас же есть Договор, – её травянисто-зелёные глаза, ещё минуту назад бывшие тусклыми и напуганными, теперь вновь ярко блестели; длинные кончики больших ушей, выступавших из золотистой массы волос, возбуждённо подрагивали. – Просто выдумки, не более...

– Не будь дурочкой, Чиггумиэ, – Гилия раздражённо повернулась к ней, – что за необоснованный восторг?

– Но ты же сама сказала...?! – эльфийка растерянно переводила взгляд с одного советника на другого.

– Сказала, но не совсем это, – отрезала военная советница. – Я говорила, что так может быть, а не что так и есть. Мне, как и тебе, хотелось бы оказаться правой. Да и всем присутствующим, не так ли, пресветлый?

– Несомненно. Нам всем бы этого хотелось. Но ты права, мы должны учитывать все варианты, не впадая в панику, с одной стороны, а с другой, не расслабляясь. Я согласен, наши позиции будут усилены, распорядись. И средства тебе выделим, все согласны?

Возражений не последовало.

– Есть что ещё добавить, Гилия?

– Вообще-то есть. Мы уже много раз это обсуждали. Количественный состав Войска, по моему убеждению, не покрывает сейчас потребности Объединённых миров. Текущая мобилизация недостаточна...

– Ты права в одном: это уже обсуждалось, и мы обо всём договорились... и не надо мне опять приводить все твои до-

воды, сам знаю, – тангорл кратким жестом остановил готовый сорваться с её губ протест. – Текущие темпы отбора в Войско и так многих не устраивают. Нам, в условиях всего происходящего, не нужны новые протесты. Увеличения мобилизации не жди.

– Жаль, – Гилия огорчённо сморщила лицо, – я понимаю, но должна была попытаться ещё раз, – она тихо усмехнулась, – но это терпимо. Кое-что иное важнее. Уверена, ты понимаешь, к чему я веду.

– Боюсь, что понимаю.

– Мы должны вернуться к вопросу о централизаторах для большинства нуугов, – лицо Грейла при этих её словах слегка перекосило. – Войско недостаточно для Федерации, но всё же уже слишком велико для нормального управления... если использовать традиционные методы. Но централизаторы могут всё изменить...

– Гилия, ты же знаешь...

– Да, знаю. Да, помню. Помню, что произошло. Знаю твоё отношение к этому. Но буду возвращаться к этому вопросу, это необходимость, и чем дальше, тем она сильнее. Не упустить бы момент...

– Я тебя понимаю. И потребности наши осознаю. Но последствия новой попытки... можем ли мы быть уверенными в том, что всё не окончится как в тот раз? – тангорл встал, прошёл в дальний угол зала, потом снова вернулся к огню, заговорил, понизив голос. – Мы так много потеряли тогда,

до сих пор не смогли полностью восстановиться... кое-что вообще не восстановишь. А они... они приобрели всё это. Мы тогда сами, по сути, помогли мятежникам, помогли так, как они в самых невероятных мечтах и представить не могли. Ты надеешься, что повторения не будет. Но мне, да и тебе самой, на стол регулярно ложатся доносы о настроениях среди нуугов. Воспоминания о... той ситуации ещё живы. И многие, я уверен, остаются на стороне своих братьев, хоть они и предатели, – последнее слово он выдавил сквозь зубы. – Точных сведений, конечно, нет, они все слишком хорошо обучены, но разве ты можешь дать мне гарантии, а?

Гилия склонила голову, потом прямо взглянула главе Совета в глаза.

– Нет, пресветлый, не могу. Риски, как всегда, велики.

– Велики?! Да они огромны! А у нас до сих пор нет ничего равного «Лунному мечу»! – взорвался тангорл. – Нет! Даже и не начинай больше о централизаторах.

– Верфи почти закончили два подобных корабля, я же докладывала, – Гилия, как истинный командующий войсками не могла смириться с поражением так легко.

– Подобных, вот именно! Только подобных. Да, технически они такие же. Может и лучше даже, много нового появилось, в конце концов. Но я не об этом, ты знаешь. Подбор капитанов, не говоря уже о построении их связи с космолётом, займёт десятилетия. Тогда мы потратили почти тридцать лет – и это мало, потому что он был лучшим. Осознание

этого просто разрывает меня на куски, но это так. Он был лучшим. Есть ли у тебя такие сейчас?

– Есть много способных...

– Просто способных здесь недостаточно!

– Но мы же всё равно будем пробовать?!

– Конечно, будем. Но результат сразу не получим. И если сейчас мы, без сомнения, выигрываем у мятежников числом, то в случае попытки централизации кто гарантирует, что они не переманят её противников на свою сторону?! Никто. Ни ты, ни я. Нет. Я не дам им такого шанса. Не теперь. Ясно?

– Ясно, пресветлый. Тогда у меня всё, – Гилия понуро села на стул.

– Хорошо. Кто еще хочет высказаться?

– Я, – на этот раз Атерита поднялась с кресла спокойно и не торопясь, аккуратно расправила складки на своём одеянии, пригладила ладонью выбившуюся из небрежно заплетённой косы тёмную прядь волос с еле заметной проседью, – прошу простить мне ранее проявленную излишнюю эмоциональность – слишком неожиданно было узнать о возможных контактах таких разных сил в Объединённых мирах. Я не буду говорить о нашей защите, военных кампаниях и даже о возможности или невозможности каких-то событий – вы решите это и без меня. Мне же представляется важным сохранить текущий порядок вещей по кристаллам. Любое отступление от него со стороны моренантов – неважно в чью пользу – это серьёзный удар по всем нам, по управлению,

по власти. Это категорически неприемлемо. Значит, следует подтвердить существующие договорённости с Эрму. Тем более, что на мятежников и их намерения мы повлиять никак не можем.

– Мы можем им помешать претворить их планы в жизнь, как с этим последним кораблём, – Гилия уверенно и прямо смотрела на советницу по мирам, – нууги с этим справятся.

– О, дорогая, я не сомневаюсь, что справятся, но я не об этом. Да, мешать каким-то отдельным действиям мы можем, но в состоянии ли мы охватить их все? А уж тем более, помешать этим отступникам вообще строить свои гнусные планы? Нет, это невозможно, иначе бы война давно бы была завершена.

Гилия хмыкнула, пожала плечом, но дальше вмешиваться не стала. Атерита продолжила:

– Поэтому разумно сосредоточить основные усилия на контакте с Эрму. Мы должны их убедить, что древний Договор им по-прежнему выгоден. И эти переговоры не стоит откладывать, тем более, как напомнил Мирриэнаэл, у них новая Жрица. Они пусть и едины в своих мыслях, но новая метла... Кроме того, новая Высшая жрица, насколько мне известно, хотя это и первая их смена при моей жизни, должна быть довольно юной. Вряд ли они выбирают для этой цели простушку, но опыта у неё ещё мало и влиянию она должна поддаваться легче. Нам нужно согласовать переговоры, и как можно быстрее. И ещё... – она обернулась к тангор-

лу, – думаю, пресветлый, в этом случае не нужны, а то и вредны большие делегации – опять же из-за отсутствия у Жрицы опыта – много народу может её смутить, а то и напугать.

– Тогда что ты предлагаешь? – уточнил тангорл.

– Для начала достаточно будет только нас двоих – тебя и меня, но пообщаться нужно именно с новой Высшей жрицей, пусть даже она будет и с помощниками. Естественно, дистанционно, как и обычно с Эрму. То, что в переговоры сразу вступит глава государства, должно показать наше уважение. А я уж постараюсь повернуть всё в нашу пользу.

Грейл вздохнул, потёр в раздумье лоб.

– Переговоры, говоришь... Да, несомненно, их надо провести. Потенциальных противников надо знать в лицо, тем более, когда у них происходят столь важные перемены. И всё же...

– Что-то смущает тебя, пресветлый?

– Нет, не совсем. Только... переговоры там, переговоры тут – не слишком ли мягко мы собираемся действовать?

– Понимаю, о чём ты. И в какой-то мере ты прав. Но пока это лучший выход. Что с этой... – Атериту передёрнуло, – Меняющей, что с Эрму. На первую мы надавить не можем потому... собственно, потому что толком не знаем, что она из себя представляет сейчас. А что касается Эрму... В принципе, мы могли бы выставить им своеобразный ультиматум – напоминание о договорённостях, потребовать прекратить взаимодействие с противниками действующей вла-

сти, но что это даст? Они могут и подчиниться, а могут и обозлиться, и поступить с точностью до наоборот – кто знает этих нежитей?! – она в сомнении покрутила рукой. – А силу мы к ним применить не можем. Даже если не брать в расчёт нашу потребность в кристаллах – а это главное – защитное поле их планеты мы не пробьём, не так ли, Мирриэнаэл? Или появились какие-нибудь подвижки в этом направлении?

Чёрные глаза старика поймали и поглотили новые отблески огня, на мгновение могло показаться, что всё пламя, пылающее в камине, сейчас затянется внутрь этих сумрачных провалов, и окружающее погрузится во тьму. Он отрицательно покачал головой:

– Нет, пока ничего, к сожалению. Я работаю над этим, но... Всё, что могу сказать – барьер представляется потенциально преодолимым, но, видимо, для этого потребуется просто колоссальная энергия, а, может, и что-то ещё. Нет, пока мы не можем применить к моренантам силу.

– А жаль, – разочарованно произнёс тангорл, – это бы многое упростило, не так ли?

Все согласно закивали.

– Ладно, придётся договариваться: просто сидеть, сложа руки, тоже не выход. Не можем же мы оставить всё, как есть. Пусть помощники согласуют время, – обратился он к Атерите, – но не раньше, чем через пару дней – нужно ещё решить с этой... – Грейл перевел взгляд на узкое, скрытое сейчас шторами окно, через которое можно было увидеть городские

окраины. — Да, сначала это, потом переговоры.

— Конечно, пресветлый. Тем более, они вряд ли согласятся раньше — там же это их многодневное шествие.

— Вот и хорошо. Раз они заняты своими церемониями, то, скорее всего, не будут сейчас контактировать ни с кем — ни с нами, ни с мятежниками. Это нам на руку. Но согласование начинайте уже сейчас, — он хлопнул по подлокотникам кресла и поднялся. — Тогда на этом и закончим.

Неожиданно заговорил Смеггр — обычно он был весьма молчалив и мало выражал своё мнение, подчиняясь решению окружающих, а если что-то и обсуждал, то это были деньги. Да и чего ждать от финансового советника?!

— Кхм, если позволите... я кое-что добавлю...

— Конечно, говори, мы за тем и собрались, чтобы послушать всех, — однако заинтересованности в этих словах тангорла не слышалось — он не любил говорить о расходах.

— Мысль, конечно, так себе, не без недостатков, но всё-таки небольшой рычаг влияния на Эрму у нас есть, да, — Смеггр в волнении крутил пальцами, — можно попробовать, наверное...

Тангорл вопросительно поднял бровь, но ничего не сказал.

— Да? Ну и что там у тебя? — скептически поинтересовался Акелод.

— Грунт.

— Грунт?

– Ну да, тот, что мы поставляем Эрму в обмен на кристаллы. Кроме как у нас им взять его неоткуда – все точки выборки под нашим контролем, спасибо нуугам, – он благодарственно поклонился Гилии. – Мы могли бы поставить моренантам условие о продолжении поставок только при их отказе от переговоров с мятежниками. А новые острова им нужны – ходят слухи, что население там сильно выросло за последние несколько десятилетий. Ну вот, такая вот мысль... – Смеггр с интересом всматривался в лицо Грейла, ожидая его реакции.

– Мысль, говоришь... А ты подумал, что они в таком случае перестанут поставлять нам кристаллы, а? И как мы тогда с этим справимся?

– Я и говорю, мысль не без недостатков, – смутился Смеггр, – но это была бы не постоянная мера, только чтобы немного выиграть время. И в это самое время, чтобы кристаллов хватило, мы могли бы... могли бы... пользоваться запасами, да. В Хранилищах сейчас...

– Ты хочешь изъять кристаллы из Хранилищ?! – взревел глава Совета. – Ты совсем спятил?! Эти кристаллы – наша гарантия безопасности, дальнейшего развития и увеличения Объединённых миров, а ты хочешь истратить их на текущие нужды? Да и результат всей этой затеи – будет ли он? Нет и ещё раз нет. Я категорически против. Ультиматумы можно выдвигать, только подкрепляя их силой. Военной силой. Банальные торги, которыми, по сути, твоё предложение и яв-

ляется, тут не сработают. Нет. Забудь, – тангорл презрительно отмахнулся. – Всё, на этом точно всё. Оставьте меня, мне надо поразмыслить.

Коротко попрощавшись, все остальные покинули комнату.

Грейл ещё некоторое время стоял, глядя на огонь. Мысли его разбегались от одного к другому. Никак не удавалось сосредоточиться. Внезапно красно-оранжевые сполохи превратились перед его взором в копну густых, чуть выющихся волос, обнимающих тонкое лицо с глазами то зелёными, как вода в дворцовом пруду с кувшинками, то глубокими лиловыми, словно небо после заката... Он вздрогнул, потряс головой, отгоняя непрошенное виденье. Образ померк. Но пламя продолжало отталкивать главу Совета. Он нажал на рычаг и загасил его. Зал окутала темнота. Тангорл отвернулся от камина и подошёл к окну, отдернул штору и взглянул вдаль. Бледный свет лун уже начинал угасать, готовясь уступить место новому дню. В этой предутренней сини ему были хорошо видны чёрный провал долины Грома да тонкая яркая ленточка фонарей на боковом парапете Ока.

Она была где-то там. Чего же она ждёт и когда появится здесь? Да и появится ли вообще. Может, прав Коспарх, и она уже на другой планете?! А что? Побывала, посмотрела и улетела... куда-то, по своим делам. Да и пусть бы с ней! Пусть бы держалась подальше от Совета, и можно о ней не думать... Да нет же, нет, что такое... нельзя не думать. Кто знает, что

она решит сотворить? Пусть уж лучше ближе, хоть наблюдать можно будет. И побыстрее бы уже...

Тангорл ненавидел ждать. Но в этот раз выбора у него не было.

За несколько часов до этого

Два пылающих диска согревали красно-коричнево-жёлтый бок планеты. Стоял самый разгар дня.

Мили и мили камней и песка занимали всё видимое пространство. Было очень тихо. Вернее сказать, было бы очень тихо, если б не отдалённый гул, явственно доносившийся из-за горизонта. Отсюда никто бы не смог увидеть ничего, что производило такой шум. Но если отвлечься от него, то других звуков здесь, считай, и нет: ни ветра, ни птичьего гомона, ни шороха ножек насекомых о сухую землю.

– Ах, – раздавшееся внезапно слово, даже не слово, а громкий вздох, прозвучало в этой своеобразной тишине почти как маленький взрыв. Скрип песка под чьими-то ногами продолжил нарушать покой этого места.

«Ничего не изменилось, по крайней мере, здесь», – подумала Аррилия, оглядывая мир, раскинувшийся вокруг, – «пыль и жара. Единая, как тут кто-то может жить?!»

Действительно, после ледяной тьмы космоса, такой родной ей, здешние свет и тепло ощущались почти болезненно.

Эризингия осмотрелась ещё раз, пожала плечом, словно отбрасывая всё увиденное за отсутствием интереса, и сосредоточилась на том самом дальнем гуле, вроде бы постоянном и однородном, но в то же время производящем впечатление чего-то живого. Да, пожалуй, её путь лежит именно туда.

Она легко оттолкнулась от земли, одновременно формируя отражающий кокон – не стоило показываться перед чужими глазами вот так сразу – и быстро поднялась ввысь: в глаза плеснули далёкие белые, синие и золотые пятна, раскрылась рваная рана огромного разлома, словно наполненного радужной пеной. На секунду Аррилия слила своё сознание с Бездной, и тут же в голове всплыли ответы: Дворец... Око... Каскады. Она улыбнулась, уверившись в правильности выбранного направления, и устремилась к белым стенам главного города Объединённых миров.

Большинство городов за несколько столетий успевают родиться, вырасти ввысь и вширь, иногда – умереть, исчезнуть, а потом снова поднять к небу головы своих башен. Как бы то ни было, они меняются, меняются неуклонно и неизбежно, подстраиваясь под новых жителей и новые времена. Да, все они меняются, но только не многотысячелетнее Око.

Он блестящим лезвием врежется в один из берегов долины Грома, протыкая твёрдую сухую плоть планеты на шестнадцать миль в длину и двести футов в глубину, если считать

самые окраины. Отделанные известняком и мрамором стены продолжают ещё на десяток футов вверх по краям обрывов, формирующих границы этого странного города, зажатого между скал. Эти верхние парапеты, по ночам освещаемые яркой двойной лентой парящих в воздухе фонарей, – единственная часть Ока, видимая с поверхности земли. Город будто прячется от посторонних, намеренно скрываясь в ущелье, как бы в противоположность демонстративно возносящемуся вверх дворцу Совета Семи, расположившемуся напротив.

Но зато жизнь здесь кипит – ничуть не меньше, чем в других крупнейших поселениях Федерации. Разношерстного люда тут столько, что кому угодно ничего не стоит затеряться в толпе, несмотря на все уровни защиты от незаконных проникновений и постоянный внутренний контроль. А уж эризингии и подавно...

Она появилась в Оке, абсолютно никем не замеченная: не задержавшись, пролетела сквозь защитное поле и опустилась почти в самом центре большой аллеи. Взгляд сразу же потонул в цветовом море: наряды местных жителей играли, как драгоценные камни – изумрудные, рубиновые, топазовые – они просачивались сквозь плотный бледно-голубой поток паломников, туда-сюда, от одной улочки к другой и обратно. Со стороны могло показаться, что какой-то чрезвы-

чайно эмоциональный художник одну за другой рисует картины, взрывами краски покрывая движущийся холст.

Аррилия осмотрела свою непритязательную земную одежду – обыкновенные джинсы и простенький топ – задумалась на пару секунд, и вот уже её тело обнимает тяжёлый шёлк цвета молодой хвои, блестящая ткань струиться вниз, обволакивая фигуру, и падает почти до земли. Никаких украшений, лишь традиционная вышивка по вороту и длинным рукавам, да узкий пояс, несколько раз обвивающий талию – на фоне большинства местных совершеннейшая серость. Даже её волосы в здешней пестроте уже не бросались в глаза так сильно. Эризингия осталась вполне удовлетворена результатом – гораздо лучше, чем рядиться в паломника, тем более что интересовало её вовсе не окошко в стене, и удобнее, чем полное изменение внешности – она и раньше не любила менять образы, не то что Негио... Воспоминание сверкнуло тёплой искоркой, но тут же сменилось другим – голубой свет, вспышка, тысячи лет заключения. Ах, Негио, Негио, брат мой, где же ты?! Я уничтожу здесь всё, если это поможет найти тебя...

Она резко дёрнула головой, отгоняя несвоевременные мысли. Нет, надо сохранять спокойствие, разрушение больше не её путь. Тем более, что теперешние обитатели этого места никак не причастны к случившемуся. Даже Совет, по большому счёту. Да... Она здесь, чтобы познакомиться со всем, изучить своих противников... или союзников, кто

знает... получить удовольствие, в конце концов.

Её носа коснулся тоненький хвостик сладкого ягодного аромата. Аррилия повернула голову в его сторону, с наслаждением принялась: тёплые манящие запахи свежей выпечки смешивались в душистую реку, зовущую отправиться прямо к источнику. Эризингия не стала сопротивляться искушению. Раньше, до заключения, еда, питьё и тому подобное не интересовали её вовсе. Надобности в них, в общем-то, не было и теперь – зачем кому-либо, имеющему прямой контакт с Бездной, иная энергия – но это человеческое тело, бывшее теперь её частью, имело свои слабости. Мягкие булочки, рассыпчатые пирожные и шоколад – что в этом плохого? Аррилии были в новинку, но определённо нравились приносимые ими эмоции. Так почему бы и нет?! Просто очередные впечатления...

Скрывающий её кокон пропал. Пара паломников, перед глазами которых она так внезапно появилась, остановились, замешкавшись, но особого удивления не выразили: не то чтобы они часто видели существ, способных возникать из ниоткуда, но, в принципе, это было не столь уж редким умением в Объединённых мирах, а здесь, в самом их сердце, кого только не встретишь. Аррилия кивнула им, словно приветствуя дорогих гостей, они разулыбались в ответ и продолжили свой путь, сразу же забыв об этой краткой встрече.

Эризингия двинулась дальше сквозь поток, рассматривая развернувшийся перед ней город.

Центральная аллея, она же основная дорога Ока, была усажена толстыми старыми буками, сплетающими свои кроны в сложные арки и своды. Иногда буки перемежались чрезвычайно высокими и элегантно тонкими чернильными деревьями – чем ближе к стене с видом на Дворец, тем их становилось больше. Их сине-фиолетовые стволы с отслаивающейся лентами серой корой могли показаться незнающему невероятными рукотворными колоннами, увенчанными на самой макушке аккуратными сине-зелёными шарами ветвей. Здесь, в Оке, эти деревья появились относительно недавно – только при нынешнем тангорле. Он очень их любил – за окраску, вторившую официальным цветам Совета Семи. В дворцовых садах таких высадили несколько сотен.

Между рядами деревьев шел главный пешеходный тракт, выложенный большими квадратными плитами – белыми с сине-голубым узором Миров. Тут и там встречались пышные цветочные клумбы, резные деревянные скамьи с отделкой из камней и полированного металла. Повсюду журчали, будто переговариваясь, чистые струи фонтанов и фонтанчиков.

С обеих сторон от аллеи тянулись разнообразные лавчонки и магазинчики, вечно окружённые бело-голубой толпой визитёров. Дальше шли ещё улицы, параллельные главной, по которым сновали туда-сюда маленькие, низко летающие скутеры, перевозившие небольшие партии грузов от склада к нужной лавке, а иногда и торопливых местных жите-

лей, уже потерявших интерес к неспешным прогулкам по городу. Потом появлялись таверны и гостиницы, портновские мастерские и кузницы, аптеки и бани. Затем, ближе к снежно-белым стенам, вторя их цвету, карабкались по уступам, глядя на всех остальных свысока, банки и театры, виллы и казино, магистрат и суд. Далеко справа, почти у стены с Оком, выделялось высокое синее с золотом здание Дарницы – этого храма разнообразных подношений, передаваемых восторженными паломниками в казну.

Покрытые известняковой плиткой скалы – почти вертикальные, если не считать ряды узких искусственных террас, заполненных зеленью и цветами – завершали картину.

В боковых ответвлениях основного ущелья располагались, в основном, жилые дома.

Повсюду в воздухе плавали матовые сферы фонарей – они горели большую часть суток, поскольку свет солнц освещал долину Ока полностью лишь в редкие послеполуденные часы. Особо впечатлительные гости, возвращаясь домой, рассказывали, что в городе словно поселились звёзды.

Запах привёл Аррилию к небольшому лотку под причудливым алым навесом: здесь пахло так сладко, что, казалось, и сам лоток должен быть съедобным. На нём горами лежали всевозможные витые крендельки, фигурные конфеты из лучшего шоколада и пирожные с фруктовой начинкой. В бочкообразной стеклянной колбе солнечно искрился ледяной лимонад.

Она незаметно сформировала в своей ладони монетку в несколько тангет, положила её на прилавок, чуть потолкавшись с остальными покупателями. Пухленькая хорошенькая торговка, ещё очень юная, но уже привлекающая часть посетителей не столько выпечкой, сколько своими формами, улыбнулась ей и провела рукой над товаром, предлагая выбрать лакомство. Аррилия остановилась на сахарном кексе, наштигованном свежими ягодами миллека – крупными, тёмно-зелёными, невероятно ароматными. Чуть отойдя в сторонку, она вонзила в него зубы, аккуратно поймала языком упавшую с уголка губ каплю сока... рот наполнился вкусом пряностей, ванили, терпкой цитрусовостью ягод, тающей сладостью... Да, всё-таки в этом теле есть и свои плюсы...

Покончив с кексом, эризингия медленно пошла по тракту в направлении Каскадной стены. Сейчас до неё оставалось около трёх миль – большая часть Ока лежала позади.

Успевая рассмотреть по пути каждую деталь – громадные здания и маленькие домики, снующий транспорт, растения, птиц и уличных животных, заваленные товарами лотки и красиво украшенные витрины – наибольшее внимание она всё же уделяла людям. Если бы вы хотели узнать о населении Объединённых миров, почти никуда не выезжая, то тут для этого было лучшее место. На этой старинной дороге встречались представители самых разных видов и рас, жителей любой из планет – как близких, так и окраинных. Главный пор-

тал работал, не переставая, перемещая потоки из основного орбитального порта. Механизм был отлажен идеально.

Да, люди интересовали её больше всего. Такие разные – огромные суровые воины, носящие броню даже под хлямидой паломника; хрупкие и стеснительные девушки, а иногда и юноши, боящиеся порой взглянуть в сторону своих невольных попутчиков; восторженные новички, впервые посетившие что-то подобное Оку, не знающие, на чём остановить свой взгляд, но пытающиеся ухватить как можно больше; бывалые путешественники, спокойные и целеустремленные, уже не отвлекающиеся на здешнее почти карнавальное разноцветье, а спокойно идущие к нужному им месту; гуманоиды, млекопитающие, рептилии, насекомоподобные существа, какие-то невообразимые пузырчатые субъекты – и все разумные, все периодически общающиеся друг с другом; аристократы и чиновники в богато украшенных нарядах, высокомерные и не слишком; знающие себе цену ремесленники со своими изделиями подмышками; сосредоточенные или наоборот рассеянные учёные, увешанные кучей приборов; подростки, раздражённые, если их притащили сюда родители, и гордые собой, если приехали сами или с группой товарищей; дети, то заливисто хохочущие, то горько плачущие, но всегда проказливые и любопытные – все они спешили приобщиться, как им казалось, к великому. Аррилия хмыкнула. Что великого во взгляде через окно в стене?! Нет, ей этого не понять...

Хотя вот дети ей нравились — большинство оставались милыми, даже размазывая слёзы по щекам, да и Око их не слишком привлекало, как и её саму. Малышам гораздо интереснее были игры под синими стволами-колоннами, лавки с игрушками да сладостями. При взгляде на одного из них она приостановилась. Трёх или четырёхлетка, бирюзовый и золотоволосый, он впился тёмными глазами в какую-то не то лошадь, не то козу среди кучи других подобных безделушек. Игрушка била ногой и странно всхрюкивала, но вообще не показалась эризингии хоть сколько-нибудь заслуживающей такой увлечённости. Но ребёнок так явно не считал. Он упорно тянул за подол стоящую рядом женщину — судя по такому же, как у него, цвету кожи — его мать, пытаясь привлечь её внимание. Но она всё отмахивалась, занятая тем, что что-то внушала другому пареньку, постарше. В конце концов, она оттащила малыша от палатки, усадила его на близстоящую скамью и снова отвернулась к старшему, продолжив свою прерванную речь. Нижняя губка мальчика задрожала, большие, совершенно круглые глаза в обрамлении длинных ресниц, таких же светлых, как и волосы, влажно заблестели, свидетельствуя о приближающихся слезах.

Аррилия подошла почти вплотную, подмигнула насупившемуся карапузу и приложила палец к губам, заговорщицки призывая его к молчанию. Тот вытер глаза кулачком, быстро взглянул на ничего не замечающую мать и кивнул эризингии. Она вопросительно качнула головой в сторону игру-

шечной лавки. Малыш энергично закивал и замер в ожидании. Эризингия задумчиво потёрла подбородок, будто что-то вспоминая, и почти сразу лицо её осветилось принятым решением... Короткий и едва слышный хлопок, и с её раскрытых ладоней слетело что-то маленькое, алое, как пламя зари. Существо, взмахивая широкими крыльями, опустилось точно в подставленные детские ручонки и замерло. Ребенок в восторге разглядывал длинное чешуйчатое тело, подвижный хвост, аккуратную, тонко вырезанную голову с тремя парами витых рожек, светло-жёлтые глаза. Он осторожно погладил голову пальцем – игрушка хлопнула крыльями, сделала круг над его макушкой и уселась на плечо, свернувшись кольцом. Малыш вскочил, явно собираясь завопить от счастья. Но Аррилия быстро приложила ладонь к своему рту, напоминая ему молчать. Потом показала на себя, провела ладонями перед собой сверху вниз, как бы скрываясь за воображаемым занавесом, одними губами прошептала: «Меня нет...», указала на замершего дракончика и жестами изобразила, будто бы он прилетел откуда-то сверху. Мальчик вновь понимающе закивал. Эризингия помахала ему и влилась в толпу. Обернувшись в последний раз, она увидела, что мать всё-таки обратила внимание на своё чадо, заметила она и новую игрушку. Судя по отчаянной жестикуляции, взмахам рук, указывающих вверх, ребенок объяснял, что это принадлежит ему, упало с неба. Мать, нахмутив брови, несколько раз обернулась вокруг себя, осматриваясь,

окинула взглядом дальние белые стены вилл и, видимо, пришла к выводу, что игрушка никого не интересует. Пожав плечами, она потрепала малыша по голове, кивнула, разрешая оставить неожиданный подарок. Тот засмеялся, коротко обнял её за ноги и помчался вокруг скамьи, дразня своим приобретением брата.

Аррилия улыбнулась и продолжила путь, направляясь к золотому куполу Дарницы, сиявшему в миле впереди.

Вскоре её глазам предстали огромные гладкие колонны в разводах разных оттенков синего, такие невероятно яркие на фоне белизны большинства остальных строений. Самые высокие из них, обрамляющие изогнутую, как крылья чайки, арку центрального входа, достигали почти сотни футов. Большая часть помещений Дарницы была вырублена прямо в боковых скалах ущелья, однако и внешняя, достроенная часть оказалась очень велика, полукругом выдаваясь вперёд. Венчал её белый, как и всё окружающее купол, расписанный золотом и украшенный ларимаром и лазуритом, что придавало ему сходство с океаном, искрящимся под лучами солнца. Мраморная лестница, состоящая всего из пяти низких ступеней, была истёрта миллионами поднимавшихся по ней ног.

Нескончаемый поток дарителей вливался в главный зал через широкие и чрезвычайно высокие двери, даже не двери – ворота, тоже украшенные золотом и лазуритом, резными фигурками из кости и камня. Почти всегда распахнутые

настежь, кроме пары часов по ночам, эти створки и сами были, в сущности, такими же дарами: всё их убранство складывалось из подношений и за тысячи лет уже неоднократно менялось полностью – старые части постепенно замещались новыми, формируя совершенно иную картину, так что в каждый следующий ваш визит сюда вы бы не увидели их прежними.

Она вошла внутрь вместе со всеми – никто здесь не проверял, есть ли у тебя с собой дар или нет – и замерла в восхищении. Нет, сам зал, конечно же, выглядел тоже великолепно – кажущиеся живыми барельефы, изумительные скульптуры и красочные росписи были выше всяких похвал, но всё же не они поразили её. Дары... они не просто выставлялись для обозрения, нет. Они лежали сверкающими горами везде, занимая большую часть огромного пространства. Да что там горами – целыми горами! Некоторые составляли десятки футов в высоту!

Какая-то система, впрочем, в этом присутствовала: ткани лежали с другими тканями, предметы искусства с предметами искусства, драгоценности с драгоценностями... Однако общее ощущение великолепного хаоса пронизывало всё вокруг. Как ни странно, складывалось впечатление, что всё здесь построено на доверии и никто ни за чем не следит. При этом никто не пытался ухватить и вынести с собой отсюда даже самую малую вещь, хотя бы на память. Такое единодушие, учитывая чрезвычайную разношёрстность визитё-

ров, чрезвычайно удивило эризингию. Это совсем не было похоже на религиозную экзальтацию, поклонение перед святыней, но чувствовалось, что это имеет для всех большое значение. Приобщение к чему-то более сильному, чем они? Возможно... Но неужели ж ни у кого за века не возникло даже мысли чем-нибудь здесь поживиться?! Или ловкачи встречались?! Интересно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.